

Олег Тараканов («Laxy Catal»)

Страховое государство

Сборник статей о панархии из блога
[«oetar.livejournal.com»](http://oetar.livejournal.com)

(модель общественного устройства с системой
экстерриториальных контрактных/конкурирующих
юрисдикций, ЭКЮ)

Компиляция от Битарх, v1.0, 2019 г.

Содержание

Предисловие от автора компиляции	3
---	---

I. Проблемы современных государств

Люди – рабы государства?.....	5
Мифология (иллюзии) демократического государства.....	12
Рухнет ли Вестфальский мир?.....	22
О тщетности дискуссий и идентичности демократов и коммунистов.....	30
А.Н. Илларионов и «другой капитализм».....	43
Власть как товар и её рынки.....	54
Монархия vs. Демократия.....	73
Как работает мозг и почему я либертарианец.....	80
Ссылки, которые я чаще всего даю в дискуссиях.....	85

II. Проблемы либертарианства

Фундаментальные проблемы минархизма.....	87
Фундаментальные проблемы анархо-капитализма.....	95
Проблемы неинициации насилия.....	101
Не анкап: отличие экстерриториальных государств от чопов.....	104

III. Реалистичное решение — панархия

Альтернативное понимание государства.....	107
Страховые государства (часть 1).....	114
Страховые государства (часть 2).....	128
Иммигранты и контрактные юрисдикции.....	143
Декларация независимости.....	150

Предисловие от автора компиляции

Эта книга - структурированный сборник наиболее значимых статей из [ЖЖ-блога](#) известного либертарианского философа Олега Тараканова («Laxy Catal»). Статьи приведены полностью в неизменном виде, без правок со стороны автора компиляции.

По мнению автора компиляции, в работе Тараканова рассматривается наиболее реалистичная, с точки зрения возможности имплантации на данный момент, модель общественного устройства. Она призвана решить постоянно множасьщиеся проблемы людей почти во всех современных государствах, основанных на территориальной монополии с «тиранией большинства».

Сам Олег Тараканов вместо слова «панархия» применяет изобретённый им термин «страховые крыши», но автор компиляции счёл возможным использовать более общепринятое понятие. Панархия не ставит целью полное уничтожение государства, а выступает за отмену его территориальной монополии, и за добровольное участие в нём. Это система экстерриториальных контрактных (и/или конкурирующих) юрисдикций (ЭКЮ), в которой разные люди могут выбирать себе «виртуальное государство», находясь на одной территории.

Такой подход обеспечивает конкуренцию между юрисдикциями, заставляя их эффективнее расходовать бюджет и не ущемлять личные и экономические свободы граждан. Но еще важнее то, что люди приобретают возможность жить по тем правилам, которые ближе лично им, а не тем, которые [были навязаны по воле большинства](#), проживающего на какой-то территории. Ведь в обычном территориальном государстве лишь малая часть реально способна эмигрировать, а остальные люди вынуждены терпеть всё что угодно, чем, собственно, правительства и пользуются, наплевав на их интересы.

Могу предположить, что некоторая часть убеждённых последователей Ротбарда не сочтет панархию за истинное либертарианство. Тем не менее, если сравнивать с неустойчивым минархизмом и труднореализуемым анархо-

капитализмом (анкапом), [панархия является самым реалистичным и легко «продаваемым людям»](#) вариантом ухода от текущего печального положения дел. В режиме панархии уже сейчас, согласно международным соглашениям, живут дипломаты, так что речь идёт всего лишь о широкомасштабном внедрении готового хорошо себя показавшего механизма.

Если вам пришёлся не по душе потестарный («силовой») подход к взятию под юрисдикцию и энфорсменту судебных решений в модели Олега Тараканова, не отворачивайтесь от идеи панархии совсем. Рассмотрите проект [Bitnation](#), где все это осуществляется абсолютно без какого-либо принуждения на основе блокчейн-системы репутации.

Задать свой вопрос по теме панархии и либертарианства вы можете на сайте [Анкап-тян](#), в паблике ВК «[Антигосударство](#)» и на [моей странице](#).

Битарх.

Люди – рабы государства?

Не раз обсуждал на форумах эту тему и далее намерен корректно показать, что да, рабы. Только оговорка: рабство – не дискретное, а “аналоговое” состояние, у него есть разные “градации”. Крепостной крестьянин – тоже раб, но не на 100%. Крепостное право с Юрьевым днём – более мягкая форма рабства, чем без Юрьева дня и т. д.

Тем кто думает, что рабство бывает только личным, напоминаю про Спарту, где рабы были собственностью всей общины спартиатов, а не какого-то конкретного хозяина.

Наиболее общее определение рабства может выглядеть так: рабство – это власть над взрослым, ничего плохого не сделавшим [не осуждённым судом] человеком без его на то согласия (дети и преступники по обычаю рабами не считаются, хотя все признаки там есть).

UPD: Действующая Женевская конвенция о рабстве даёт такое определение: РАБСТВО — положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности. Напомню, право собственности включает в себя три правомочия: владение, пользование и распоряжение вещью. Тысячи томов регламентирующего законодательства - разве это не распоряжение вами? А отъём у вас половины доходов, подобно изъятию мёда у пчёл - разве не признак владения?

UPD: Рабство можно описать не обращаясь к (сомнительным) категориям права - через обычные практики его осуществления. Всё же рабы в отличие от вещей и животных понимают речь и ими можно управлять отдавая команды, подкреплённые угрозой наказания за неисполнение. Т.е. рабство предполагает: субъектность рабовладельца; отсутствие согласия подчиняться со стороны раба (его никто не спрашивает о согласии, нет опции "отказаться"); возможность повелевать что-то делать или не делать; реальная угроза наказания за неподчинение.

Публичная власть распространяется не только на тех, кто прямо или косвенно (например, пойдя на выборы и проголосовав) дал согласие ей подчиняться, но на всех, кто проживает на некой территории. А поскольку не все ходят на выборы и уж точно не все голосовали за победителя, то неизбежно возникает рабство. Странно вообще говорить о согласии, когда нет опции "отказаться".

Это простое рассуждение кроме бури негодования (не каждому приятно обнаружить что он раб) часто вызывает возражения, которые можно разбить на 2 группы: "на самом деле согласие подчиняться люди дали" и "для рабов они слишком хорошо живут". Далее идут аргументы возмущённых оппонентов и мои ответы на них:

1. Раз человек пошёл на выборы, то дал согласие подчиняться, кого бы там не выбрали, даже если голосовал за аутсайдера.

Ответ: Но дело в том, что человека всё равно поимеют, пошёл он или нет, потому он вынужден идти, в попытке минимизировать ущерб. Представьте, негр поймал белую девушку и перед тем как изнасиловать её спрашивает: «Тебя как иметь, с презервативом или без?» Какой из её ответов будет добровольным согласием на секс? Будет ли уход от ответа оптимальной стратегией?

2. Те кто НЕ пошёл на выборы – [добровольно] делегировали своё право выбирать власть тем, кто пошёл.

Ответ: Ну, во-первых, мы НЕ знаем, делегировали или нет (де-факто не есть де-юре). Я, например, не хожу на выборы потому что выбирать власть другому неэтично и никому своё “право” не делегирую. Во-вторых, невозможно делегировать право, которым не обладаешь. Вы не имеете права выбирать власть мне и никому это право передать не можете. У вас есть данная государством привилегия, а привилегии так просто не делегируются. В-третьих, делегирование чего-либо неопределённому кругу лиц – это нонсенс. В-четвёртых, существует прямой запрет на делегирование упомянутого “права” и на избирательном участке никто не может проголосовать за другого. В-пятых, здесь тот же случай с белой девушкой и негром, только девушка ушла от ответа и этот уход вы пытаетесь интерпретировать как добровольное согласие на секс (ага, “молчание – знак согласия”).

3. Мнение проголосовавших, как социологический опрос отражает мнение всего общества.

Ответ: Во-первых, у общества не может быть мнения, оно есть только у индивидов и мнение одних индивидов ни к чему не обязывает других. Во-вторых, идущие на выборы – это не случайная выборка, скорее всего это люди, чего-то сильно желающие от власти. С тем же успехом можно считать случайной выборкой людей в очереди за сахаром и по этой “выборке” сделать вывод, что “всему обществу нужен сахар”. В-третьих, вспомните про негра и белую девушку – навязанный выбор из двух зол меньшего - мало что говорит о реальных предпочтениях голосующих. Upd: Усилю: продемонстрированное предпочтение государства есть только у госслужащих (в частном секторе им бы тоже платили), да и то слегка сомнительное.

4. Раз человек не сбежал из этого бардака (не эмигрировал, бросив родню, друзей, языковую и культурную среду), значит дал на него согласие (дал согласие подчиняться).

Ответ: Во-первых, с тем же успехом можно заявлять, что раз вы не спрятались в канализационном колодце, увидев на улице омонцовцев или бандитов – значит дали согласие себя избить и ограбить. Во-вторых, вся пригодная для жизни территория Земли уже занята государствами и сбежать – значит просто сменить хозяина. Возможность смены хозяина – не есть признак отсутствия рабства. В Юрьев день крепостной мог сменить хозяина. В некоторые периоды Римской империи недовольный хозяином раб, ухватившись за статую императора, мог потребовать своей продажи на публичных торгах. В-третьих, само “право” сбежать дано вам государством и в любой момент может быть забрано обратно.

Upd: Наличие возможности эмигрировать - служит самым частным аргументом против рабства. Слегка утрируя: если раб может сбежать - значит он не раб. Тут дело вот в чём: представьте, что вы разводите кроликов в вольере. Они быстро плодятся, их много, вам хватило бы и меньше. Если в сетке вокруг вольера образовались дыры и вы их не заделываете, потому что убегают лишь немногие кролики, значит ли это что кролики в вольере перестали быть вашими?

5. Подчинение меньшинства большинству неизбежно даже в некоторых случаях частного, а не публичного права.

Ответ: Во-первых, никакого большинства нет. Правом голоса обладают лишь 3/4 населения и если на выборы придёт 2/3 обладающих правом голоса и за победителя проголосуют 2/3 пришедших, то он будет избран лишь 1/3 членов общества. Учитывая что в современных демократиях число госслужащих и получающих от государства подачки обычно больше трети населения, можно даже предположить (с учётом тайны голосования), что государство переизбирает само себя. Во-вторых, лишь в случаях “тесной физической связи” (общие стены дома, система отопления и т.п. – чего нет даже в пределах города, не говоря уже о стране) воля большинства обязательна для меньшинства, но и там требуется 2/3 списочного состава, причём голосование прямое, а не через представителей – так что разница ситуаций не позволяет проводить аналогию.

6. Современные люди в развитых странах имеют слишком много свободы чтобы считать их рабами.

Ответ: Просто сейчас барщина почти полностью заменена оброком, уровень же налогообложения (т.е. государственной эксплуатации) беспрецедентен в истории рабства (бюджет расширенного правительства в процентах от ВВП, т.е. объём совокупного налогообложения, в “развитых” странах обычно 50-70%, а иногда и больше). Кстати, в истории относительная хозяйственная свобода рабов в обмен на часть дохода (урожая) хозяину – вещь обычная. Это и спартанские рабы-илоты и римские рабы-колоны. Не знаю как первые, а вторые отдавали хозяину лишь ТРЕТЬ урожая.

7. Что-то государство слишком хорошо заботится о своих рабах (собес, медицина, образование и т.д.), вместо того чтобы их нещадно эксплуатировать.

Ответ: О домашних животных вы тоже заботитесь. Рабы – собственность, причём не дешёвая, а о собственности принято заботиться. Вы, конечно, эксплуатируете свой автомобиль, но и заботитесь о нём, и чем дороже автомобиль, тем, как правило, сильнее забота. Так что нещадная эксплуатация рабов и жестокое с ними обращение, это скорее исключение из правил. Кроме того, если часть награбленного (скажем, четверть) с помпой отдавать назад, то люди меньше сопротивляются грабежу и его можно увеличить в разы, так что своей заботой государство лишь максимизирует эксплуатацию. Здоровый и

образованный раб принесёт больше дохода хозяину, а госшколы нужны ещё и для индоктринации, внушить рабам что они свободны.

8. Но государство не торгует своими гражданами!

Ответ: Просто самому нужны. Большинство помещиков тоже не продавали своих крестьян. Кроме того, это вопрос интерпретации. Например, брать налоги со своего гражданина, работающего на иностранца – это примерно как сдавать раба в аренду. Северная Корея, похоже, торгует людьми более явным способом. Советский Союз иногда обменивал своих граждан. Так что, ничто не исключено.

Дополнительные аргументы в пользу рабства:

А. Почти повсеместные ограничения на обладание частных лиц оружием. Рабам всегда было запрещено иметь оружие в “обычных условиях”. Исключениями можно считать службу рабов в армии (бывало в отдельные периоды Римской империи) и назначение раба надзирателем (привет доблестной полиции и спецслужбам).

Б. У свободных людей дети – фактически их собственность (до эмансипации). Дети же рабов – собственность того же хозяина и, по сути, отданы родителям на попечение. Теперь оцените степень вашей свободы распоряжаться своими детьми без угрозы санкций со стороны государства.

В. Рабам запрещено выяснять между собой отношения и разрешать конфликты без участия хозяина или его представителей. Попробуйте устроить дуэль или восстановить справедливость, отомстив обидчику частным образом - и сразу поймёте насколько вы свободны. Сейчас от потерпевшего в уголовной юстиции даже наказание никак не зависит (с чего бы одному рабу решать как наказывать другого?).

Г. Раб неволен самостоятельно распоряжаться своим телом и своей жизнью. И хотя уследить за всеми рабами невозможно, однако хозяин пытается

максимально затруднить порчу рабом своего тела наркотиками, запрещает добровольную эвтаназию, продажу ядов и т.п. Логично было бы наказывать рабов после неудачной попытки самоубийства - это, я думаю, у нас ещё впереди.

Д. Раба можно безнаказанно убить. Конечно, убийство раба – это нанесение ущерба владельцу и иногда за такое наказывались надзиратели, но сам владелец оставался чист. По подсчётам Рудольфа Руммела (Rudolph J. Rummel), автора книги "Убивающее Правительство" (Death by Government) только в 20-ом веке власти государств мира убили в четыре раза больше людей (своих граждан), чем погибло от рук врага во время войн. Конечно, не все современные государства убивают своих рабов, но все потенциально способны делать это безнаказанно (в крайнем случае пострадают несколько "надзирателей"). Вот эта потенциальная возможность безнаказанно убить и есть главный показатель рабства.

Е. (Upd) Ни один человек в здравом уме не отдаст себя в ПОЛНУЮ юрисдикцию какого-либо субъекта, обладающего собственными интересами. То, что ВСЕ люди, тем не менее, в таковой юрисдикции территориального государства - означает что ...

P.S. Американские рабы 19-го века в свободное от работ на своего хозяина время могли зарабатывать на стороне и выкупать себя и своих родственников. Нынешние рабы государства лишены возможности себя выкупить.

Ссылки по теме:

Слайдкаст «Справедливость и свобода» где Вадим Новиков v_povikov говорит примерно о том же, но другими словами: <http://www.cato.ru/pages/465>

С. Переслегин «Государство без налогов»

http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_Nalog.htm (Действительно, государство, представляя собой Голем, не заинтересовано ни в свободе, ни в безопасности, ни в обеспеченности своих граждан. Голем хочет жить, и этим все сказано. С его точки зрения идеальным является "государственное рабство" - полное подчинение человека системе.)

С. Переслегин «Того, что достаточно для Геродота...»

http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_Gerodot.htm (Важным свойством государственно-административных информационных структур [голема] является потенциальное всемогущество.)

Вопрос Р.Нозика ("Анархия, государство и утопия") о градациях рабства
<http://v-novikov.livejournal.com/357613.html>

Мифология (иллюзии) демократического государства

Можно дать несколько определений демократии:

Демократия - это популярный ныне способ формирования публичной власти путём выборов, когда пришедшие голосовать решительно отказываются от своей самостоятельности и подчиняют себя кучке проходимцев, при этом, что самое обидное, кучка проходимцев правит всеми членами общества, а не только теми, кто за них голосовал.

Демократия – это строй, при котором не поленившаяся придти на выборы часть рабов государства (граждан) может слегка поменять персональный состав верхушки надзирателей, ничего не меняя по существу.

Демократия – это попытка выложить слово «БЛАГО» из букв «П», «О», «Ж», «А».

Если быть более серьёзным, то демократия – это не дискретное состояние, можно говорить о степени демократичности того или иного государства. Элементы демократии были и в Советском Союзе. Там была массовая партия, по составу отражающая состав всего населения страны, регулярно происходили какие-то выборы, идеология гласила что правление происходит от имени и в интересах трудового народа, правили совсем не аристократы, а люди весьма плебейского происхождения и власть передавалась совсем не по наследству. Будь там вторая коммунистическая партия и выборы с двумя кандидатами – можно было бы говорить о настоящей демократии. Нечто подобное в США, где между демократами и республиканцами различия скорее декоративные.

Любая публичная власть, желая опираться не только на силу (что слишком накладно), но и на признание и любовь подвластных, создаёт разнообразные мифы о себе, которые облегчают процесс подчинения и эксплуатации людей.

Многие императоры возводили свои родословные к богам, а монархи якобы получали власть над людьми от Бога через Папу Римского или Патриарха (обряд помазания на царство). Демократические государства, пожалуй, опережают любые другие в создании мифов о себе. Кроме того демократии создают «иллюзии» - это невербализованные мифы, которые живут в головах, но по разным причинам не стали официальной мифологией.

Далее я указываю на некоторые мифы и иллюзии. Далекое не все, всего десяток.

Иллюзия «общественного договора»

У разных примитивных племён были мифы о происхождении Земли и человека, а у Западной цивилизации есть миф о происхождении государства, миф об «общественном договоре». Якобы заключив этот договор люди учредили государство. На первый взгляд глупо рационально возражать против сказки, но опыт дискуссий на форумах показывает, что некоторые люди всерьёз относятся к этому мифу, поэтому возражу:

1. Если этот договор заключили наши предки, то нас это ни к чему не обязывает. Невозможно заключить договор, обязывающий к чему-либо третьих лиц. Даже завещание не обязывает наследника принимать наследство.
2. Если же считать, что каждый «новый» человек как бы заключает этот договор заново, то тут очевидно, что от договора невозможно отказаться, он принудительно навязан, а навязанный договор – ничтожен (Ст.179 ГК РФ).
3. Даже если договор действительно заключался и постоянно перезаключается вновь, то не факт, что его заключили все жители, а на тех, кто его не заключил он распространяться не может. Т.е. если кто-то не против государства и как бы заключает договор, то это никак не касается тех, кто против (третьих лиц).
4. Поскольку в результате договора возникло нечто, что само меняет «текст» договора, само решает какие услуги оказывать своим учредителям, само устанавливает цены на эти услуги, заставляет эти услуги потреблять и принудительно взыскивает плату за них (наказывая нежелающих платить), да и вообще пользуется своих учредителей как захочет, то очевидно, что учредители были не в себе, когда заключали договор и учреждали этого монстра, а договор заключённый не в себе – ничтожен (Ст.177 ГК РФ).
5. Даже если учредители были в себе и руководствовались благими намерениями, то всё равно они не понимали что творят и породили нечто

противоположное желаемому. Договор заключённый под влиянием заблуждения ничтожен (Ст.178 ГК РФ).

6. Поскольку договор нарушил принцип равенства людей (разделив их на правителей и управляемых), а монстр, возникший в результате договора нарушает права частной собственности, грабит одних в пользу других, организует войны, ГУЛАГи, Освенцимы и т.д. и т.п., то нет сомнений, что этот договор противен основам правопорядка и нравственности и потому ничтожен (Ст.169 ГК РФ).

7. Поскольку договор влечёт чрезвычайно серьёзные последствия, то он должен был бы заключаться не «негласно» или устно, а письменно или даже с заверением у нотариуса. Ну и где текст? Несоблюдение формы делает договор ничтожным (Ст.162, 165 ГК РФ).

Иллюзия добровольности подчинения

Кроме бредового мифа об «общественном договоре» существует ещё неявная иллюзия добровольности подчинения людей государству. Якобы, приходя на выборы, люди дают согласие подчиняться правителям самим фактом их избрания. Примерно как на собрании сидящие в зале участники избирают председателя и фактом избрания дают ему право руководить собранием.

В этом рассуждении субъектом, дающим согласие подчиняться, является народ, а не индивид. Проблема в том, что давать или не давать согласие могут лишь индивиды, а никак не "народ". И согласие одних индивидов подчиняться – ни к чему не обязывает других индивидов. Однако публичная власть, избранная теми, кто пришёл на выборы, распространяется на всех жителей территории, а не только на голосовавших.

Вторым компонентом мифа о добровольности подчинения является аргумент «не нравится – убирайся вон, раз не уехал – значит дал согласие». Я на этот аргумент обычно отвечаю, что я у себя дома и предлагаю убраться оппоненту. Это риторически сильный, но логически слабый аргумент. Правильнее тут указать на ущербность логики «если не свалил, то дал согласие». Например, вы идёте по улице и видите группу омонцов или хулиганов. Если вы не спрятались в люк или подворотню – значит дали согласие себя избить и ограбить? По сути я оспариваю легитимность территориальной юрисдикции государства. Государство не является собственником территории страны и не

имеет никакого права указывать жителям этой территории как им жить, если они в индивидуальном порядке не дали согласия ему подчиняться.

Иллюзия большинства

Практически ни один демократический правитель не избирается действительным большинством проживающего в стране населения. Если избирателями являются 3/4 населения, на выборы придут 3/4 избирателей и за победителя проголосуют 3/4 пришедших, то он будет избран 42% населения страны. Причём учитывая, что порядка 20% населения работают на государство, а ещё 20% - получают от него подачки (пенсии и пособия), можно предположить что государство выбирает само себя.

Во Франции на выборах 2002 года при населении 60 млн., 40 млн. зарегистрированных избирателей, проголосовали 30 млн., за Жака Ширака в первом туре 20% от голосовавших, т.е. 10% от общего населения Франции. На втором месте националист Ле Пен, на третьем социалист Лионель Жоспен. Левых кандидатов было несколько и если бы не распыление голосов то Жоспен прошёл бы во второй тур и скорее всего стал президентом. Во втором туре из страха перед Ле Пеном за Ширака проголосовали 80% при тех же 30 млн. голосовавших, т.е. ~40% от числа жителей Франции.

В России на выборах Медведева в 2008 году при 142 млн. населения зарегистрированных избирателей 107 млн. (75%), явка 70%, Медведев набрал 70%, т.е. 49% от общего числа избирателей и это всего 37% от общего населения России.

Иллюзия выражения «воли народа»

Законодательное собрание принимает в год сотни, а то и тысячи законов. В большинстве случаев это внесение мелких изменений в ранее уже принятые законы. Врядли народ имеет мнение о каком-нибудь очередном внесении изменений в УПК, поэтому говорить что в данном случае парламент как-то выражает волю народа – было бы странно. Но предположим речь идёт о чём-то важном, что обсуждалось в ходе предвыборной компании и где воля “народа” (точнее разных групп, голосовавших за разные партии) более-менее известна.

Предположим в честно выбранном парламенте три примерно равных по численности фракции, отражающие волю своих избирателей. Фракцию А

удовлетворяет status quo. Фракция Б хотела бы увеличить социальные расходы, но ничего более. Фракция В желает увеличения расходов на ВПК, но ничего более. По идее, никто не набирает большинства и всё должно остаться как есть, но реально фракции Б и В договорятся о взаимной поддержке (обмене голосами «вы голосуете за наш законопроект, а мы за ваш») и вместо неувеличения расходов ни на что, будут увеличены расходы на всё, а если при этом не увеличить налоги, то будет расти госдолг. Почти любой закон, принятый почти любым законодательным органом, является результатом такого логроллинга (обмена голосов).

Перед президентскими выборами 1970 года чилийские правые раскололись. В сумме два кандидата от правых партий набрали свои 63%, но победил единый левый Сальвадор Альенде, набрав 36%. Ближайший соперник отставал от него всего на 1,5%. Не набрав абсолютного большинства, его кандидатура была отправлена на утверждение конгресса, где кроме левых его поддержали христианские демократы, после того как он обязался не нарушать принципы демократии (это официальная версия, возможно неофициально он обещал им что-то ещё). Дальнейшая история известна: Альенде занялся национализацией, регулированием цен и построением плановой экономики при очевидном отсутствии «воли народа». При этом социалистические ублюдки всего мира считают что прав был он, а не свергнувшие его военные.

С другими аргументами за иллюзорность «воли народа», можно познакомиться в статье «Воля народа?» Томаса ДиЛоренцо (см. внизу)

Иллюзия правоохраны

Считается что государство охраняет граждан от деструктивных элементов. Но как охраняет? Реальная охрана за счёт государства в виде телохранителей есть только у «избранных». За большинство же государство просто обещает попытаться отомстить постфактум, если получится. Если уж кто-то решил перерезать вам горло в тёмной подворотне, то никакая полиция приехать не успеет и лучшее что тут можно придумать - это иметь в кармане оружие - и вот тут (ВНИМАНИЕ!) государство поступает СТРОГО НАОБОРОТ, почти повсеместно в той или иной мере ограничивая право граждан на самооборону.

Если бы государство действительно кого-то хотело защитить, то обучало бы в школе пользоваться оружием и выдавало бы его гражданам “бесплатно”.

Поступает оно строго наоборот и в других случаях, например, монополизовав правоохрану и правосудие, после чего они стали дорогими и некачественными.

Поскольку мифология гласит что государство как раз и нужно для борьбы с преступностью, то оптимальная стратегия государства как корпорации - увеличивать преступность, дабы на волне борьбы с ней максимизировать свою власть и сборы с подконтрольной территории. Хорошим ходом в этой рефлексивной игре является придумывание преступлений на пустом месте. Например, запретить азартные игры, продажу алкоголя, наркотиков и т.д. и всех нарушителей с помпой сажать, создавая иллюзию правоохранительной деятельности. В тюрьме эти люди обмениваются опытом, обзаведутся связями и станут настоящими бандитами, что государству и нужно.

По факту, за 20-ый век в США и России государство выросло на порядок, а преступность на полтора порядка – так что говорить без дополнительного анализа, что государство реально борется с преступностью, а не имитирует борьбу (для поддержания иллюзии нужности себя) – было бы безответственно.

Иллюзия деперсонификации насилия

Человек совсем по разному воспринимает разрушение своего дома ураганом и соседом. В первом случае терпеливо отстроит заново, во втором - сначала пристрелит соседа. При демократии люди терпят проделки власти, потому что считают, что это квазиприродное стихийное бедствие, проявление некой безликой “воли народа”. Хотя сбор налогов и законодательное ограничение свободы при демократии и при монархии могут ничем не отличаться, но при монархии никакой безликости нет и терпение быстро кончается (потому монархов и свергали, что насилие при них было персонифицированным), а при демократии люди терпят и терпят, почти без признаков недовольства, хотя их грабят и угнетают ровно такие же люди.

Иллюзия доступности власти

Человек гораздо легче подчиняется и терпимей относится к органу власти, в который может попасть сам или куда могут попасть его дети. Происхождение политиков из простого народа подчёркивается не только чтобы вызвать симпатию у этого народа, но и чтобы показать что каждый может, если захочет. Однако, число высших государственных постов можно пересчитать по пальцам,

шанс попасть на них – почти нулевой. Но иллюзия работает. Из-за этой терпимости и упомянутой выше квазиприродной безличности, демократическая власть всё время расширяется. И если при монархиях (на рубеже 19-20-го веков) бюджет расширенного правительства (весь объём налоговых изъятий) был 7-10% ВВП, то сейчас это 50-70% ВВП, а число госслужащих выросло с 3% населения, до 15-20%.

Иллюзия нужности государства

Удивительно, но в сложившейся ситуации мы не можем утверждать что людям (не считая госслужащих) нужно государство. Потому что на государство (а его можно мысленно разложить на ряд оказываемых гражданам услуг), нет добровольного спроса. А если и есть спрос, то только там, где государство – монополист и больше идти некуда. Мы можем ввести формальные критерии нужности:

1. Когда речь идет о чём-то бесплатном, то если человек что-то добровольно делает - значит ему это нужно, есть у него в этом потребность. Доказывается методом от противного: предположим ему это не нужно, тогда какого хрена он это делает?
2. Бесплатные товар или услуга нужны, если на них есть добровольный платёжеспособный спрос. Легко выводится из первого.

Ну представьте, вам навязали страховые услуги, отобрав деньги обещали в случае болезни оплатить лечение. И вот страховой случай наступил. Вы разумно думаете, что раз уж деньги отобрали, и обещали оплатить лечение – пусть платят. Значит ли это, что вам нужен этот навязчивый страховщик? Нет, не значит. Не отними он деньги, вы бы застраховались в другом месте или отложили деньги на лечение.

Зайду с другой стороны. Подростки, создавая банду, договорились жестоко карать отступников и несколько раз делали это. Через какое-то время всем надоела эта дурацкая игра, но никто не решается в этом признаться, боясь обвинений в отступничестве и кары. Банда продолжает существовать, хотя никому не нужна.

Последний пример почти о государстве. Мы не знаем мыслей других людей и судим о них (часто неверно) по внешним признакам, по поведению. Человек признаёт чью-то власть, когда видит что её признают другие (своим лояльным

поведением). Но в отличие от предыдущих случаев, когда участники понимают чего хотят и понимают почему этого не делают, признание чьей-то власти – это эволюционно сложившийся автоматизм: другие подчиняются – и я буду подчиняться. При этом может так быть, что каждый в глубине души против, а все вместе – за. Почти невозможно отделить действительную готовность подчиняться (без учёта как ведут себя другие) и готовность подчиняться потому что подчиняются другие. Собственно, я считаю, что подавляющее большинство подчиняется нынешним хомячкам потому что видит (во многом иллюзорное) лояльное поведение других, хотя в глубине души против.

Иллюзия свободы

Распространено мнение, что при демократии люди гораздо свободнее, чем при других формах правления. Это звучит убедительно, пока вы не попытаетесь в этом убедиться. И если за вторую половину 20-го века, когда монархий в Западном мире уже не было, данные найти не трудно, то, скажем, данные охватывающие монархические государства начала 20-го века найти уже труднее и они скудны, а данные 19-го – вы вообще не найдёте. И хотя мы знаем что золотой век либерализма случился в Европе 19-го века, в эпоху монархий, но надёжное формальное сравнение уровня свободы никто не делал.

Какие формальные критерии для сравнения мы могли бы ввести? Уровень налогообложения, объём регламентирующего законодательства, уровень импортных и экспортных пошлин, наличие паспортной системы, ограничения миграции, наличие цензуры, запреты на оружие, алкоголь и наркотики. Сдаётся мне, что в 20-ом веке уровень свободы упал катастрофически.

Иллюзия равенства

Почему-то считается, что при демократии люди равны. Да, там нет монарха, но этим всё и кончается. При демократии есть полицейские, которые могут арестовывать и делать обыски, чего нельзя гражданским. Есть депутаты, которые монополизировали право создавать законы и запрещают это другим. Есть правительство, обирающее вас налогами. Вы попробуйте обложить министров и депутатов налогами – и узнаете насколько вы им равны! По мне, так добавление к этому ещё и монарха – ничего принципиально не меняет.

Иллюзия экономического процветания

В связывании демократии и экономического благополучия люди путают корреляцию с каузацией. Экономическое процветание вызывается ростом производительности труда и научно-техническим прогрессом. Демократия тут ни при чём. В 20-ом веке благосостояние сильно выросло и в недемократических странах. Можно предположить, что благосостояние выросло вопреки демократии, а не благодаря ей. Поскольку демократия ведёт к росту государственного перераспределения и к фискальной и юридической неопределённости, гипотеза кажется весьма убедительной.

Иллюзия материальности общества

В общем случае, «общество» – это живущая в голове абстракция, построенная над индивидами. Ровно так же «шахматная композиция» - это живущая в голове абстракция, построенная над фигурами, стоящими на шахматной доске. Хотя доска и фигуры – материальны, но композиция только в глазах смотрящего. Для папуаса никакой композиции нет. Это не значит что общества вообще нет. Возьмём например, числа. Нельзя же сказать что чисел нет? Нельзя сказать что нет множества натуральных чисел. Но где они есть? Они живут в головах людей. Ровно так же общество живёт только в голове людей, причём в разных головах – разные общества.

Говоря об обществе мы совершаем двойное абстрагирование. Сначала над реальными людьми мы строим примитивную абстракцию «индивиды», а потом объединяем их в однородную (по какому-либо признаку) группу. И то и другое мы делаем произвольно, в меру своей испорченности. Ну, например, нет никаких особых причин объединять меня в одно общество именно с дальневосточным сантехником, а не с украинским программистом. Однако большинство объединит меня в одно общество именно с сантехником. Потому что мы живём на территории одного государства. И это то, что я назвал иллюзией материальности общества, которую создаёт государство.

По сути государство задало жёсткие границы общества, отнеся к нему тех, кто проживает на территории, ограниченной границами государства. Без заданных государством границ мы НЕ ЗНАЕМ где границы общества и всякое указание таких границ будет произвольным. Особенно забавным в этом контексте выглядит утверждение что общество порождает государство, ведь пока государства нет, мы не знаем что считать [порождающим государство]

обществом. Почему не жителей Средне-Русской равнины? Почему не кареглазых брюнетов?

Ссылки по теме:

Монархия vs. демократия

<http://oetar.livejournal.com/1673.html>

Люди – рабы государства

<http://oetar.livejournal.com/10819.html>

Томас ДиЛоренцо Воля народа?

<http://www.libertarium.ru/84674>

Механизмы демократии

<http://jsn.livejournal.com/43967.html>

Рухнет ли Вестфальский мир?

§ Мир национальных государств, он же Вестфальский мир.

Это мир территориальных государств, мир силовых игроков верхнего уровня, поделивших всю пригодную для жизни территорию Земли между собой и договорившихся не вмешиваться в дела друг друга, пока эти дела делаются внутри государственных границ. Ну представьте если бы деревенские жители договорились, что каждый у себя на участке может творить что угодно, мучить животных, насиловать женщин и детей, грабить и убивать – и никто из соседей не должен вмешиваться. Главное не лезть на чужой участок, а у себя делай что хочешь. Вот это Вестфальский мир. А возможность творить что угодно на своей территории – называется «суверенитет».

§ Что было до этого?

Античность и Средневековье дают нам массу примеров альтернативного политического мироустройства. На ранних этапах основанием для власти над индивидом была его родовая принадлежность, а не то, на какой территории он находится. В ранней Греции индивид был во власти фратрии или филы, а не во власти полиса, а в полисе было несколько фратрий и фил, т.е. рядом жили люди, находящиеся в разных юрисдикциях. Ровно так же нобили со своими клиентеллами в средневековых полисах. Рядовые жители полиса подчинялись своему нобилю, а не полису. Позже, основанием для власти стала служить религиозная принадлежность. Власть Папы в Европе не распространялась на иудеев (ага, можно было ростовщичество), а в мусульманском мире христиане были вне власти мусульманских властей вплоть до 20-го века. Даже в Римской Империи почти до самого конца большинство жителей империи не были римскими гражданами и были вне юрисдикции Рима. Рим крышевал племена и полисы, не распространяя свою юрисдикции на их членов. Вне территориальных юрисдикций были члены Рыцарских Орденов, монахи и священники.

Итого, своей, часто не малой властью, обладали: Имперский центр, Церковь, Ордена, полисы, гильдии и цеха, племена, роды (кланы), нобили (князья, бароны и пр.), местная и/или религиозная община. Кроме того существовали частные армии (наёмники) и пиратские флотилии, способные обложить данью.

Средневековье ещё ждёт своей постмарксистской реабилитации, как эпоха невиданной свободы как минимум купеческой деятельности, когда купеческие гильдии основывали города (почти все европейские столицы помельче основаны купцами), прокладывали дороги и распоряжались армиями и вооружёнными флотилиями. Кстати, Непобедимую Армаду разгромил флот частных купеческих кораблей.

§ Как и почему возник Вестфальский мир?

Главной причиной этого стало появление огнестрельного оружия, пушек и бомб, взрывающих крепостные стены. Отпала надобность в рыцарской коннице и король смог подмять феодалов. Полисы вынуждены были искать защиту у армии короля, ибо стены уже не спасали. Тут следует напомнить, что в Средние века действовал принцип «вассал моего вассала – НЕ мой вассал» (да и в Римской империи этот принцип был), и вассалы баронов были вне власти короля. Когда же победу в войне могла обеспечить только серьёзная постоянная армия с артиллерией – король по-сути присвоил себе людей своих баронов, стал править через их голову. Постоянная армия с артиллерией требовала больших расходов, которые можно было собрать только с большой территории (это историческая социология, см. военно-налоговая теория государства Чарльза Тилли). Вот ровно так возникло национальное государство с его принципом «вассал моего вассала – МОЙ вассал». Ну и новые территориальные государства по примеру ганзейского союза купеческих городов создали свой союз, Вестфальскую систему (сам договор 1648 года подводил итог двухвековому периоду становления национальных государств и, кстати, был проклят папой римским на все времена). Вот в этом мире, где губернаторы - вассалы Путина, мэры городов – вассалы губернаторов, а мы, простые люди, вассалы всех их и Путина тоже, в этом мире мы и живём. Для Путина мы все – его вассалы и вассалы его вассалов.

§ Чем прославился Вестфальский мир?

Вестфальский мир прославился бесконечными войнами, включая иногда гражданские, концлагерями, бесчеловечными социальными экспериментами и немыслимым в прежние времена уровнем налогообложения и законодательного регулирования. Уже в процессе становления национальных государств короли жёстко подчиняли или уничтожали любые конкурирующие источники власти. Т.е. полисы, князья, бароны, гильдии и цеха, Ордена, религиозные общины и т.д. – должны были либо подчиниться либо исчезнуть. Далее, подчинение и управление миллионами людей требовало их некоторого однообразия. Т.е. инородцы и иноверцы были неуместны. Вот вам 30-летняя война, истребившая местами почти всё мужское население Европы (кое-где после этого даже разрешили многожёнство). Т.е. варфоломеевская ночь, истребление тамплиеров, этнические и религиозные чистки – это неизбежная норма национальных государств, об этом пишет социолог Майкл Манн.

Далее, любой передел мира на подконтрольные государствам куски будет кого-то не устраивать, поэтому будут постоянные войны между государствами. А если государство может без вмешательства извне что угодно делать на своей территории – то оно будет прессовать людей, грабить их и убивать. По подсчетам Рудольфа Руммела (Rudolph J. Rummel), автора книги "Убивающее Правительство" (Death by Government) в 20 веке власти государств мира убили в четыре раза больше людей (своих граждан), чем погибло за все войны этого столетия вместе взятые. К счастью, появление атомного оружия прекратило большие войны. А снижение рождаемости и потребность в квалифицированной рабочей силе для экономики сделало людей ценным ресурсом и НАС перестали массово истреблять, сочли что доить корову – лучше чем резать, барщину в основном заменили оброком.

§ Должны ли мы желать его сохранить?

И вот теперь, когда атомное оружие снизило число войн и уменьшило их масштабы, а низкая рождаемость и высокие налоги сделали индивидов ценными дойными коровами для государства, которых не стоит массово резать,

должны ли мы сказать «и увидели мы что это хорошо» и не возжелать лучшего? Нет! Мы как были рабами государства – так и остались! Мы рабы государства в точно соответствии с определением рабства в Женевской конвенции о рабстве от 1926 года. И хотя весь политический дискурс Новейшего времени свёлся к обсуждению «Как нам обустроить рабство?», а профессора политической философии - первые апологеты рабства, доказывающие что рабство – это свобода, любой нормальный человек должен сказать нет этому варварскому скотству.

Кстати, всё-таки политическая философия Нового времени знает великого авторитета, придумавшего конструкцию государства без рабства, это Локк! Да, Локк, фундаментальное отличие учения которого от учения Гоббса принято не замечать, даже в кругу либералов. Он [Локк] писал об объединении людей в гражданское общество через общественный договор: «Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы». Знаете чем обычный половой акт отличается от изнасилования? Согласием женщины. Так и у Локка: хочешь – входи в государство, не хочешь – не входи. Сейчас же у нас нет выбора. Если ты на территории государства – значит ты в его полной юрисдикции, без вариантов!

§ Так рухнет ли Вестфальский мир, раз он такой отвратительный?

Как и вообще Земля, Вестфальский мир держался на трёх китах.

Первый кит: сельское хозяйство, которое в момент возникновения Вестфальской системы составляло более 90% экономики, и для которого земля – главный фактор производства и потому контроль над территорией – есть контроль над экономикой и, следовательно, над рентой. Сейчас же сельское хозяйство – 10-15% ВВП и контроль над ним – скорее убытки от дотаций. Сейчас важны факторы «труд» и «капитал», а не «земля», а труд и капитал чрезвычайно мобильны и рабство им не по нутру, они ищут свободы и победит тот, кто им первый её предложит.

Второй кит: особым образом устроенная армия, очень дорогая и довольно массовая, с артиллерией, танками и самолётами. Она была нужна для защиты больших территорий от подобных же армий. С созданием атомного оружия такая армия утратила свою роль ПОЧТИ полностью, а с созданием высокоточного оружия – полностью.

Третий кит: централизованные, подконтрольные государству средства массовой индоктринации (СМИ). Поначалу это была Церковь (не зря Рим взял христианство на вооружение), потом это стали книги, школы, потом газеты, потом радио и телевидение. За появлением каждого нового инструмента следовал скачок этатизма. Теперь же появился интернет – децентрализованный и слабо подконтрольный государству.

Пока, к сожалению, ни один из этих факторов не отработал в полную силу. Вообще не требующего земли, скажем, синтетического производства пищи – пока не появилось. Атомное и высокоточное оружие – досталось старым, территориальным игрокам, а не новым, экстерриториальным. Интернет пока не заменил государственные школы и СМИ. Но всё это произойдёт в ближайшие 5-7 лет! Когда атомное оружие окажется у негосударственных структур (а этим технологим уже 70 лет), любые территориальные образования превратятся в большие неподвижные мишени. США пока держит режим нераспространения, но Штаты по всем признакам империя в фазе заката и когда там начнутся проблемы – режим нераспространения рухнет первым.

Дополнительным фактором разрушения Вестфальского мира служит так любимая многими либералами демократия. Как известно, демократия – это когда два волка и ягнёнок голосуют, что будет на ужин. Современные демократические партии, не надеясь на удачу, овладели технологиями подкупа и выращивания своего электората, а многие даже импортируют его. И партии со своим электоратом (ага, снова нобили с клиентеллами) выращивают свои идентичности, предполагающие противопоставление себя конкурентам, вплоть до ненависти к ним. Единый народ превращается в противостоящие враждующие группы. Где-то дойдёт и до гражданской войны.

Производным от демократии (импорт электората), но важным фактором следует считать национальные диаспоры. В наше время иммигранты уже не ассимилируются, а создают самоутверждающиеся этноцентрические группы. Если изначально национальные государства (см. выше) стремились к однородности, то стремительно растущая сейчас неоднородность уничтожит эти государства.

Последней каплей будет банкротство государства в его базовых (с точки зрения электората) компетенциях: правоохрана и собес. Уже сейчас государство демонстрирует бессилие в вопросах правоохраны, если речь идёт о диаспорах (да хоть пакистанцы в британском Роттерхэме, изнасиловавшие полторы тысячи детей за 16 лет), снижение же рождаемости и рост продолжительности жизни приведут к банкротству госсобеса.

В этой ситуации исламский (и прочий) терроризм можно считать второстепенным фактором.

§ Что придёт ему на смену?

Главным признаком нового мира будет преимущественно не территориальный, а персональный или религиозный характер юрисдикции у новых субъектов власти (которые не так уж новы). Никто не захочет быть большой неподвижной мишенью. Строго говоря, в отсутствии терр. юрисдикции нет ничего не только страшного, но и необычного. Две трети территории Земли (нейтральные воды мирового океана) и сейчас такой не имеют, тем ни менее ничего ужасного там не происходит. Вот и вся суша приобретёт статус нейтральных вод и будет регулироваться международным морским правом: древним и общепринятым.

Мы не можем заранее сказать каким образом рухнет Вестфальская система, возможны десятки сценариев, которые можно грубо поделить на две группы: постепенный мирный переход к чему-то новому или переход через катастрофу и хаос. Второй вариант кажется более вероятным. Однако оба варианта предполагают значительное ослабление США, являющихся главным хранителем современного мироустройства. Это может быть либо взрыв атомной бомбы в Нью-Йорке, либо гражданская война между сторонниками

республиканцев и демократов, ну или обычное ослабление империи из-за социализма и порчи денег.

В случае некатастрофического, постепенного перехода многие старые «корпоративные» игроки сохраняют своё важное положение. Тут интересно было бы изучить опыт Средневековья, где демократия в полисах быстро и повсеместно сменялась властью нобилей (об этом писал Макс Вебер в книге «Город»). Только нобилем в современных условиях будут не индивиды, а «корпорации» в широком понимании этого слова, от крупных политических партий и международных организаций, до ТНК и религиозных движений, включая армейские группировки и многие (но не все) национальные правительства. Большинство нобилей будут не глобальными, а региональными игроками. Лишь очень немногие нобили (вроде Ватикана) смогут держаться на авторитете, а не на ассоциации с силовыми структурами. Глобальные СИЛОВЫЕ игроки будут опираться на осколки военно-морских сил США и других стран. Хотя многие нобили будут старыми, но они признают новые правила игры (или умрут), включающие упразднение территориальной юрисдикции государств.

В катастрофических сценариях главным лозунгом станет «Спасайся кто может!», а политическая деятельность сведётся к поиску защиты, «крыши». На первый план выйдут вооружённые люди, вероятно сохранившие организацию части национальных вооружённых сил. Они пройдут естественный отбор, укрупнение, а необходимость в снабжении боеприпасами и запчастями заставит их входить в крупные сетевые структуры. Такие сети вынуждены будут договариваться с сетевыми же этническими и религиозными диаспорами. Наличие нескольких сетевых «крышующих» структур на одной территории приведёт их к конкуренции за «подкрышных». Это довольно быстро превратит крышевание в обычный бизнес.

В некатастрофическом варианте конкуренция и коммерциализация крыш тоже неизбежна, но они внешне будут выглядеть менее силовыми и там будет больше политики. В обоих сценариях неизбежно возникнет некоторая иерархия крыш и крыши верхнего уровня, крышуя крыши помельче не будут считать их подкрышными своими.

P.S. Текст написан к дебатам «Исчезнут ли национальные государства?» (А. Магун vs С. Бойко) 19-го декабря в Питере <http://ouniversity.ru/> Перед написанием обсуждалось с С. Бойко

О тщетности дискуссий и идентичности демократов и коммунистов

Разные люди не раз замечали, что на политических форумах почти никому почти никогда не удавалось переубедить в чём-либо своих оппонентов. (Слово “почти” вполне уместно, поскольку мне как раз известны такие случаи.) Серьёзных попыток анализа причин этого явления мне не доводилось видеть, а хотелось бы. Не дождавшись от других, попробую сам. Проблема сложна, я не чувствую себя в силах проделать полный анализ, но хочу высказать кое-какие соображения, которые прошу считать лишь “первой итерацией” и приглашением к дискуссии. Думаю, тезисность и эклектизм текста вполне простительны. В тексте 5 страниц.

1. Если рассматривать дискуссию двух оппонентов как своего рода конфликт, то уместно предложить такой общекультурный способ его разрешения как арбитраж. Две стороны выбирают арбитра, которому обе стороны доверяют и чьему мнению о дискуссии и победителе обязуются подчиниться. В более сложном варианте каждая из сторон выбирает своего “секунданта” и эти два секунданта судят дискуссию, а если им не удаётся прийти к единому мнению уже эти два “секунданта” выбирают арбитра, чьё мнение и является решающим. В случае “секундантов” важной является их “совместимость”, т.е. взаимное признание авторитетности и разумности.

2. Для простоты я буду рассматривать случай одного арбитра. Арбитр может либо пассивно наблюдать за дискуссией (не вмешиваясь, как в боях без правил) и лишь в конце вынося оценку, либо активно влиять на её ход (как рефери в боксе), указывая дискутантам на слабости в их позициях, недостаточность аргументации, логические ошибки и т.д.

3. Если попытаться мысленно смоделировать предложенное выше, то сразу выяснится несколько интересных вещей. Во-первых, на большинстве форумов для большинства дискутантов почти невозможно будет найти разумных арбитров, способных непредвзято смотреть на убеждения обеих сторон. Во-вторых, ежели таковой арбитр и найдётся, то резко пропадут дискутанты, ибо в

заданных жёстких рамках, когда за свои слова нужно отвечать, дискуссию вести очень трудно, а для большинства вообще невозможно. И в-третьих, не трудно себе представить ситуацию, когда арбитр признаёт неправыми обе стороны. В большинстве виденных мной дискуссий, по-моему, так и было.

Обычно спорят демократ и коммунист или демократ и патриот. Демократ часто себя считает либералом, но каким-то очень особенным. В отличие от классических либералов 19-го века, этот либерал ничего не имеет против госсобеса, госпенсий и гособразования. Он даже не против госрегулирования экономики (но в небольших масштабах) и уж тем более не против ЦБ и декретных (ничем не обеспеченных) денег. Т.е., собственно, никакой это не либерал, а обычный паскудный демокро-социалист.

И вот этот демократ, для которого, судя по названию, воля народа вроде бы что-то святое, почему-то выступает против несомненно и однозначно поддержанной народом (я сам проводил опрос у себя на работе и могу подтвердить) отмены выборов губернаторов. Этот демократ почему-то против Путина, хотя его поддерживает 2/3 “святого” народа. И получается, что это не демократ вовсе, поскольку на мнение народа ему плевать, и не либерал, как мы выяснили выше, а хрен знает кто и этот придурок, запутавшийся в собственных ногах, пытается выводить на свет божий коммунистов и удивляется бесполезности своих попыток!

О фактах

Многие дискуссионты в обоснование своей точки зрения пытаются указывать на некие факты, категорически не понимая границ этого трюка. Сам по себе факт не говорит ни о чём. Например, широкая распространённость демократии не говорит о её достоинствах, как и широкая распространённость простуды или гриппа зимой. Не говоря ни о чём сам по себе, факт может приобрести некий смысл если есть теория, которую он подтверждает или опровергает. Но и тут тонкости. Например, Великую депрессию этатисты (фанаты государства) указывают как факт, подтверждающий неспособность рынка

саморегулироваться. Но! Это бредовое утверждение опровергается, если выяснить причины её возникновения. А причины просты и очевидны. Все 20-е годы незадолго до этого созданный ЦБ США (ФРС) выпускал денежные заменители чтобы снизить цену кредита и подстегнуть экономический рост. Вот от этого случились и бум и неизбежный крах, как и предсказывала австрийская теория экономического цикла, созданная Л. фон Мизесом в 1912-ом году. Так что Великая депрессия подтверждает не несовершенство рынка, а пагубность вмешательства государства в денежную систему общества.

Еще раз напомню. Факт сам по себе ни о чём не говорит. Например, факт пустых полок и очередей в Совке – не говорит, что социализм – это плохо, поскольку, например, можно предположить, что причина дефицита не в убогости самого социализма, а в убогости его конкретной реализации или ошибках конкретных властей. Однако, тот же Мизес в 1923 году написал великую книгу «Социализм», где действительно серьёзно, на высоком научном уровне обосновал что социализм неизбежно приводит к утрате представлений об относительной ценности благ и, как следствие, к трудностям в экономических расчётах и невозможности рационального планирования предпринимательской деятельности. Социализм – дерьмо, но совсем не потому, что в Совке были пустые полки!

Соответственно, с моей точки зрения, коммунисты правы, что не воспринимают факты демократов как веский аргумент.

Об аффектах

Аффект (душевное волнение, противоположность спокойствию духа) – эмоциональное состояние, возникающее, как правило, в критических условиях или в ответ на сильный раздражитель и характеризующееся болезненным возбуждением чувств, сужением сознания, ослаблением ясности мышления, снижением способности понимать и контролировать свои действия.

Аффект тормозит не связанные с ним психические процессы и навязывает тот или иной стереотипный способ реакции на ситуацию, сложившийся либо в

процессе биологической эволюции вида, либо в процессе социализации индивида.

На основе пережитых аффектов формируются особые аффективные комплексы, которые могут запускаться без достаточного осознания вызвавших реакцию причин, при столкновении даже с отдельными элементами ситуации, спровоцировавшей аффект.

Бытующая в обществе “социальная мифология” навязывает те или иные аффекты в ответ на те или иные раздражители. Вот наиболее типичные слова, вызывающие аффективное состояние и/или аффективную реакцию: фашизм, анархия, государство, демократия, проституция, детский труд, рабство, коммунизм, монархия, легализация оружия, наркотики, частная месть, возмездие, олигарх, права человека, монополия, социальная справедливость, безработица, профсоюзы, высокие цены, инфляция, дефицит, очередь, интересы государства, спецслужбы, армия, эксплуатация, средневековый, продажа органов, смертная казнь, убийство, преступление. Стереотипность реакции и сужение сознания мешают видеть суть явлений, скрывающуюся за словами.

Диалог на форуме чаще всего сводится к пуганию друг друга аффектирующими словами и фразами, но то, что пугает одного, часто не пугает другого и результат нулевой. А хуже всего, что вместо демифологизации и раскрытия сути стороны обычно противопоставляют одни мифы другим.

Аффектирующее действие слов – данность и нет ничего плохого, чтобы использовать этот эффект, например, раскрывая суть приятных оппоненту явлений через пугающие его слова. Вот несколько хороших примеров. Государство – результат институционализации рэкета. Налоги – узаконенный грабёж (Фома Аквинский). Граждане – рабы государства. Профсоюзы – организованные преступные группировки, создающиеся для шантажа и вымогательства работодателей. Политические партии – организованные преступные группировки, создающиеся для захвата и удержания власти над “лохами” путём демонстрации многочисленности своих сторонников, обычно тех же “лохов”.

Ещё пример. Справедливость – соответствие деяния и воздаяния (платы и оплачиваемого). Всякая ценность, включая ценности деяния и воздаяния – субъективны. Поскольку социум не является субъектом, понятие “социальная справедливость” – оксюморон, типа “слепящая тьма” или “зияющие высоты”.

И последний. Справедливость – соответствие деяния и воздаяния (платы и оплачиваемого). Правосудие – поиск меры воздаяния для восстановления справедливости. Наказание – воздаяние, возмездие, месть с целью восстановления справедливости. Государство монополизировало правосудие и месть и наказывает за их частное отправление. Монопольность услуг правосудия и мести делает их дорогими и некачественными. Особый статус этих услуг предлагается доказать оппоненту, а по мне, они легко могут быть частными.

Аффективная ригидность - неготовность к изменениям в связывании тех или иных событий с определенными аффективными реакциями. Проявляется в затруднениях при эмоциональном научении, в излишней фиксированности на объектах, константность эмоциональной оценки тех или иных событий, также в образовании сверхценных идей.

Аффективная ригидность - обычное явление для дискутантов. Сверхценные идеи – это нация для нациста, отнять и поделить – для яблочника и коммуниста, государство – почти для всех. Приверженность сверхценной идее затмевает разум, лишает способности мыслить логично, ведёт к игнорированию любых аргументов, не вписывающихся в картину.

О ценностях

Если мы хотим изменить взгляды человека, надо оперировать с тем, что имеет вес в его системе ценностей. Ценностями занимается подраздел философии называющийся "Аксиологией". По содержанию различаются вещные ценности (приятное, полезное и пригодное), логические (научная истина), этические (добро и т.д.) и эстетические (прекрасное и т.д.).

Дискуссии в инете ведут как правило люди, способные удовлетворять свои базовые потребности и вещные ценности для них не столь важны. Однако, корректное, обоснованное и со ссылками указание, что, скажем, социализм неизбежно ведёт к развалу экономики и сокращению материальных благ – может иногда быть веским аргументом.

Я предпочитаю оперировать этическими ценностями, что крайне сложно. Народ свихнулся на этическом релятивизме, никто не верит в существование видовой этики homo sapiens и незыблемых этических законов. К счастью, интуитивные этические ощущения передаются не в процессе сознательного обучения, а помимо него и до них можно достучаться, хоть и не всегда.

Эстетическими ценностями трудно оперировать на форуме (вне рамок изобразительного искусства и художественной литературы). Эти ценности совершенно не зависят от морали и вполне можно говорить о "красоте зла". Ленни Рифеншталь работала в этом модусе. Эстетически оправдать можно почти всё, но не всегда находятся достаточно талантливые сволочи.

Казалось бы проще всего с логической (научной) истиной. Почти всегда можно найти достаточно качественные научные исследования, например, о вреде государственного перераспределения (чем больше перераспределение - тем слабее экономический рост - у А. Илларионова есть такие исследования) и давать на них ссылки. При достаточном объёме такого рода данных человек может задуматься и даже измениться. Помнится, сторонник "Родины" Nick, счел статью Илларионова достаточным аргументом для сокращения госвмешательства в экономику. Однако, статисты столь упёрты, что без всяких на то оснований отбрасывают приводимые исследования, обвиняя их в предвзятости или в недостоверности данных. Обычная защита. Что не нравится – то ложь. Потому я и предпочитаю этические ценности.

Идентичность

Социальная идентичность - это осознание индивидом своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям, позволяющая ему оценивать свои социальные связи и принадлежности в терминах «мы» и «они» [1]. Система идентификации «свой» - «чужой» носит общебиологический характер (отторжение чужих тканей – из той же оперы). Общественные насекомые и крысы отличают своих от чужих по запаху, у людей это чуть сложнее.

Хотя делить людей на «мы» - «они» можно по множеству признаков (типа «мы, инвалиды», «мы, брюнеты», «мы, сантехники») наибольшую роль в истории сыграли половая, семейная, родовая, доменная, клановая, цеховая, национальная, религиозная, классовая, расовая и партийная идентичности.

У примитивных народов чужие даже людьми не считаются. Например в «Ветхом Завете» (Бытие), после перечисления всего человечества невесть откуда появляются племена или египтяне. И там упорно не считаются людьми женщины.

Видовая идентичность *homo sapiens* (люди - нЕлюди) одна из самых сильных, но чаще всего она "дремлет". Если на Землю нападут инопланетяне, то всё человечество легко сплотится для борьбы с ними. В фильмах легко, не задумываясь, мочат всякую потустороннюю нечисть и мертвяков. Охотники легко убивают зверей.

Поскольку «чужой» как бы не вполне человек, то на него не вполне распространяются требования этики. Идентичность – “продажная девка” целесообразности. Если, скажем вам хочется грабить евреев, то нужно осмыслить их как «чужих» и можно будет грабить.

Маркс создал, а последователи вырастили классовую идентичность. Соответственно, «чужих» буржуев можно грабить и убивать без угрызений совести.

Чтобы более-менее прочно объединить разные народы в одном СССР'е пришлось вырастить новую идентичность – “советский человек”. Отчасти в этих целях внедрялся марксизм как псевдорелигия. Римские императоры в тех же целях внедрились христианство.

И наконец отмечу, что идентичность появляется (существует) только в процессе взаимодействия с инаковостью. Если не существуют «они», то нет и «мы». Разные взаимодействия проявляют разные идентичности.

Теперь самое интересное с цитатами из [3]. Аксиологией там называется система ценностей, а онтологией – некоторая внутренняя картина мира, убеждения, “самость”. Ясно, что система ценностей является как бы фундаментом картины мира.

Если вспомнить свифтовских остро- и тупоконечников (речь о разбивании яйца), то ненавидя друг друга они бы просто не нашли, что сказать тому, кто вообще не ест яиц. Нет пространства для сравнения ценностей. Возможность же разбивать яйцо с другого конца создаёт такое пространство и ставит под сомнение верность аксиологии, что создаёт угрозу “самости”.

«При взаимодействии людей с одинаковой аксиологией Идентичность не проявляется. При взаимодействии людей с различной аксиологией Идентичность проявляется тем сильнее, чем МЕНЬШЕ аксиологических различий, и чем эти различия онтологически существеннее.»

«Аксиология, не имеющая или почти не имеющая точек соприкосновения с текущей, не вызывает гнева или его превращенной формы - обиды; партнер воспринимается как глупец, не понимающий реального устройства мира.»

«Напротив, если не совпадает только одна ценность, проблема сравнения встает со всей остротой, и эта ценность оказывается под реальной угрозой. Причем демонстративную "аморальность" партнера нельзя свалить на его глупость или неосведомленность. Ведь все остальное-то, он понимает!»

Выводы просты. Тот факт что коммунисты и демократы ожесточённо спорят друг с другом говорит о том, что их системы ценностей и картины мира во многом совпадают, а различаются лишь в деталях. И коммунисты и демократы избегают спорить с анархистами, считая их глупцами. Это подтверждается и моими личными наблюдениями, о чём ниже.

[1] И.С. Кон Идентичность

<http://www.krugosvet.ru/articles/119/1011930/print.htm>

[2] С. Переслегин О понятии социальной идентичности

http://stables.nm.ru/materials/Pereslegin/Per_IdentFull.htm

[3] С. Переслегин Социальная термодинамика и проблема идентичностей

http://stables.nm.ru/materials/Pereslegin/Per_SocTermo.htm

Об идентичности коммунистов и демократов

Дальше я изложу неотрефлексированные ни демократами, ни коммунистами сходства в их взглядах, хорошо видимые мне, как равноудалённому арбитру.

1. С точки зрения обоих зло, реальное, сейчас, творить можно и нужно.

Демократ считает, что реальное зло творить можно и нужно для предотвращения зла гипотетического и для создания полумифических публичных благ с полумифическими экстерналиями. Этим демократ оправдывает принудительное налогообложение (изъятие значительной доли частной собственности под угрозой репрессий), запрет на некоторые добровольные сделки (наркотики, оружие и др.), ограничение свободы в виде государственной регламентации деятельности, принудительное навязывание тотальной толерантности (запрет частным лицам отказывать в обслуживании других частных лиц по какому-нибудь признаку) и др.

Коммунист считает, что реальное зло творить можно и нужно для счастья будущих поколений, предотвращения эксплуатации, создания равенства. Этим он объясняет изъятие у предпринимателей средств производства, ограничение свободы в виде запрета на негосударственное предпринимательство и т.п.

Образно выражаясь, с точки зрения коммуниста пусть лучше государство один раз экспроприирует корову, а потом делит молоко среди народа “по справедливости”. А с точки зрения демократа, пусть государство оставит корову владельцу, но изымает молоко и делит среди народа “по справедливости”. Кстати, идея “социальной справедливости” так же близка демократу, как и коммунисту (с моей точки зрения это бредовый оксюморон, не имеющий смысла).

В каком-то смысле коммунисты честнее. Чтобы ограбить предпринимателей они придумывают формальные поводы, типа теории эксплуатации, которая утверждает, что предприниматель – грабитель, а грабить грабителя – это как бы возмездие и вполне этично. Демократы грабят предпринимателей без всякого повода, не считая их преступниками.

2. И демократ и коммунист обожествляют государство, считают нормальным, что граждане – его рабы и оба отрицают и первое и второе. Просто для них быть рабом своего бога столь естественно, что даже не осознаётся.

Я много раз спрашивал, чем власть над взрослым, ничего плохого не сделавшим человеком без его на то согласия отличается от рабства? – и не получил внятного ответа.

Замечу, что лишь 3/4 населения обладают правом голоса. Если на выборы придёт 2/3 обладающих правом голоса (что очень много) и за победителя проголосуют 2/3 пришедших (что очень много), то он будет избран 1/3 членов общества и с какого хрена он будет властвовать над всеми – решительно непонятно! Кстати, учитывая, что в демократиях не менее, а скорее более трети граждан работают на государство и/или получают от него подачки, можно предположить, что власти переизбирают сами себя.

Концепция “граждане – рабы государство” очень многое объясняет. Например, детей уже нельзя считать частной собственностью родителей, ведь дети рабов – рабы и тоже принадлежат государству. Хозяин сам решает, что хорошо для рабов, что плохо, что им можно делать, что нельзя, забирать ли ему корову или молоко. Вся собственность граждан – это не частная собственность, а личная собственность рабов, которая вместе с ними принадлежит государству. Коммунисты и здесь честнее. В Совке частной собственности не было, была личная и об этом заявлялось открыто!

Божественность государства толкуется в пантеистическом духе. Государство – это дух, “эгрегор”, охватывающий некую территорию и к которому подключены все на ней проживающие. Представители власти – тоже рабы государства (надзиратели часто были из рабов), но привилегированные. Самый главный надзиратель, жрец и вождь в одном лице – ближе всех к богу и лучше всех знает его волю. Есть и другие жрецы, рангом пониже, которым можно говорить от имени бога.

3. Ни демократ, ни коммунист ни на минуту не сомневаются, что публичная власть нужна и что людьми надо править, поскольку они то ли дети малые, то ли преступники, то ли просто дерьмо.

Я в таких случаях рассуждаю примерно так. Пусть у нас есть индивиды (люди) А, В, С, D и т.д. По мнению оппонента, отношения между ними (АВ, ВС, ...) не могут проистекать без конфликтов и требуется некто S (разводящий надзиратель) кто будет стоять над ними. Но S - тоже человек (или люди) и отношения между S и другими (SA, SB, SC, ...) - это тоже отношения между людьми, для которых, по этой логике тоже требуются [разводящие] надзиратели. Вопросы: кто разводит отношения SA, SB, ..? Или отношения власти-подчинения особенные и не требуют разведения? Или S - особые люди? И что же их таким делает? По мне, так они особое дерьмо.

Далее замечу, что S - много, это и власти разных стран и множество представителей власти в одной стране, над которыми формально никто не

стоит. Вопрос: кто разводит разводящих? Или это снова особые люди? И что делает это дерьмо особым?

Поскольку внятных ответов я ни разу не получил, я считаю что разводящие надзиратели в принципе не нужны, а порядок в обществе базируется на соблюдении этических норм и на опасении потерять репутацию или даже получить "пулю" за несоответствующие этим нормам деяния. Государственные уложения здесь ни причём.

Приведённые 3 сходства – главные; остальные, ниже – это пустяки и в каком-то смысле расшифровка главных.

4. Если коммунист осознает, что захватив средства производства государство становится главным эксплуататором и если демократ осознает, что принудительное налогообложение – это государственная эксплуатация, то выяснится, что ни тот, ни другой, не против государственной эксплуатации.

5. Хотя считается нормой, что человек прежде всего заботится о себе и своих близких, и коммунист и демократ твёрдо уверены, что властители особые люди и почти бескорыстно заботятся о народе, а не о себе и близких.

6. И коммунист и демократ неявно предполагают, что есть такие услуги, которые **НУЖНЫ** обществу, но люди, то ли не зная об этом, то ли из жадности, не хотят за них платить добровольно и потому плата должна взиматься принудительно. Набор таких услуг и уровень оплаты определяют “бескорыстные служители”.

7. И коммунист и демократ считают, что некие услуги (правоохрана, суд, возмездие, производство денег и т.д.) могут производиться только монопольно, причём монопольность делает их дешевле и качественней, особенно с учётом принудительной оплаты.

8. И коммунист и демократ считают источником права государство. Я в таких случаях спрашиваю, каким нормативно-правовым актом им дано право дышать? Право либо есть либо его нет. Права грабить – не существует, даже если оно дано государством (например, ГНИ). То, что кем-то даётся, называется “привилегия” и примерно 200 лет назад привилегии стали путать с правами, а сейчас так и вовсе одни подменили другие.

9. И попытки построения коммунизма (реальный социализм) и реальная демократия (тот же социализм) суть одно и то же – гигантский административный рынок, где разбухшие власти в постоянном торге делят ресурсы общества.

10. В конечном итоге, демократия – это круговой путь к тому, к чему коммунисты идут прямо – к построению тоталитарного государства, летящего в пропасть.

Как видим, особой разницы между коммунистом и демократом нет, при этом коммунист часто последовательней и честнее.

А.Н. Илларионов и «другой капитализм»

Прочитал новую статью Илларионова "Рынок без правового порядка — это не капитализм" на InLiberty. Основной смысл статьи вполне понятен и предсказуем: какие же нынешние чекисты-юристы твари, уничтожают в России правовой порядок. Согласен, твари. Однако у статьи не вполне стандартное начало.

С одной стороны там всякие стандартные фразы из либеральных мифов: "Традиционный капитализм невозможен без демократии", "для [этого капитализма] конкуренция является универсальным принципом существования", "государство — это институт, обеспечивающий нахождение баланса частных интересов", "в [этом капитализме] государство служит гражданам", "Стратегической альтернативы системе институтов, называемых иногда «западными», не существует", "Капитализм — это рыночная экономика лично свободных людей", "Наилучшую, наиболее устойчивую и надежную защиту правового порядка, прав собственности и свобод гражданина вне всякого сомнения предоставляет либеральная демократия".

С другой стороны, там А.Н. затрагивает интересный вопрос возможности существования другого капитализма, так сказать, незападного образца. И хотя он приходит к выводу что другого капитализма нет и не может быть, но то, что он такой вопрос ставит - уже само по себе круто. Кстати, А.Н. в статье сам указывает на некоторые исключения из своих утверждений о "вне всякого сомнения либеральной демократии", как то "Прусский король Фридрих, австрийский император Франц-Йозеф, сингапурский премьер Ли Куан Ю", которые хоть и были авторитарными правителями, но таки "обеспечивали правовую защиту гражданам и их собственности, сопоставимую, а иногда и превосходящую ту, что дается демократическими властями."

Замечу, что дав определение капитализму ("это рыночная экономика лично свободных людей"), А.Н. забывает сделать это для рынка. В статье 30 раз употребляются слова "рынок" и "рыночный", в том числе в противопоставлении "капитализму" ("рыночная экономика и капитализм — это не одно и то же. Капитализм немислим без рынка. Но рынок возможен и без капитализма"), но

ни разу не уточняется что имеется в виду. Вероятно добровольный обмен, которому следует противопоставить принудительный (включая налоги?), но я не уверен.

Далее я тоже порассуждаю о возможности другого капитализма, но перед этим укажу на некоторые ошибки А.Н., а начну вообще с определений и демонстрации некоторых вещей на пальцах.

Под рынком буду понимать добровольный обмен товарами и услугами, в том числе и при посредничестве денег. Частная благотворительность - это не рынок, но она не противоречит рынку, в отличие от принудительных изъятий товаров и услуг. Степень рыночности мы можем оценивать по соотношению масштабов добровольного обмена и принудительных изъятий.

Предположим в деревне живёт 30 человек. Двадцать из них собрались и избрали "главу деревни". Должны ли десять остальных ему подчиняться? Если они вооружены и в военном отношении сильнее тех двадцати - они и не будут. Но если те двадцать сильнее - то этим десяти придётся либо подчиниться, либо свалить. Что они предпочтут? А они посчитают что несёт им меньшие издержки. Если в других деревнях говорят на других языках и исповедуют другие религии - то вероятность бегства меньше. И если они останутся, то при всей добровольности оставания они окажутся в принудительном подчинении, т.е. станут рабами. По сути я описал нынешнюю демократию, основанную совсем не на добровольных отношениях. У меня нет выбора подчиняться или нет государству, в лучшем случае я могу бросить свою "деревню", если мне разрешат выехать и пустят в другую (где меня ждёт то же самое). Современные демократии построены на принципе "кого больше - тот сильнее", разве что ситуация чуть сложнее, чем описание выше.

Если в описанном случае двух групп те 20-ть, что собрались, в принципе продолжают оставаться свободными людьми и могут собраться снова и прекратить свой беспредел, то в случае когда есть постоянный орган управления и долгая история, свободных людей не остаётся. Предположим в деревне постоянный орган управления из 10-ти человек. Эти десять лояльны и подчиняются решениям этого органа, мечтая и дальше получать свою зарплату. Ещё несколько жителей деревни мечтают работать в этом органе. Лояльность ещё нескольких куплена мелкими подачками. Со всех жителей принудительно собираются деньги в обмен на обещание выплат в страховых случаях. Теперь каждый житель думает: если этих козлов распустить, то кто мне будет платить обещанную пенсию? Ещё каждый думает: ну хорошо, мне эти козлы не нравятся, но ведь остальным, судя по их лояльному поведению, нравятся и я в одиночку не смогу их свергнуть, так что буду подчиняться и вести себя лояльно! Повторю: так думает каждый или почти каждый. Человек признаёт чью-то власть, потому что думает, что эту власть признают окружающие, а судит он по лояльному поведению этих окружающих. И ещё он ждёт выполнения предоплаченных обещаний. И вот мы видим деревню рабов, современную демократию, о которой так печётся А.Н.

В современных государственных рабовладениях хорошим считается тот рабовладелец (государство), где барщина заменена оброком, этот оброк не слишком большой, порка запрещена, а госслужащие не слишком выделяются на фоне серой массы. Рабовладелец, очевидно, заинтересован в том чтобы рабы богатели - тогда они будут платить большой оброк. Рабовладелец, разоряющий рабов и отнимающий их имущество (не считая оброка) - вызывает гнев и негодование (ах как это глупо и негуманно!).

Теперь цитаты из статьи Илларионова.

=государство — это институт, обеспечивающий нахождение баланса частных интересов=

Типа, кому ещё как не государству лучше знать эти интересы и уметь найти компромисс в торге? Сами частные лица с помощью переговоров - никак? А частного посредника пригласить? Рынок - не поможет? Обязательно нужен институт с армией, полицией и тюрьмой? И он конечно будет совершенно нейтральным помощником в поиске компромисса? И он не будет создавать конфликты на пустом месте чтобы создать в себе потребность?

Государство, как и всякая сложившаяся формально-организованная группа людей (например, коллектив фирмы) - борется за выживание, за продолжение получения зарплаты. Для этого оно как минимум должно собирать с подконтрольного населения деньги и как-то добиваться лояльности этого населения. Можно, например, национализировать те или иные виды бизнеса. Например, если национализировать стоматологию, то через какое-то время (когда забудется частная практика) люди начнут думать, что без государства некому будет лечить им зубы и лояльность увеличится. Но конечно выгоднее всего национализировать правоохрану, суд и социальное страхование. А баланс интересов - это покупка лояльности более многочисленных и шумных групп за счёт менее многочисленных и шумных.

=в [этом капитализме] государство служит гражданам=

Конечно, самый лучший способ добиться лояльности рабов - это сделать вид что без тебя им никак не обойтись. Что ты не владеешь ими, а служишь им, помогаешь жить. Тут главное не забывать собирать оброк, а то можно так войти в роль, что забыть об этом:)

=Традиционный капитализм невозможен без демократии=

Демократия нужна для создания у рабов нужных иллюзий. Иллюзия доступности власти (люди легче подчиняются власти если у них или их детей есть шанс туда попасть). Иллюзия деперсонализации насилия: ты должен подчиняться государству не потому что оно этого хочет, а потому что все вокруг этого хотят, против всех не попрёшь, голосовавшее большинство - это большая сила, бойся его и поступай как оно хочет. Иллюзия добровольности

подчинения: Ведь я сам выбрал этого чувака, почему я не должен подчиняться? А у тебя есть выбор подчиняться или нет государству? Чувак - всего лишь очередной клоун в этом цирке. Указанные иллюзии позволяют максимизировать эксплуатацию.

=Стратегической альтернативы системе институтов, называемых иногда «западными», не существует=

Да, какая может быть альтернатива рабству? Невозможно даже помыслить! Рабство - это норма жизни. Нужно бороться за замену барщины оброком и за снижение оброка, а не с рабством!

=Капитализм — это рыночная экономика лично свободных людей=

Ага, лично свободных рабов:) Они отдают до трёх четвертей своих доходов государству, их жизнь регламентируют тысячи томов законодательства, но они, канэшна, свободны.

=для [этого капитализма] конкуренция является универсальным принципом существования=

Нужно различать конкуренцию на рынке благ и "рынке" антиблаг. Если начнут конкурировать воры-карманники или серийные убийцы - это хорошо? А кто сказал что публичная власть - это хорошо? Благодаря конкуренции туда попадают отъявленные проходимцы, умеющие лгать, кормить обещаниями и покупать одних за счёт других. Конкуренция этих ублюдков действительно укрепляет государство и позволяет ему расти - но в этом нет ничего хорошего для частных лиц.

=Рыночную экономику пытались уничтожить лишь особенно человеконенавистнические диктатуры. Их эксперименты сопровождались трагедиями катастрофических масштабов.=

Тут я напомним о соотношении масштабов добровольного обмена и принудительного перераспределения и укажу что, например, в Швеции начала 80-х объём бюджета расширенного правительства в процентах от ВВП зашкаливал за 80%. Т.е. принудительно перераспределялось в 4-5 раз больше, чем добровольно (позже они стали это снижать). Но рынок уничтожить не пытались, да? В большинстве "развитых западных" стран этот показатель превышает 50%, т.е. принудительного больше чем добровольного, причём тенденция нехорошая, налоги растут, а не снижаются. Не следует ли сделать вывод, что рынок пытаются уничтожить не только отморожки чекисты-юристы, но и так любимые Илларионовым либеральные демократии?

=Персональная свобода обеспечивается реальной личной безопасностью, незыблемостью частной собственности, верховенством права, юридическим равенством граждан по отношению друг к другу и по отношению к власти.=

Просто кое-где власти понимаю, что по-хорошему можно собрать больше, чем по-плохому. Что касается "юридическим равенством граждан по отношению к власти", то пусть господин Илларионов издаст закон, обязательный для представителей власти, или обложит этих представителей налогами. А мы посмеёмся как эти козлы во власти станут выкручиваться:)

Вернёмся к идее другого капитализма. Тут я всё же уточню, что согласен с А.Н. в вопросе важности правоохраны, индивидуальной безопасности и стабильности прав собственности для стабильного экономического роста (для экономического роста и серьёзных инноваций нужны длинные деньги, но никто их не будет вкладывать, если не уверен что их не отберут). Однако, я категорически не согласен, что "Стратегической альтернативы системе институтов, называемых иногда «западными», не существует". Капитализм может (и должен) быть другим.

Я утверждаю, что, во-первых, западные институты (прежде всего территориально-монопольное государство, производящее законы, суд и

правоохрану) в стратегической перспективе пожирают рынок, постоянно увеличивая долю принудительно перераспределяемого (это не только эмпирически наблюдаемо, но и логически обосновано в рамках как минимум трёх подходов). Во-вторых, альтернативы западным институтам обеспечения правоохраны были всегда и имеются сейчас, просто нужно хотеть и уметь их видеть.

По анализу эмпирических данных Илларионов больший специалист чем я, и не мне ему указывать, что бюджет расширенного правительства (в % от ВВП) постоянно растёт. Разве что в дополнение я посоветую ему вот эту книжку Л.Котликоффа и С.Бёрнса. Я напомню А.Н. о существовании "теории административных рынков" и вирджинской школы общественного выбора. Ещё есть австрийский анализ стимулов в социальной демократии. Выводы всех трёх подходов совпадают: государство будет расти и пожирать рынок. То, с каким упорством Илларионов не замечает ни этих теорий, ни их выводов и продолжает рассказывать о прелестях либеральной демократии - вызывает удивление. Уже даже Латынина что-то стала понимать, а А.Н. всё ещё тормозит, что наводит на мысли о его ангажированности.

Итак, альтернативы. Было время, когда предприниматели (купцы) не считали что их имущество должно охранять государство. Они сами нанимали охрану для своих караванов, сами боролись с пиратами, снаряжая боевые корабли. Известно, что флот из таких собранных вместе частных военных судов выигрывал крупные сражения с испанским флотом, спасая задницу британского государства. И вот недавно британские страховщики заявили о создании частного военного флота для борьбы с сомалийскими пиратами. Поприветствуем это начинание. Это я указываю, что сила, занимающаяся охраной жизни и собственности - может быть частной. Многие известные в истории объединения людей (племя, клан, род, Орден, цех, гильдия, землячество, диаспора и даже отчасти семья и государство) - можно рассматривать как общества взаимного страхования, где люди совместно мстили за своих обиженных членов и занимались прочим наведением порядка.

Тут можно возразить, что отсутствие территориальной монополии не позволяет создать единое правовое пространство и может вести к войне таких страховых образований. Отвечаю: с одной стороны, в международной торговле тоже нет единого правового пространства, но тем не менее она существует и успешно

развивается. С другой стороны, торговое право в самых разных странах по сути идентично. В учебниках международного частного права говорится, что при всей разнице категориальных аппаратов, суды разных стран в сходных случаях выносят сходные решения. И напомним про частные арбитражи, обращение в которые прописывается в международных коммерческих сделках. И если в международной торговле успешно сотрудничают фирмы и люди, находящиеся в разных юрисдикциях и на разных территориях, то почему бы таким же образом не строить отношения между фирмами, находящимися в одном здании, но имеющим разные "крыши"? По факту проблем нет. Принципы международного сотрудничества могут применяться в сотрудничестве разных групп, проживающих на одной территории. Примерно о том же пишет Кукатас.

Напомним, что само торговое (коммерческое, купеческое) право было создано купеческими гильдиями. Точнее, нанятыми ими частными юристами, обобщавшими прецеденты частных купеческих судов. Сейчас бы это выглядело как частно-разработанные стандарты (о чём к айлеву).

По поводу войны. Когда-то считалось что на одной территории не может быть разных религиозных конфессий, одна страна - одна религия, а конкурентов истребляли (варфоломеевская ночь, геноцид армян и т.д.). Теперь в любом крупном городе есть как минимум десяток разных конфессий и их культовые места. Что изменилось? Мышление людей? Люди разлюбили войну? Так почему бы это не распространить на государства? Пусть будет на одной территории много государств-крыш, а не одно.

Зайду с другой стороны. Территориальные государства возникли в эпоху, когда основная прибыль извлекалась из сельского хозяйства, в котором были заняты 95% населения. Главным ресурсом там была земля, а все главные споры были связаны с дележом территории. Что сейчас? Сейчас прибыли извлекаются из распределённых производств, слабо связанных с конкретной территорией. Рэкетирские крыши 90-х эволюционировали не в сторону контроля территорий, а в сторону контроля производственно-сбытовых цепочек. Чересполосица юрисдикций в сфере крышевания - была нормой, три соседних магазина могли иметь три разных крыши. И со временем рэкетирские крыши стали вполне цивилизными чопами.

Подробнее о стимулах, действующих в ситуации экстерриториальных государств-крыш можно почитать у меня.

Рассмотрим экономику военного конфликта (упрощённо). Конфликт выгоден, если расходы на него меньше получаемых выгод. Если цена конфликта выше бонусов от него - никто воевать не будет. А если будет - то быстро сойдёт со сцены, уступив место тем кто рациональнее. Крыши будут воевать и укрупняться до такого размера, при котором война крыш станет дороже чем дисконтированный доход от контролируемых бизнесов. В конкуренции крыш победят те, чьё поведение рациональней, а горизонт планирования - длиннее. Более развёрнуто здесь.

И есть ещё один аспект. На мироустройство сильно влияют военные технологии. Национальные государства возникли когда появилось огнестрельное оружие, отпала надобность в рыцарской коннице и король смог подмять феодалов. Возникли после 30-летней "переходной" войны (Вестфальский мир). Вольные города король подмял когда с появлением бомб и артиллерии стали бесполезны крепостные стены и жители не могли защищать свой город сами, без армии короля. Не случайно возникла и демократия. Как я писал выше, демократия создаёт иллюзии, позволяющие максимизировать сборы с подконтрольной территории. И ещё она позволяет создавать более лояльные массовые армии (вспомним Гражданскую войну в США с тремя миллионами обойцов, что больше чем во всей Европе времён наполеоновских войн).

Вот что говорит (несколько недодумывая) Е.Гайдар: «Вся современная демократия – в том виде, в котором она сформировалась в Европе – она выросла из понимания властей того, что если ты не договоришься с налогоплательщиками о том, как они считают нужным собирать налоги и как расходовать эти деньги, то у тебя не будет денег для того, чтобы вести войны. У тебя не будет денег для того, чтобы вести эти войны, и ты их проиграешь. Ты их проиграешь, тебя не будет на троне. Поэтому ты можешь ненавидеть парламент, презирать депутатов. Но ты понимаешь, что если ты с ними не договоришься, тебя на троне не будет. Это понимали в Англии, Голландии, во Франции, это

понимали в Испании. Тебе может не нравиться эта идея, но тогда ты вне центра европейского развития.»

Напомню, что демократии выиграли в прямом военном конфликте с монархиями - Первой Мировой войне. Демократия - это мироустройство, характерное для эпохи доминирования массовых армий в военном деле. После появления ядерного оружия, сделавшего массовую армию бесполезной - демократия устарела, и живёт сейчас примерно как ледники Килиманджаро, всё время тая.

Ну и о Японии, как примере альтернативного капитализма. Лет 20 назад я читал книгу известного журналиста-международника В.Цветова "Пятнадцатый камень сада Реандзи". Не помню деталей, но он там пишет что в Японии государство носит по сути декоративный характер, примерно как монархия в Британии. Всерьёз всем заправляет - крупный бизнес, без согласия которого политики не попадают во власть и государство не принимает серьёзных решений. Дзайбацу - крупные ФППГ. Они - прообраз тех экстерриториальных государств, о которых я тут пишу. Обзаведясь своими мини-армиями, чопами и, вероятно, ядерным оружием (оно даёт сакральность и бессмертие:), они будут страховать частных лиц и предпринимателей, принимая меры по минимизации числа страховых случаев. Грядущий строй пока условно называется "контрактные юрисдикции".

Подведу итоги. Мне очень неприятно что весьма умный и уважаемый мной человек рекламирует отстой. Не вижу смысла вместо наших чекистов-юристов предлагать те же яйца, только сбоку. Современные "либерал-демократии" не только не решают никаких концептуальных проблем (вроде рабства), но и создают массу своих. Территориальные государства - это временный устаревший институт эпохи доминирования сельского хозяйства. Представительная демократия - это временный устаревший институт, характерный для эпохи массовых армий. Сейчас демократическое территориальное государство по инерции доживает последние годы. Кому-то

она выгодна, но уж точно не частным лицам или предпринимателям (вероятно госслужащим и военным). Существуют альтернативные современному государству институты обеспечения правопорядка, причём существуют уже сейчас, параллельно с государством, которое мешает им развиваться. Рост доступности ядерного оружия (для которого уязвимы территориальные образования) и тот факт что основные прибыли сейчас извлекаются не из сельского хозяйства (территории) - предопределят экстерриториальный характер новых квазигосударственных образований. Прообразом таких экстерриториальных государств являются японские дзайбацу.

Извиняюсь что длинно, но сомневаюсь что обо всём этом можно сказать короче. Попробуйте:)

Власть как товар и её рынки

Основная цель данной работы - привлечь внимание к неизвестной широкой публике, но чрезвычайно интересной и важной “теории административных рынков”. В основном статья носит обзорный характер, но в последнем разделе даются некоторые неочевидные результаты. Кроме прочего, развенчивается миф о командно-административной системе позднего СССР, описываются механизмы демократии и делается прогноз будущего мироустройства.

Предисловие

Есть много вещей, совершенно «элементарных», если над ними не задумываться, но очень сложных, если попытаться их понять и описать. Бросая снежок в цель мы не задумываясь производим сложнейшие баллистические вычисления, а разговаривая, мы легко используем язык, являющийся невероятно сложным объектом исследования для лингвистов.

Так же дело обстоит и с «рынками власти». Формальная теория там сложна и требует серьезного математического аппарата, но все мы без всякой теории прекрасно знаем, что это такое и с разным успехом этим используемся. Чиновники и инспектора ГИБДД легко конвертируют данные им полномочия в хрустящую наличность, в Советском Союзе все пользовались «блатом», а «связи» и сейчас не потеряли актуальность.

Кинематограф прекрасно отрефлексовал «рынки власти», породив несколько фильмов, не лишенных научной ценности. В фильме "Прохиндиада" (1984), показан виртуозный брокер рынка связей и блата, простой сотрудник НИИ Сан Саныч (А. Калягин), без всяких денег сводящий разные интересы и совершающий самые немислимые сделки. В фильме с А. Мироновым "Блондинка за углом" (1983), героиня Татьяны Догилевой, являясь простой продавщицей гастронома, может почти всё. Эта же тема обыгрывается в фильме "Ты - мне, я - тебе" (1976) где Леонид Куравлёв играет банщика-массажиста с широкими связями.

Но настоящими, серьёзными игроками рыков власти являются не продавцы гастрономов или банщики, а государственные служащие и «народные избранники». Про них дальше и пойдет речь.

Удивительно, но в данном случае наука почти не отстала от кинематографа. Теория рынков власти, она же теория административных рынков, стала постепенно складываться стараниями двух групп учёных в Москве и Новосибирске в самом конце 70-х годов и к середине 80-х созрела до серьёзных публикаций.

Принято считать, что советские экономисты никакого вклада в мировую экономическую науку не внесли, кроме, разве что, «больших циклов» репрессированного эсера Н.Д. Кондратьева и линейного программирования математика Л.В. Канторовича. Но это не так. Теория административных рынков - именно такой вклад, причём способный серьёзно повлиять не только на экономику, но и на политику.

На Западе давно и активно развивается вирджинская школа общественного выбора, представителями которой являются Джеймс М. Бьюкенен (Buchanan, Ноб. премия по экономике за 1986 год), Гордон Таллок (Tullock), Кеннет Дж. Эрроу (Arrow, Ноб. премия по экономике за 1972 год), Манкур Олсон (Мансур Олсон, Olson) [9]-[13]. Эта школа занимается во многом близкими к «рынкам власти» экономическим анализом политической деятельности и теорией принятия политических решений. Однако, можно утверждать, что российские исследователи независимо достигли серьёзных результатов, причем, благодаря специфике предмета исследования (советской экономике), совершенно уникальных.

К "предтечам" теории общественного выбора и теории административных рынков можно отнести австрийца Людвиг фон Мизеса, который в своих книгах "Бюрократия" (1944) и "Запланированный хаос" (1947) [14] подробно описал мир бюрократии и законы её функционирования вполне в духе указанных теорий. Кроме того, Мизес в своей книге «Социализм» (1922) теоретически доказал невозможность плановой экономики и теория административных

рынков это косвенно подтверждает. Рынки власти делают невозможную систему возможной, фактически заменяя товарные рынки.

Неким аналогом указанных теорий для частных корпораций является «модель Карнеги принятия решений», которую создали связанные с университетом Карнеги-Меллона Р. Кайерт (Cyert), Дж. Марч (March) и Г. Саймон (Simon). В этой модели решения возникают как результат борьбы, торга и компромиссов между различными коалициями менеджеров в которые могут входить и важные клиенты, инвесторы или представители профсоюзов.

Примеры

Приведу несколько типичных примеров административных рынков:

1. Фракции в Думе договариваются: «вы голосуете за наш законопроект, а мы за ваш». Чиновники: «ты ставишь мне визу на этом документе, а я визирую нужный тебе документ». Это «логроллинг», в буквальном переводе – перекачка брёвен. Почти все законы, указы и постановления – результат логроллинга и поскольку это один из главных способов «надругаться» над интересами общества, остановлюсь на нём подробнее. Пусть в парламенте 3 примерно равных по численности фракции. Фракцию А удовлетворяет status quo. Фракция Б хотела бы увеличить социальные расходы, но ничего более. Фракция В желает увеличения расходов на ВПК, но ничего более. По идее, никто не набирает большинства и всё должно остаться как есть, но реально фракции Б и В договорятся о взаимной поддержке и вместо неувеличения расходов ни на что, будут увеличены расходы на всё, а если при этом не увеличить налоги, то будет расти госдолг.

2. В советское время секретарь райкома партии мог "придержать прокурора", чтобы председатель колхоза мог незаконно нанять бригаду шабашников, которая позволит вытянуть план и колхозу, и району.

3. Сейчас Центр выделяет трансферты тому или иному региону в обмен на политическую поддержку “партии власти” на выборах. Происходит обмен финансовых полномочий на голоса. [17]

4. Сейчас частота проверок соблюдения законности и целевого расходования бюджетных средств со стороны Центра "обменивается" на интенсивность местных судебных разбирательств в отношении прав собственности на предприятия тех или иных общенациональных бизнес-групп. [17]

5. В советское время квалифицированный рабочий в обмен на выполнение задания мог требовать от начальства на выбор: отпуск в удобное время, повышение разряда, путевку в санаторий, отгулы, возможность во время работы делать что-то для себя и т.д., вплоть до [негласного] разрешения воровать. Ниша для торга возникала из-за негибкости системы оплаты труда, дефицита рабочих рук и сложностей с увольнением - увольнять работников было не принято - это снижало показатели и могло повлечь неприятности для начальства. В фильме с Роланом Быковым "Амнистия" ("Троянский конь", 1981), взятый на поруки герой Георгия Буркова шантажирует руководство фабрики детских игрушек, требуя разных благ.

6. Межбюджетные отношения представляют собой почти идеальный пример действующего административного рынка. [17]

Создатели

Создателями теории административных рынков (рынков власти, бюрократических рынков) являются (в алфавитном порядке): П.О. Авен (сейчас президент "Альфа-банка"), С.А. Белановский, В.М. Константинов, С.Г. Кордонский, В.А. Найшуль, С.Ю. Павленко, Ю.М. Родный, В.М. Широнин. В основном математики и социологи.

Московская группа (Найшуль, Константинов, Родный) состояла из математиков, работающих в вычислительном институте Госплана и изучала Госплан, а

новосибирская группа (Кордонский, Павленко, Широнин, Авен) изучала сельский район Алтайского края и обе, независимо, пришли к сходным выводам. Группы узнали друг о друге только в 1985 (по др. данным в 1987) году.

К официальным публикациям советского периода о механизмах бюрократической торговли в советской экономике, выходящими за рамки узкого исследования и носящие обобщающий характер можно отнести статьи [1]-[6].

В 1985 году, Виталий Найшуль опубликовал (под псевдонимом) в самиздате книгу "Другая жизнь" (доступна в Интернете), где он, сравнивая Советский Союз и США, описывал механизмы советских бюрократических торгов и высказал идею приватизационного чека.

Вероятно, самым крупным специалистом по административным рынкам является Симон Кордонский (не зря он сейчас работает в администрации президента). Он же дальше всех продвинулся в создании формального аппарата теории, придумав "веерные матрицы и соответствующие матрицам графы". «По мнению специалистов, веерные матрицы являются частным случаем теории типов в смысле Хао Вана или, может быть, одним из видов фракталов. Аппарат веерных матриц даёт возможность совместить, казалось бы, несовместимые представления и обеспечивает некоторые объясняющие и предсказывающие возможности.»

В 2000 году вышла книга Кордонского [7], где он собрал свои (частично опубликованные) работы за 1987-95 годы. Её отдельные главы доступны в Интернете.

К свежим работам по теме, не принадлежащим отцам-основателям можно отнести книгу известного социолога Л.М. Тимофеева [16] и отдельные статьи профессора П.А. Ореховского, например [17], [18].

О терминах

Дж.М. Бьюкенен, применительно к административным структурам США, использовал термины "бюрократическая торговля" и "бюрократический рынок" [9]. Однако, по мнению Виталия Найшуля, "администрация, занимающаяся торговлей, уже не является классической бюрократией и поэтому термин «административный рынок» точнее". Термин "бюрократический рынок" всё же употребляется чаще, как международно-признанный.

Наряду с упомянутыми, различными авторами так же употребляются термины "экономика торга", "экономика согласований" и "рентоориентированная экономика" (rent-seeking society). Близкими по существу явления можно считать "перераспределительную" или "редистрибутивную" экономику, поскольку всякое властное перераспределение порождает торг властей.

Властью (административными полномочиями) в данном контексте можно считать возможность распоряжаться (перераспределять, запрещать или ограничивать перемещение и т.д.) ресурсами, не являясь их собственником (или непосредственным начальником, если речь о людских ресурсах).

Торговать властью - значит использовать имеющиеся полномочия для приобретения личной выгоды (или избежания неприятностей). Личная выгода - это чаще всего сохранение и укрепление своего служебного положения, карьерный рост, вхождение в "бюрократические коалиции" (стать "своим", не быть белой вороной), достижение "бюрократического консенсуса" (подробнее в [19]).

Кстати, раз уж власть – просто товар, то можно даже рисовать графики равновесия на рынке ("коробки Эджуорта") – примеры в статье [17].

Гр. Сапов предложил, а В. Найшуль популяризировал термин "административная валюта". Многообразные административные валюты - это как раз то, что циркулирует на административных рынках.

В советское время основным источником доходов для подавляющей части граждан было оплачиваемое государством рабочее время. Обладание властью было вторым основным источником доходов. Мерой власти являлось количество административной валюты, находящейся в распоряжении конкретного лица. Знание кто какой валютой обладает, наличие «связей», посреднические услуги тоже могли приносить доход.

Из публичной лекции В.А. Найшуля (апрель 2004 г.): «административный рынок – это иерархическая система, которая построена на отношениях торговли: это горизонтальная торговля, торговля между не подчиняющимися друг другу субъектами, и торговля вертикальная, торговля между подчиняющимися друг другу субъектами. Очень интересное явление, ведь отношения между начальником и подчиненным тоже были торговыми. Эта экономика сформировалась после Сталина и была нашим великим завоеванием, положительным результатом которого было то, что страна подготовилась к обменным отношениям задолго до того, как Гайдар пришел со своими реформами. Можно сказать, что брежневская эпоха – это эпоха торговли.»

Из [17]: «Под теорией административного рынка в отечественной экономической науке понималась концепция, объясняющая специфический вид торговли, в процессе которой властные полномочия обменивались на ресурсы, необходимые сторонам, заключающим контракт. В рамках данной теории объяснялось возникновение и функционирование разветвленной системы теневых регуляторов, влияющих на весь ход советской хозяйственной жизни.»

Из [5]: «Бюрократический рынок, так же как и товарно-денежный, обладает стихийной способностью к саморегуляции. То, что на нем происходит, зависит от всех участников торгового процесса вместе и ни от кого в частности. Советский бюрократический рынок устойчиво гасит действия даже таких крупных диллеров, как ЦК КПСС или Совет Министров СССР. [...] В то же самое время бюрократический рынок имеет ряд свойств, которые резко отличают его от обычного рынка и делают их антиподами. Основой обычного рынка являются экономические права участников, бюрократического – обязанности, экономическая активность в одном случае инициируется избытком, в другом -

дефицитом, конкуренция действует соответственно в сфере производства и в сфере потребления.»

Экономика Советского Союза

Из [7]: «Любой человек, выросший при социализме, понимает, что он жил вовсе не при тоталитарном режиме, а в стране, где можно было практически все, но при определенных условиях.»

Из публичной лекции Симона Кордонского (2004 г.): «Наверное, в годах 1985-86, у меня был такой бзик, было много свободного времени, и я решил построить схему устройства государственной власти в СССР, начиная от Генерального секретаря ЦК КПСС до секретаря парторганизации совхоза или сельхоза. И от председателя Совета министров до председателя поселкового совета. При самом мелком читаемом шрифте у меня получилась таблица длиной в 1,7 м., ну, выше моего роста, которую приходилось сворачивать в рулон. Там было более 70 уровней иерархии, и это только список наименований должностей по структуре подчиненности по 4-м вертикалям власти, которые были в СССР.»

Далее я приведу несколько цитат из статей, интервью и лекций В. Найшуля, который, работая в Госплане, видел всё изнутри.

Из [6]: «Согласно нашей точке зрения, однако, уже в 60-х, и тем более в 70-80-х годах (административно) командной экономики в СССР в действительности уже не существовало, а действовала другая система, основанная на ведомственных согласованиях.»

Из публичной лекции (апрель 2004 г.): «В конце 70-х годов не только наша группа, но и ещё несколько толковых человек в Госплане знали, что страна находится в смертельном экономическом кризисе. Нам это было понятно гораздо раньше, чем об этом начали говорить диссиденты или какие-то “голоса”. Как мы об этом узнали? Точка, в которой чувствуется состояние дел в

рыночной экономике – stock exchange. Точка, в которой чувствуются все проблемы плановой экономики – это Госплан. Госплан лихорадило, лихорадило не как организацию, а как схему работы – Госплан всё время пересчитывал собственные планы. Итак, в конце 70-х годов в Госплане ощущалось, что система находится в кризисе, из которого у неё, по всей видимости, нет выхода. Второе, что обнаружила наша группа, работая в Госплане – это то, что у нас вовсе не командная экономика, а какая-то совсем другая. Не командная экономика, а экономика согласований, которая позже была названа административным рынком.»

Из [6]: «Типичная схема управления экономикой в брежневскую эпоху выглядела следующим образом. Предприятия делали заявки на ресурсы, которые суммировались, поднимаясь вверх по административной лестнице, пока не достигали органа власти, полномочного дать задания производителям. Затем эти задания распределялись между предприятиями-изготовителями, которые в ответ предъявляли встречные требования к поставкам входных ресурсов, так что цикл планирования повторялся снова и снова.

Планирование начиналось не "сверху", как в сталинской командной системе, а "снизу" и носило не директивный, а согласующий и итеративный, повторяющийся характер. Движение заявок - "вверх" и заданий - "вниз" сопровождалось ожесточенными торгами начальства с подчиненными за минимальные производственные задания и максимальное ресурсное обеспечение.

Сложность управления народным хозяйством привела к тому, что в распределении ресурсов участвовала не одна, а несколько союзно-отраслевых, регионально-отраслевых, нормативных и контрольных иерархий. Функцию окончательного согласования деятельности различных иерархий между собой и с "потребностями жизни" выполняла гибкая, адаптивная партийная иерархия. Она же являлась наиболее прямым каналом доведения "вниз" решений вышестоящих органов. Коммунистическая партия в своем реальном облике действительно была главной интегрирующей силой советского общества. [...]

Система вертикальных торгов дополнялась нелегальными, легализуемыми или легальными горизонтальными торгами - обменами между организациями. По мере роста и усложнения экономики и увеличения потоков заявок в верхних эшелонах власти возникла настоящая управленческая "пробка", и распределение ресурсов с помощью вертикальных торгов становилось все более затруднительным. Поэтому значение горизонтальных обменов непрерывно росло. (В перестроечные времена эти горизонтальные обмены спасли экономику от краха, породив современный советский региональный бартерный рынок.)

Вертикальные и горизонтальные торги в сильнейшей степени зависели от бюрократического статуса партнеров. Поэтому на развитом советском административном рынке поздней брежневской эпохи торговали не только товарами и услугами, как на Западе, но и всем, что имеет цену в иерархическом обществе: положением в обществе, властью и подчинением, законами и правами их нарушать, квалификационными дипломами... [...] Такие обмены не являлись и не являются коррупцией (в смысле преступления), а сложной системой всеобъемлющего административного рынка, где всё покупается и продаётся.»

Из [5]: «Вес участника бюрократической торговли, как правило, тем выше, чем больше размер организации, которую он представляет. В результате в брежневскую эпоху в нашей стране организации всегда имели перевес над частными лицами, крупные организации - над мелкими. Малый размер предприятия вообще становился синонимом его отсталости.

Поскольку вес органа власти тем больше, чем выше его иерархический уровень, решения в целом ориентируются на "верх" больше, чем на "низ". В результате система управления народным хозяйством стремится обслуживать не его нужды, а самое себя, заниматься самоублажением. Происходит отрыв системы управления от объекта управления.»

Из [6]: «Административная торговля, в которой решения принимались путем согласования, а веса его участников были прямо связаны с их уровнями в

иерархии и размерами подчиненных им объектов, создавала систематический перевес собственных интересов верхних эшелонов власти. В результате система управления и особенно её верхние звенья замыкались на себя и занимались самоудовлетворением, отрываясь от нижних звеньев и объекта управления. Эта неспособность верхних структур решить проблемы нижнего уровня сломала эволюционное развитие системы, вылившись в кризис - Перестройку.»

Обращу ещё раз внимание, что административные рынки - это не просто коррупция, а социальный феномен, который компенсирует неадекватность административного механизма реально идущим процессам и в плановой экономике эти рынки фактически заменяли биржи. Поэтому там, где советская власть боролась с "коррупцией", разрушая традиционные связи, наблюдались и наблюдаются до сих пор огромные проблемы, как экономические, так и политические (например, в Грузии).

Как пишет В. Найшуль [5]: «Общим для обычного и бюрократического рынка является ещё и то, что насилия над ними имеют отрицательные последствия для экономики, причем в последнем случае они оказываются даже более разрушительными. Грубые вмешательства в нормальный процесс бюрократической торговли, сделанные с самыми честными намерениями, ухудшают и без того неблестящие результаты хозяйственной деятельности рынка "видимых рук", срывая с трудом поддерживаемые им народнохозяйственные балансы.»

Современная Россия

Работы по теории административных рынков по большей части посвящены описанию реальных механизмов функционирования советской экономики, но есть кое-что и о современной России. Приведу несколько цитат:

Из публичной лекции В.А. Найшуля (апрель 2004 г.): «Итак, это административный рынок, и я хочу вам сказать, что мы до сих пор живем в ситуации административного рынка. То, что сделал Гайдар - он его оденужил. Деньги играли не очень большую роль. Стали играть очень большую роль.

Власть и другие компоненты как играли большую роль, так и продолжают её играть. Очень часто применяется термин “административные ресурсы” или “административная валюта” - это все оттуда, из этой терминологии.»

Из статьи А.Н. Илларионова "Цена социализма" в «Независимой газете» 13-14.04.1999 (доступна в Интернете): «Осенью 1991 г. многочисленные просители в коридорах российского правительства не могли поверить в то, что лимитам и фондам, "выбивание" которых стало профессией многих из них, придет конец, а их предприятия вынуждены будут самостоятельно зарабатывать деньги. Сомневались они не зря. Старые ценные бумаги - фонды и лимиты - уступили место новым ценным бумагам - бюджетным субсидиям, гарантиям, кредитам, таможенным и налоговым освобождениям, разрешениям на экспорт, взаимозачетам, федеральным программам, правительственным постановлениям, президентским указам. Предмет бюрократического торга изменился, но сам его механизм, описанный П. Авеном и В. Широниным еще в 1987 г., сохранился практически нетронутым.»

Егор Гайдар, из книги «Государство и эволюция» (1997), глава 5: «Сегодня мы можем подвести предварительный итог социально-экономическим переменам последних лет. Если постараться обобщить их в виде формулы, то её можно представить как обмен власти на собственность. [...] Обмен номенклатурой власти на собственность...»

Из интервью старшего референта президента РФ Симона Кордонского (2004 г.): «Процессы, протекавшие в России в последнее время, были в основном дележом собственности бывшего СССР. В Советском Союзе были накоплены огромные ресурсы - за счет принудительного труда и естественного богатства. В ходе распада каналов, связывавших элементы Страны Советов, выделялась колоссальная энергия — ресурсы превращаются в деньги. Вся постсоветская экономика основана на выставлении на рынок разного рода ресурсов: сначала оборонка, потом пошла нефтянка, металлы, драгметаллы, химические производства, электроэнергетика. Но вот уже много лет, начиная, наверное, с 1997 года, на рынке не появляется новых материальных ресурсов. Это не значит, что их нет. Они есть, например ресурс, связанный с ЖКХ. Есть огромный ресурс земли, но он капитализируется локально, а не глобально. [...]

После 1997 года, когда на рынок перестали выходить новые типы ресурсов, ресурсом стала сама власть. [...] Уже семь лет основным предметом торга является сама власть ... как инструмент перераспределения выведенных на рынок ресурсов. [...]

Уровень вовлечения населения в административную торговлю был и остается в России беспрецедентно высоким. Возможно, лишь в Северной Корее остался сопоставимый с нашим административный рынок. [...]

Но здесь возникает очень сложный вопрос социальной стабильности. Институтами административного рынка у нас поддерживается огромная социальная сфера. В ходе административного торга между центром и регионами всегда находится способ поддерживать хотя бы на минимальном уровне потребности граждан, лишенных по разным обстоятельствам возможности - или желания - участвовать в дележе ресурсов. [...] ... у нас нет политиков, а есть лоббисты.».

В том же духе написана статья Петра Авена "Экономика торга" в Коммерсантъ-Daily, 27.01.99 г. (доступна в Интернете, <http://scd.centro.ru/Tor1.htm>), где он весьма подробно рассказывает о торгах 90-х годов.

Статьи д.э.н., профессора П.А. Ореховского [17] и [18] посвящены той же теме.

Итоги и неочевидные выводы

1. В отличие от любых других товаров, которые убывают при обмене их на что-либо, власть при таком обмене чаще всего не убывает, а иногда и прибавляется.

2. Возможно, власть следовало бы рассматривать как товар с растущей предельной полезностью, а не с убывающей (т.е. чем больше есть - тем больше хочется). Это означает, что равновесие на административных рынках является крайне неустойчивым, а попытки его достичь - вечными. [17]

3. Власть, как правило, отягощена долгами, т.е. ответственностью за жизнеобеспечение населения, типа выплат пенсий, детских пособий, социальной помощи ветеранам и т.д. Каждый субъект рынка власти пытается захватить как можно больше активов (самой власти), и сбросить как можно больше пассивов (долгов), которые будет вынужден принять слабейший (чаще всего муниципалы). Для последнего это обычно означает хронический дефицит бюджетных средств.

4. Но даже обремененное долгами имущество, тем не менее, представляет собой актив (например, на местном уровне, муниципальную собственность), способный приносить доход. Поэтому убытки бюджета вполне компенсируются доходами конкретных чиновников.

5. Владелец хронического дефицита бюджета никогда не теряет надежды превратить свои долги в обязательства власти более высокого уровня, например, используя социальное недовольство перед выборами. Это опять же устремляет торг в вечность.

6. Местные власти в торге с региональными (за нормативы распределения собранных налогов и дотации) мало что могут предложить и, как следствие, они апеллируют к федеральному центру, выставляя себя в качестве платформы российской государственности, основываясь на которой следовало бы вести борьбу против регионального сепаратизма. Как заметил С. Кордонский, в промежуточном звене территориального управления всегда наблюдается определенное противоречие, что делает многозвенные структуры государственного устройства изначально неустойчивыми. Так, короли, вступая в союз с “простыми людьми”, постепенно свели на нет власть естественных элит (князей, графов, баронов и др.). Так, в Римской империи, в период принципата успешно сочетавшей два начала - полис и империю, императорская власть постепенно подавила элементы полисной системы, что привело к кризису и возникновению домината - режима военной диктатуры с опорой на огромный бюрократический аппарат (ну чем не СССР?).

7. Как ни странно, у региональных органов управления нет самостоятельных задач по производству общественных благ, предписываемых теорией общественного сектора [17]. Следует отметить отсутствие “закона о регионах”, в отличие от достаточно подробно проработанных юридических норм, определяющих положение местного самоуправления. В отсутствие задач и закона, территориальные структуры занимаются тем, что смогли выторговать у федерального центра и отобрать у муниципальных образований (МО). Как правило это управление денежными потоками между Центром и регионом и перераспределение денег между МО. Но главная задача региональных властей - вечный торг. (Безусловно, регионы следует упразднить.)

8. Очевидно, административный торг требует посредников. Эти посредники появляются на различных уровнях. Муниципалитеты создают свои объединения (КоМО, СРГ, АСДГ и др.), регионы торгуются в основном через министерства (Миннац-Минрег, Минфин и др.) и своих депутатов в Федеральном Собрании. Важно то, что посредники заинтересованы в продолжение процесса, что опять же делает торг вечным.

9. При демократии, когда источником власти объявлен народ, торг может происходить не только внутри власти, но и между властью и представителями различных социальных групп (т.е., опять же, посредниками). Таковыми можно считать партии, общественные объединения и профсоюзы. У этого торга есть свои закономерности. Поскольку существует принцип "один человек - один голос", власть, в целях самосохранения, пытается угодить более многочисленным социальным группам за счёт малочисленных. Например, помогает профсоюзам безнаказанно шантажировать работодателей или путём прогрессивного налогообложения грабит малочисленных богатых в пользу многочисленных "бедных". С ростом же социальных пособий увеличивается и число желающих их получать - т.е. растёт социальная база партий, желающих "отнять и поделить", а это, влечёт рост перераспределения и так по кругу. (Если при царях, до 1913 года власти перераспределяли 5-6% ВВП, то при демократии, в конце XX века 50-60% ВВП.) Этот "политический денежный насос" довольно быстро ведёт "социальные государства" к стагнации и краху. Более подробно об этом в [20].

10. Итак, административный торг - это постоянный самовоспроизводящийся процесс, где все участники заинтересованы в продолжении "игры" и сохранении ситуации неравновесия. Никаких встроенных механизмов, сдвигающих систему к равновесию нет, но зато есть механизмы, направляющие систему в сторону углубления неравновесия - в отличие от обычных рынков, где веса (статус, ранг) игроков равны, на рынках власти веса игроков разные и более "тяжёлые" игроки всегда хоть немного переигрывают более "лёгких". Дотянувшись до чего могут, центральные власти отрываются от объекта управления, пытаясь замкнуть вокруг себя пространство и остановить время - именно так СССР пришёл к кризису, вызвавшему Перестройку.

11. Виргинская школа общественного выбора утверждает, что у государственных органов есть "естественное" стремление максимизировать власть, увеличивать налоги и ограничивать права частной собственности во имя мифического "общественного блага", но считает, что хорошая конституция может этому стремлению противостоять. Подтверждающих примеров, однако, не приводится (конституция США лишь тормозит процесс, но не останавливает), зато не счесть примеров обратного, которые, вероятно, можно списать на недостаточное качество конституций. Полагаю, хорошую конституцию написать и принять можно и даже, наверное, можно заставить работать, но если она будет слишком мешать "естественным" устремлениям властей, то после массивной пропаганды её просто изменят. Если уж и народ и власти хотят "отнять и поделить", то никакая конституция этому не помешает.

12. Неоавстрийская школа (ученик Людвиг фон Мизеса Мюррей Ротбард, его ученик Ганс-Герман Хоппе и др.), вероятно, дальше всех продвинулась в анализе механизмов и разрушительной роли государственной власти. Особой критике подверглись демократии, доминирующие сейчас в западном мире. Государству, обладая территориальной монополией на производство неких услуг (оно само решает каких), возможностью принуждать к их оплате (налоги) и средствами пропаганды (СМИ, школы и др.), вообще трудно удержаться от экспансии и злоупотреблений. Демократия же, делая правителей временщиками, обладающими индульгенцией в виде "воли большинства", делает это неизбежным и порождает процессы, в перспективе ведущие к деградации и вырождению населения страны и банкротству и распаду самого

государства. (Отчасти механизм описан в п.9, а подробная аргументация достойна отдельной статьи.)

Окончательные выводы таковы: 1) Уже в ближайшие десятилетия мы будем свидетелями краха современных перераспределяющих демократий (социальных государств), схожего с крахом СССР. 2) Чтобы власть была устойчивой она должна быть одноуровневой. 3) Даже одноуровневая власть не должна вступать в "торговые" отношения с различными социальными группами, т.е. не должно быть никакой демократии.

Способ избежать торга - контракт с каждым "подданным" по отдельности. При этом одноуровневых властей может быть много и они могут конкурировать за "подданных". Это называется «конкурирующие контрактные юрисдикции» и ближе всего к ним страхование, “крышевание” и франчайзинг. Плюрализм юрисдикций при единстве норм уже известен нам по христианскому Средневековью, а в будущем нас ждёт плюрализм юрисдикций при единстве процедур разрешения конфликтов (арбитраж известен всем культурам).

Литература по теме

[1] Константинов В.М., Найшуль В.А., Технология планового управления, препринт, М.: ЦЭМИ АН СССР, 1986.

[2] Авен П., Широнин В. Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований. Известия СО АН СССР, сер. «Экономика и прикл. социология», вып. 3, Новосиб., 1987. <http://www.shironin.com/a-sh.htm>

[3] Павленко С.Ю. Неформальные управленческие взаимодействия, в сб. Постигение, М.: Прогресс, 1989.

[4] Найшуль В.А. Сможет ли советская экономика остаться более социалистической, чем американская, в сб. Пять лет перестройки, М.: Прогресс, 1990. <http://www.inme.ru/previous/suus.htm>

[5] Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма, в кн. Погружение в трясины, Москва: Прогресс, 1991. <http://www.inme.ru/previous/brez.htm>

- [6] Найшуль В.А. Либерализм, обычные права и экономические реформы. Октябрь 1991. <http://www.inme.ru/previous/naishul.htm>
- [7] Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000 (доступна в Интернете, частично здесь: http://www.russ.ru/ist_sovr/intr-pr.html)
- [8] Кордонский С.Г. Постперестроечное экономическое пространство. Трансформации административного рынка. <http://www.russ.ru/antolog/inoe/kordon.htm>
- [9] Buchanan J.M., Tullock G. The Calculus of Consent, Logical Foundations of Constitutional Democracy, Ann Arbor, Univ. of Michigan Press, 1962. Русский перевод – “Расчет согласия.” – в книге "Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен", М., Таурис Альфа, 1997.
- [10] Toward a Theory of the Rent-Seeking Society, ed. by Buchanan J.M. et al., College Station, Texas A and M Univ. Press, 1980.
- [11] Buchanan J.M. The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan, Chicago: University of Chicago Press, 1975. Русский перевод – Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном. М.: 1997
- [12] Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. - М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
- [13] Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск: Экор, 1998
- [14] Мизес Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность.: Пер. с англ. - М.: Дело, 1993.
- [15] Тимофеев Л.М. Черный рынок как политическая система. М.: Весть, 1993.- 272с.
- [16] Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция. М.: РГГУ, 2000.-365с.
- [17] Ореховский П.А. Теория административного рынка и финансы муниципальных образований РФ (в 1990-2000 гг.). Журнал «Муницип. экономика» №1, 2003 <http://lab.obninsk.ru/public/articles.php?htmlfile=orekhovsky-11.htm>
- [18] Ореховский П.А. Планирование как форма административного рынка. Особенности инноваций в экономике России. <http://lab.obninsk.ru/public/articles.php?htmlfile=orekhovsky-15.htm>

- [19] Павленко С.Ю. Элемент демократии или закулисные сделки? // Pro et Contra. 1999. Т.4. №1. с.68-83. <http://www.carnegie.ru/ru/print/55725-print.htm>
- [20] Кузнецов Ю.В. Роковой выбор. Журнал «Отечественный записки» №3, 2003 <http://www.strana-oz.ru/?numid=12&article=519>
- [21] Авен П.О. Экономика торга. Коммерсантъ-Daily, 27.01.99 г. <http://scd.centro.ru/Tor1.htm>
- [22] Кордонский С.Г. Ресурсное государство: реконструкция прошлого. <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=641>
- [23] Рецензия на книгу Энтони де Яшаи «Государство» <http://www.econlib.org/Library/LFBooks/Jasay/jsyStt.html>

Монархия vs. Демократия

Эта статья отчасти опирается на работы неоавстрийской школы, но в основном самостоятельна. Далее предполагается, что и монарх и демократический правитель – обычные люди, на которых действуют разные стимулы. Статью следует воспринимать не как пропаганду монархии, а как критику демократии через сравнение с монархией. Конкретнее: автор не монархист, монархия тут для сравнения с демократией.

1. Поскольку монарх передаёт страну по наследству своему сыну – у него есть сильный стимул до самой смерти стремиться к сохранению и приумножению её ценности. Демократический правитель был и остается временщиком. В этом качестве он стремится максимизировать все виды текущих доходов государства, принося в жертву все виды капитальных ценностей [1].

2. Будущего монарха с детства готовят к предстоящей работе и он, как правило, имеет гораздо лучшее образование и воспитание, чем демократический правитель, т.е. монарх компетентнее.

3. Монарх вынужден гораздо сильнее дорожить своей репутацией (т.е. вести себя адекватно, в соответствии с моралью и обычаями), поскольку он не временщик и не уйдёт в небытие через 4-8 лет и ему с этой репутацией править всю жизнь. Отчасти репутация монарха даже по наследству передаётся. А такие понятия эпохи монархий как честь и долг - фактически умерли в эпоху демократий.

4. Охота за голосами избирателей (а у бедняка и богача по одному голосу) не является для монархов стимулом к ограблению богатых в пользу бедных, к ущемлению прав малых групп в пользу больших. При демократии же, сам процесс предвыборной борьбы стимулирует кандидатов придумывать новые способы угодить своему электорату, т.е. дать ему какую-нибудь подачку или привилегию, что можно сделать только за счёт других. Это, кстати, ведёт к постоянному росту конфликтности в демократических станах, а так же фискальной и юридической неопределённости.

5. Охота за голосами избирателей не является для монархов стимулом к взятию в долг (для раздачи подачек электорату) и решению текущих проблем за счёт будущих. То, что самому же потом придётся и отдавать (в отличие от ситуации при демократии, когда берут одни, а отдают совсем другие) - явный дестимул для взятия в долг. Конечно, монархи тоже брали в долг, особенно в военное время, но в мирное время их долг обычно сокращался, долг же демократических государств растёт всегда и непрерывно и достиг уже невиданных масштабов [1]. Кстати, по логике, рост госзаимствований должен расти накануне выборов, когда текущая власть, желая избраться на новый срок пытается подмазать электорат.

6. Власть монарха над людьми как бы делегируется Богом (на Западе, например, посредством Папы Римского, а в России, после церковного обряда помазания на царство, царь считался Христомиметом – подражателем мук Христовых), а потому это не вполне власть человека над человеком. При демократии же люди правят людьми, т.е. это уже похоже на рабство, и чтобы это прикрыть принято считать что подвластные подчиняются добровольно, что я категорически отрицаю. Если быть рабом божьим – куда ни шло, то быть рабом людей – уже ни в какие ворота не лезет.

7. Будучи чем-то недоступным, а отчасти даже мистически-потусторонней и чужой, монархическая власть, как правило не может достичь того же уровня доверия со стороны простых людей, что и демократическая, а потому не может их так сильно кидать, как это делает демократическая. Трудно кинуть того, кто тебе не верит.

8. Отсутствие индульгенции в виде воли народа (как у демократического правителя) не позволяют монарху творить всё что взбредёт в голову без опасения вызвать недовольство этого народа (хороший текст о «воле народа» [3]).

9. При демократии решения принимаются коллегиально, безлично, а потому могут быть глупыми, циничными и жестокими. Анонимно, под маской можно

делать всё – воины разных времён и народов это прекрасно знают. (Кстати, поэтому президентская республика лучше парламентской, см. [4].)

10. Человек совсем по разному воспринимает разрушение своего дома ураганом и соседом. В первом случае терпеливо отстроит заново, во втором - сначала пристрелит соседа. При демократии люди терпят проделки власти (чиновников), потому что это квазиприродное стихийное бедствие, проявление некой безликой “воли народа”, а при монархии никакой безличности нет и терпение быстро кончается (поэтому монархов свергали за такие пустяки, которые демократический правитель творит чуть ли не ежедневно).

11. Человек гораздо легче подчиняется и терпимей относится к органу власти, в который может попасть сам или куда могут попасть его дети. Так, возможность стать надзирателем стимулировала рабов вести себя хорошо. Из-за этой терпимости и упомянутой выше квазиприродной безличности, демократическая власть всё время расширяется. И если при монархиях (на рубеже 19-20-го веков) бюджет расширенного правительства (весь объём налоговых изъятий) был 5-7% ВВП, то сейчас это 50-70% ВВП, а число госслужащих выросло с 3% населения, до 15-20% [1].

12. Сам факт наличия парламента, т.е. органа клепающего законы, извращает представления о праве и порождает юридическую неопределённость. Если в характерном для эпохи монархий естественном праве, берущем своё начало у Отцов Церкви, считается, что право есть (дано Богом) независимо от данности его властями (то, что кем-то даётся называется привилегиями) и его можно открывать (как открывают законы природы), но не создавать (это только Бог может), то в эгатистских концепциях права, государство может творить право, как творил Бог Небо и Землю. Следствием этого стали сотни и тысячи томов сотворённого права, портящего бумагу и жизнь людям.

13. При демократии воля народа *de facto* является источником права. Причём это такой маразм, что даже эгатистские доктрины права официально этого не признают. Но почему же тогда легализованы и поддерживаются властями профсоюзы – эти организованные преступные группировки, созданные для

вымогательства и шантажа работодателей? Да потому, что работников больше, чем работодателей и властям нужны их голоса! При демократии если бандитов много, то бандитизм – не преступление. При адекватном монархе легализация ОПГ (кроме самого государства) невозможна.

14. Вследствие п.п.4,12,13 демократия с неизбежностью порождает социальное государство, а то с неизбежностью ведёт к деградации и вымиранию нации (подробнее в [2]). И хотя, в принципе, можно представить себе перераспределяющую монархию, но естественное недоверие к власти и персонифицированность (а не анонимность) перераспределяющей силы будут тормозить этот процесс.

15. При демократии на выборы тратятся огромные денежные и людские ресурсы.

16. При демократии а) масштабное нормотворчество порождает массу контролирующих исполнение норм чиновников; б) перераспределение требует чиновников; в) сам процесс выборов обслуживают чиновники, политтехнологи и прочее. Всё это проедающие ресурсы общества паразиты, кормящиеся с демократии и заинтересованные в её продолжении и расширении. При этом государственная бюрократия порождает в частных структурах противостоящую ей или работающую на неё парабюрократию, что поглощает ресурсы и понижает КПД этих структур.

17. При демократии участники предвыборной кампании для получения денег заключают сделки с лоббистскими структурами, следствием чего является протекционизм и неравенство субъектов рынка – что хоть и встречается при монархии, но не в столь больших масштабах. В США объём налоговых льгот примерно равен бюджету страны.

18. Если при монархии народ сам по себе, а монарх сам по себе (их никто не отождествлял), то при демократии (когда народ выбирает власть) народ и власть - это нечто единое. И если во времена монархий война двух стран – это столкновение царских армий без участия простого народа (редкими случаями

которого так умилялся Лев Толстой) и с минимальными потерями среди мирного населения, то в эпоху демократий война двух стран – это война народов с массовым истреблением мирного населения. Такой уровень варварства был характерен только для религиозных войн, когда истреблялись носители веры, а не вооружённый противник. Отождествление власти и народа также порождает теракты против мирного населения, не имеющие аналогов при монархии.

В конце замечу, что демократия настолько хороша для чиновников, что не будь её они бы её придумали. Представьте, вы царский чиновник, получаете процент от перераспределяемых средств (скажем, треть) и вас ненавидит народ, уверенный что вы не нужны. Какова ваша оптимальная стратегия? Правильно, нужно убедить народ, что от перераспределения ему будет лучше! А для перераспределения непременно нужны вы!

Надеюсь, каждый понимает, что из утверждения «монархия лучше демократии» не следует утверждение «монархия - это хорошо», как из «кража лучше убийства» не следует «кража - это хорошо». Если совсем конкретно: я - не монархист! Ещё раз: я - не сторонник монархии!

-
- [1] Г.-Г. Хоппе «Естественные элиты, интеллектуалы и государство»
<http://www.sapov.ru/novoe/n07.html>
- [2] Ю. Кузнецов «Роковой выбор» (статья о социальном государстве)
<http://www.strana-oz.ru/?numid=12&article=519>
- [3] Томас ДиЛоренцо «Воля народа?»
<http://www.libertarium.ru/libertarium/84674>
- [4] Административная реформа и экономическая свобода
<http://scriptoria.narod.ru/adminreform.htm>
- [5] Н.-Н. Хоппе «Democracy: The God that Failed» (introduction)
<http://www.lewrockwell.com/hoppe/hoppe4.html> (рус.пер.: здесь и здесь)
- [6] Долги королей и феодалов
<http://super-art.livejournal.com/267079.html>
- [7] Г.-Г. Хоппе «Почему негодяи правят»
<http://antisocialist.ru/papers/khoppe.gans.german.pochemu.negodyai.pravyat.htm>
<http://sites.google.com/site/shevtar/home/hans-hermann-hoppe/pocemu-negodai-pravat>

При попытках обсуждения этого текста на трёх Интернет-форумах никаких серьёзных возражений получено не было. Иногда говорили, что якобы “слабые”, “вырождающиеся” монархи, не обладая волей к власти, легко проигрывали внешнему агрессору, а заведомо “жаждущие власти” демократические правители якобы к этому не были склонны. Можно подумать перед Гитлером рушились как карточные домики монархии, а не демократии. А генетическое “вырождение” – это вопрос знания причин. Его легко избежать не вступая в близкородственные браки. Кроме того все забывают, что есть вполне нормальный, освещённый традицией механизм смещения неадекватных монархов: дворцовый переворот.

Urd: Критика демократии была продолжена мной во многих статьях этого блога с тегом "демократия". Более всего вероятно в тексте «Иллюзии демократического государства»

Как работает мозг и почему я либертарианец

Без ответа на первый вопрос мне трудно ответить на второй.

Всякая человеческая активность порождается какой-либо потребностью (в этом, кстати, Мизес сходится с Марксом-Энгельсом) и направлена на её удовлетворение. Мозг, на основе врождённого или приобретённого опыта постоянно просчитывает вероятность удовлетворения потребности, в т.ч. прогнозируя значимые факторы внешней среды (далеко не всегда это происходит в сознании, обычно не осознаётся, а цветам для прогнозирования погоды даже нервная система не нужна).

Развитие мозга с возрастом идёт по пути усиления способности прогнозирования и накопления знаний о способах удовлетворения потребностей (накапливаются и вроде бы бесполезные знания, но ведь заранее неизвестно что может пригодиться). В частности, в 5-6 лет возникает умение мысленно становиться на место другого - это способ лучше прогнозировать поведение окружающих. Многие такого рода умения становятся неосознаваемыми автоматизмами. Со временем мозг "заглядывает" всё дальше в будущее и всё БОльшая группа людей и факторов воспринимается как значимая для прогноза.

Самое интересное, что мы потенциально возможное (спрогнозированное мозгом) воспринимаем почти как реальное. Простейший эксперимент который это подтверждает: когда вы в полуметре от младенца шевелите пальцами как будто его щекочите - ребёнок смеётся и защищается ручками как будто его действительно щекочут.

Чем более развит человек (его мозг) тем больше факторов он использует для прогноза и тем дальше (во времени) он пытается заглянуть. В целях прогнозирования мозг строит (внутреннюю) модель внешнего мира. Точнее мозг строит много моделей и они подвергаются "естественному отбору": проверяются на внутреннюю непротиворечивость (самосогласованность) и на адекватность даваемых прогнозов (косвенно это влияет и на "обычный" естественный отбор). В основном генерация гипотез и моделей происходит во сне. Наука - это во многом "экспликация" того, чем неосознанно мозг занимался всегда.

Очевидно, у людей есть механизмы обмена достижениями в деле построения моделей внешнего мира - этому служат речь, письменность, изобразительное искусство и пр.

Так вот, по моему опыту (а я очень широко эрудирован, хотя почти везде неглубоко), если вас вообще интересует “большой мир” и вы о нём знаете достаточно много - либертарианская “модель” для него - наиболее адекватна. Она самая (внутренне) непротиворечивая и самая качественная в плане прогнозов. В каком-то смысле эта модель – единственный способ мыслить социальный мир последовательно и логично (непротиворечиво).

Впрочем, я готов признать, что не единственный. Например, если вы живёте в 19-ом веке и верите в христианского Бога который “правит” людьми на “правах” отца-создателя (“человек – раб божий”), то вполне логично что часть полномочий папаша мог посредством Церкви делегировать монарху (как рабовладелец делегирует полномочия надзирателям) и тогда власть монарха над вами естественна – а христианская модель (социального) мира вполне логична (непротиворечива). Если же вы перестаёте верить в Бога, то сразу возникает вопрос: разве я раб, чтоб этот коронованный урод мною правил? Атеистическое сознание в поисках основания власти приходит либо к бредовым теориям вроде “публичного договора” и “народ сам даёт согласие подчиняться” либо (если способно отличить добровольное от принудительного) с неизбежностью приходит к анархизму (как в моём случае). Что самое интересное, к анархизму приходит не только атеистическое сознание, если вспомнить что взгляд апостола Павла на Бога – не единственно возможный.

Теперь представьте, вы родились в российской деревне где ваши предки живут много веков. Вы подросток, еще не гражданин, но на вас УЖЕ распространяются тысячи томов государственного регламентирующего законодательства и несоблюдение карается, вами УЖЕ правят выбранные кем-то (уж явно не вами) мудаки. Отказавшись от гражданства вы лишитесь части прав и привилегий, но тысячи томов и мудаки останутся. Даже если сбежите в лес – тома и мудаки останутся, разве что им труднее будет вас найти и покарать. Если уедете в другую страну – там будут свои тома и мудаки. У вас нет выбора

подчиняться или нет, вы раб государства. Вот так вы видите мир, если вы либертарианец. А если вы так видите мир (очевидное кольцо) и вы не полный урод, то естественно не хотите быть рабом государства, не хотите чтобы ваши дети, друзья и родственники были рабами.

Естественно, я считаю сопротивление государственному насилию (вплоть до уничтожения источника) – вполне этичным. И плевать мне на то, что кому-то государство нравится или кто-то его считает необходимым.

Сейчас любой мент может меня безнаказанно убить или посадить (подбросив наркотики или патроны) если ему это зачем-то сильно понадобится. Если думаете что где-то лучше - гуглите “civil asset forfeiture” (основной способ борьбы с наркотиками в Штатах, когда тамошний ОМОН врывается в дома и убивает хозяев только потому что собака что-то унюхала или в саду нашли куст конопли, причём деньги от продажи конфискованной собственности - идут полиции). Но даже если мента накажут за моё убийство, не будет ли это наказанием стрелочника? Много ли государств было распущено за убийство СВОИХ граждан? Даже за убийство ЧУЖИХ граждан распустили не так уж много! При этом, по подсчетам Рудольфа Руммела (Rudolph J. Rummel), автора книги "Убивающее Правительство" (Death by Government) в 20 веке власти государств мира убили в четыре раза больше людей (своих граждан), чем погибло от рук врага во время войн.

Бытие 1, 26: И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, ... 27: И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; ...

Бытие 3, 22: И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло;

Так вот, являясь образом и подобием Бога я считаю приемлемыми лишь договорные отношения, а смирение с нынешней ситуацией принудительного подчинения лишит меня божественной сущности и сделает псом.

UPDATE: Слово "пёс" не является здесь оценочным, но лишь указывает на разницу между собакой и волком: волк не нуждается в хозяине, собака нуждается (Бог в этих координатах - понятно кто). Безусловно, каждый за себя может решать, волк он или собака. Отвратительным я считаю когда индивид решает не только за себя, но и за других. Одно дело сказать "ебите меня, я на всё согласен, но я только за себя говорю" (почему бы нет? личное дело каждого!), совсем другое "ебите меня, но при условии что и всех других тоже, а если другие будут рыпаться - я вам помогу их держать". К сожалению, вторая, паскуднейшая, позиция встречается чаще первой. Хуже неё только "меня не трогайте, а других ебите, я вам помогу их держать" - тоже встречается не редко (например, человек уклоняется от уплаты налогов, но считает что другие их должны платить).

А вот этологический аргумент, который странным образом пересекается с предыдущим религиозным:

В обезьяньих стаях в самом низу иерархии находятся самки (примерно как в тюрьмах петухи) и это их "нормальное" место. Конечно и самцы могут оказаться внизу иерархии, но те, по крайней мере, борются за то чтобы подняться выше. Порождаемая государством иерархия, где обычные граждане в самом низу - превращает человека в обезьяну, причём обычных граждан - в самок (или петухов). Реализация "самцовой" программы - это борьба за более высокое место в иерархии, а реализация "человеческой" программы - это уничтожение иерархии и замена отношений власти-подчинения договором.

Не трудно догадаться, что мне не хочется быть ни самкой, ни петухом, ни обезьяной.

UPDATE: Да, конечно, кроме анархо-капитализма (который я мыслю как "контрактные юрисдикции") есть ещё минархизм. Но если вы хотя бы поверхностно знакомы с "вирджинской школой общественного выбора" (Бьюкенен, Таллок, Эрроу) или "теорией групп" Мансура Олсона или "теорией административных рынков", то вы понимаете что ситуация минимального

государства нестабильна и государство с аподиктической неизбежностью будет расти. Для такого понимания даже знания указанных теорий не нужно, достаточно посмотреть на стимулы, возникающие в получившейся системе "правительство-народ". И если при абсолютной монархии у роста государства есть "контрстимулы" и ограничения, то при демократии рост ничем не ограничен. Конечно минимальное государство лучше большого, но считать его целью - нет уж, увольте!

UPDATE: Что есть моя радость, если любые, даже грязные пальцы могут потрогать её? Что есть моя мудрость, если даже дураки могут приказывать мне? Что есть моя свобода, если даже бесталанные и слабые - мои хозяева? Что есть моя жизнь, если я ничего не могу, кроме как кланяться, соглашаться подчиняться? Но я покончил с этой гибельной верой. Я покончил с монстром "мы" - словом рабства, воровства, несчастья, фальши и стыда. И вот я вижу лицо бога, и я возношу его над землёй. Бога, которого человек искал с тех пор, как люди начали существовать. Этот бог даст нам радость, мир и гордость.

ЭТОТ БОГ - "Я"

Я не отдам своих богатств, не разделю их ни с кем. Сокровище моей души не будет разменяно на медные монеты и разбросано ветром, как подаяние. Я охраняю свои богатства: мысли, волю, свободу. Величайшая из них - свобода.
(Айн Рэнд)

Ссылки, которые я чаще всего даю в дискуссиях

В ЖЖ я активен недавно, но на политических форумах до этого дискутировал больше четырёх лет. Чаще всего я отсылал людей к следующим текстам:

Ю. Кузнецов «Роковой выбор» (статья о социальном государстве, 7-8 страниц)

http://magazines.russ.ru/oz/2003/3/2003_3_8.html

http://www.krotov.info/lib_sec/11_k/kuz/netsov_yu.htm

<http://www.strana-oz.ru/?numid=12&article=519> (возможны вирусы)

[Там описана "чистая логика" функционирования социального демократического государства, "политический денежный насос". Статья очень сильно на меня повлияла и вообще и в методологическом плане в частности. Давал на неё ссылки много десятков, а то и пару сотен раз.]

Позже стал добавлять к предыдущей ссылке практическую иллюстрацию к ней:

Конкретно о Штатах в рецензии Ю. Кузнецова на книгу

Лоренс Котликофф, Скотт Бёрнс. Пенсионная система перед бурей: То, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М., ИРИСЭН, 2006.

http://www.sapov.ru/you_kuznetsov/you_k_2005_09_19.htm

Дальше, с заметным отставанием идут (точную статистику не припомню, потому порядок случайный):

А.И. Левенчук «Провайдеры сотовой государственности» (19.10.1999)

<http://offline.computerra.ru/print/offline/1999/320/3326/>

[Короткий текст в одну журнальную страницу, где я встретил понятие "контрактные юрисдикции" и понял о чём речь.]

Ю. Кузнецов «Правопорядок как экономическое благо»

<http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/kuznec.html>

<http://www.strana-oz.ru/?numid=11&article=435> (возможны вирусы)

[Название говорит само за себя: экономический подход к правопорядку]

Гр. Сапов Лекция об австрийской школе

<http://www.sapov.ru/staroe/si03.html>

Г.-Г. Хоппе «Естественные элиты, интеллектуалы и государство» (популярная лекция для спонсоров)

<http://www.sapov.ru/novoe/n07.html>

[Хороший наезд на демократию.]

Ю.Кузнецов «Что мы не знаем о налогах»

http://magazines.russ.ru/oz/2002/4/2002_04_03.html

<http://www.polit.ru//world/2002/07/04/475585.html>

<http://www.strana-oz.ru/?numid=5&article=239> (возможны вирусы)

[В статье кроме прочего коротко развенчивается миф о "публичных благах".]

Томас ДиЛоренцо «Воля народа?»

<http://www.libertarium.ru/libertarium/84674>

[Очень коротко о мифологии демократического государства]

Hans-Hermann Hoppe «Democracy: The God that Failed»

<http://www.lewrockwell.com/hoppe/hoppe4.html>

Я «Монархия vs. демократия» (Сравнение. 2 страницы)

<http://oetar.livejournal.com/1673.html>

[Там описаны механизмы демократии, а монархия взята лишь для контраста. Текст публиковался на трёх форумах и обычно я ссылался на форумы, а не на свой блог, куда текст положил лишь недавно.]

Я «Власть как товар и её рынки» 3-я редакция

<http://oetar.livejournal.com/3646.html>

[Статья о "теории административных рынков". Одна из моих первых статей. Неплохо описаны механизмы власти, включая демократическую. Последним разделом я особенно горжусь. Публиковалась на нескольких форумах.]

Фундаментальные проблемы минархизма

Под минархизмом понимается либеральная концепция «минимального государства», «государства – ночного сторожа». Государства с полной территориальной юрисдикцией, т.е. с вестфальским суверенитетом. К Локку эта концепция не имеет отношения, скорее к [далёкому от либерализма] Гоббсу. Локк говорил о персональной юрисдикции, полагая, что та часть жителей, которая не хочет государства – может оставаться в естественном состоянии свободы, не мешая другим быть в государстве (Два трактата о правлении, Кн.2, Гл.VIII, §95). Минархизм – состояние, к которому многие либертарианцы считают необходимым [и возможным] привести современное «большое» государство.

0. Общим местом у либертарианских критиков минархизма является утверждение, что минимальное государство будет расти и невозможно этот рост остановить. Вот как это сказал Уэрта де Сото: «если необходимость государства теоретически признается и оно существует на практике, то его разрастание остановить невозможно» (тезис расшифрован им в этой статье). Обычный аргумент здесь в том, что выходить за рамки минимального государству выгодно и легко, все инструменты для этого у него есть. Энтони де Ясаи сравнивает ограничения минимального государства с поясом целомудрия, ключ от которого в кармане его носительницы. Микроанализом механизмов расширения занимается Роберт Хиггс, например, здесь. Дальше я привожу менее традиционные аргументы против минархизма или, как минимум, необычные формулировки традиционных. Кроме того задаются вопросы, на которые минархизм не даёт ответа. Здесь нет аргументов как-либо связанных с демократией, ибо критика демократии – отдельная большая песня.

1. Проблема порабощения. Даже если все жители государства кроме одного хотят подчиняться какой-то власти и каким-то законам, это ни к чему не обязывает этого одного. Если же обязывает – то это по сути порабощение. Не существует оснований для власти, кроме добровольного согласия индивида подчиняться. Минархистское государство, обладая полной территориальной юрисдикцией, порабощает, ибо никто не спрашивает индивида согласен ли он быть во власти государства, у него нет выбора. От большого государства минархизм отличается лишь лучшим обращением с рабами. Или, скажем,

«плохой памятью»: рабовладелец забывает о рабах и те живут как-то сами, являясь рабами лишь формально.

2. Проблема обоснования территориальной юрисдикции. Почему всякий (кроме иностранных дипломатов) кто на территории государства – в полной власти этого государства? Государство ведь даже не собственник территории страны! Минархисты молчат об этом. Ответ тут прост: потому что государства так договорились, поделили между собой территорию Земли и обязались не вмешиваться в дела друг друга. Но в теории минархизма даже нет других государств.

3. Проблема конфликта с негосударственной юрисдикцией. Вообще-то люди могут захотеть быть не в юрисдикции государства, а в какой-то другой, например, церковной. Если индивид вошёл в группу, где предусмотрены другие нормы и возник конфликт норм с государственными – что должно победить, добровольное или принудительное? Рэндианцы тут честны, они считают что государство нужно в том числе для ликвидации диктата любых негосударственных образований (это пару раз говорил известный рэндианец gavagay).

4. Проблема «самых правильных норм». Из проблемы рабства минархисты пытаются выйти, утверждая, что есть некая совокупность норм («естественное право»), подчинение которым [точнее, тому, кто их энфорсит] не есть рабство. Это конечно чушь, потому что: а) неизвестно если ли вообще это «естественное право» и откуда оно взялось; б) даже если оно есть - никто не знает его норм, неизвестно даже вербализуемо ли оно или носит распределённый, принципиально невербализуемый характер; в) даже если кто-то знает его нормы, любой другой “имеет право” (ха-ха) ему не верить и подчиняться другой совокупности норм. Скажем, христиане считают верными свои нормы, мусульмане свои – каким должно быть «право» в государстве, состоящем из тех и других? Религия вообще первична к государству. Невозможность достичь единого мнения прекрасно продемонстрировал я своими кейсами убийств, когда русские австро-либертарианцы давали противоположные ответы.

5. Проблема белок в колесе истории. Если не все, то многие ныне существующие государства когда-то были минархистскими [или около того]. То, что они повсеместно перестали такими быть, как бы намекает нам, что это

произошло не случайно, а по каким-то причинам. Возврат к исходному состоянию без устранения этих причин – это предложение зайти на новый круг. Желаящий не быть белкой минархист - должен указать, что это были за причины и куда они делись. Но минархисты либо вообще не говорят о причинах, либо [если говорят] не знают, как их устранить. Понимая, что социалисты невменяемы, они либо хотят взять пару веков на их переубеждение, либо хотят ввести всякие избирательные цензы, как будто раньше цензов не было и возврат к ним – не есть заход на новый круг без устранения причин (минархистам: поскольку цензы были много где и везде исчезли, вы не можете предлагать цензы, не указав причины их устранения и куда эти причины делись).

6. Проблема произвольности правоохраны. Почему именно правоохрана, а не что-то другое? Разве спасение жизни (экстренная медицина + МЧС) – не важнее? А кормёжка голодных? Ну а удовлетворение сексуальных потребностей тех, кто сам не может? Я намекаю, что выбор правоохраны как главной функции государства – произволен, есть много чего интереснее. И если мы произвольно провозгласили что-то одно “общим делом”, то уже не можем закрыть список, отмахнувшись от всего другого. Неудивительно, что в реале список постоянно растёт. Кстати, эту проблему можно назвать «проблемой сомнительности парадигмы», поскольку «ночной сторож» выглядит сомнительнее «страховой парадигмы государства», которая лучше отражает реалии.

7. Проблема особенности функций государства. Минархисты считают что услуги правоохраны, правосудия (поиск меры возмездия), и самого возмездия (наказания) – есть услуги столь особые, что производить их может только государство, монополизировав их. Вообще-то, эту особенность нужно доказывать. С моей точки зрения это совсем простые услуги, гораздо проще чем, скажем медицина, страхование, высшее образование, бизнес-консалтинг и многое другое, а монопольность делает их дорогими и некачественными (ну и без конкуренции исчезает информация о разумных издержках производства и нет стимула для инноваций). Хотелось бы увидеть доказательство особенности.

8. Проблема отрицательного отбора. Рост, вес интеллект, стремление к власти и всякие психические качества людей в популяции значительно разнятся и даже если большинство людей либертарианцы, наверняка найдётся сколько-то процентов жаждущих власти этатистов. Если мы создаём государство, то в него

полезут те, кто жаждет власти (странно, если наоборот). Учитывая преимущественный доступ представителей власти к СМИ и всякие предвыборные кампании и дебаты, зрителями коих в идеале должны быть все жители страны, этатистские мимы быстро станут доминирующими. Это усугубляется тем, что мимы, идущие с вершин иерархии приматов, имеют больший авторитет и их легче усваивают.

9. Проблема стимулов миротворца. Если миротворец получает зарплату в процессе решения проблемы [а не по факту решения], то он заинтересован, чтобы проблема существовала вечно. Или даже в её эскалации, если от этого вырастут доходы. Ровно так устроены армия, полиция и вообще все государственные органы. Известно, что ЦРУ преувеличивало советскую военную угрозу, а Пентагон – это крупнейшая в мире лоббистская организация, заточенная под выбивание денег из бюджета. Полиция не лучше: преступность почти всё время растёт. А вот, например, государства заморозили решение проблемы сомалийских пиратов и тормозят её решение частными методами, потому что это хороший повод для военного присутствия в регионе. Если вы думаете что постоянный рост «плотности регуляции» случаен – вы ошибаетесь. Учитывая «отрицательный отбор» и доминирование профессиональной бюрократии (выборные клоуны – это единицы %) вы ничего не сможете с этим сделать: государство, созданное для решения каких-то проблем, будет раздувать эти проблемы, чтобы поддерживать потребность в себе и по возможности на этом расти.

10. Проблема порождения неравенства. Мы нормально относимся к "естественному" неравенству: кто-то талантливее, кто-то сильнее, кто-то честно заработал больше денег. Но даже для неэгалитариста как-то странно или даже аморально желать "искусственного" (специально запрограммированного) неравенства. Минархизм же ровно его и предполагает. Минархисты тупо желают создать особую касту людей с особыми полномочиями (ага, особо равных): госслужащих, депутатов, судей, полицейских и т.д. Почему судьёй может быть только назначенный государством человек, а не любой прохожий? Почему депутаты могут писать законы для рядового гражданина, а рядовой гражданин для депутатов – нет? Почему полицейский может вас обыскать, а вы полицейского – нет? Минархист желает достичь равенства, порождая неравенство.

11. Проблема «общей пользы». Минархисты говорят что деятельность государства ведёт к общей пользе. Но при детальном рассмотрении всегда находятся те, кому от этой «общей пользы» больше вреда. Возьмём такое “очевидно полезное дело” как борьба с преступностью. Если я торгую оружием, то приличный уровень преступности мне выгоден, растёт сбыт оружия. От наказания преступника страдает сам преступник и его близкие. Как можно сказать больше ли пользы мифическому “обществу” или вреда торговцам оружия и конкретным людям? Нормальные люди не умеют суммировать субъективные ценности, аргумент об общей пользе – чисто социалистический.

12. Проблема принципа неинициации насилия (NAP) и оснований для наказания преступника. Поскольку минархисты не готовы официально признать жителей страны рабами государства, а территорию страны собственностью государства – не ясно какие они находят другие основания для наказания преступников? Вот кто-то кого-то убил, - какое государству до этого дело? Родственниками убитого есть дело, они пострадавшие и жаждут мести. Но государство тут посторонний. Может ли явно посторонний субъект наказывать преступника без просьбы со стороны потерпевшего? Не будет ли это инициацией агрессии? Если я вам дам пендаль за то, что вы перешли дорогу в непопозволенном месте – вы сочтёте это нормальным? Решение этой проблемы в пользу наказания выглядит сомнительно.

13. Проблема мнения жертвы или проблема одинокого буддиста. Если моральные аргументы для вас что-либо значат, то вот вам кейс, который рушит всю систему государственной правоохраны. Убит буддист, оставивший нотариально-заверенное завещание не наказывать своего убийцу. Убийца арестован. Что должен решить суд, зная все обстоятельства дела? Ну и далее, в современном мире мы уже часто не знаем каких взглядов был убитый на наказание.

14. Другие проблемы применения NAP. Кто-то собирает в подвале атомную бомбу, кто-то строит фабрику взрывчатки в центре города, кто-то закапывает на своей земле токсичные отходы в ржавых бочках – должно ли минархистское государство вмешаться, ведь агрессии пока нет и ущерб никому не нанесён? Теория «ночного сторожа» не даёт внятных ответов. А должно ли государство спокойно смотреть на появление конкурента себе-любимому, если тот пока ничего не нарушил, а потом с ним уже ничего не сделаешь, поскольку это

крыша с ядерным оружием? Есть ли у «правильного» государства мандат мочить потенциальных конкурентов? Не являются ли такими потенциальными конкурентами любые объединения чем-то недовольных граждан?

15. Проблема отсутствующей однородности. Сама идея nation-state предполагает некоторую однородность жителей, прежде всего монорелигиозность и моноэтничность (а Варфоломеевская ночь, этнические чистки и геноцид – часть эволюции почти любого национального государства). В неявном виде предположение об однородности лежит в основе идеи государственного нормотворчества, «современного» (не третейского) правосудия, обязательности прецедента, госязыка, госсистемы образования и т.д. Даже в весьма разнородных империях для достижения однородности создавались и вращивались новые идентичности (вспомним «советский человек»). Но в эпоху постмодерна ни о какой однородности речи уже не идёт, а построенные на её фундаменте институты дают сбои, которые пытаются лечить «мультикультурализмом» и прочей фигнёй. Истина же в том, что если нет однородности – нет и nation-state со всеми его институтами. Например, там где все разные – суд должен быть третейским и никакое решение суда не является прецедентом для других решений. (Книга по теме: Майкл Манн «Темная сторона демократии: объяснение этнических чисток», 2005, 928с.)

16. Проблема деструктивных иллюзий. Люди действуют исходя из своих субъективных представлений о реальности, которые могут быть сколь угодно сказочны. Каждая эпоха, не исключая и Новейшее время, рождает свои мифы и суеверия. Современники принимают их за чистую монету (как часть реальности) и верят в них, как греки верили в Олимпийских богов. Полную опись наших мифов и иллюзий я оставляю этнографам будущего, но некоторые, связанные с демократией и наиболее деструктивные – я укажу (подробнее здесь): миф общественного договора; иллюзия добровольности подчинения; иллюзия равенства; иллюзия доступности власти; иллюзия выражения воли большинства; иллюзия деперсонализации насилия (его квазиприродного характера). Последняя вероятно самая вредная. Типа, это не власть так хочет, этого хочет народ, общество, а это почти природа, против этого не попрёшь. В результате насилие приобретает невиданные масштабы, совершенно недостижимые для монархий, где насилие персонифицировано. Вот ещё пример деструкции: если вы создаёте законодательный орган, то вы убиваете представление о праве как о чём-то нерукотворном (как, скажем, язык) и

создаёте представление «право – плод работы парламента». Все эти иллюзии облегчают рост государства и насилие над индивидами, они своего рода смазки.

17. Проблема альтернативных издержек. Мы в общем-то можем допустить что переход к минархизму возможен (вопрос устойчивости оно пока опустим), но глупо было бы не допустить возможность существования чего-то альтернативного, не связанного со столь многими проблемами. История и современность демонстрируют нам массу примеров нетерриториального устройства юрисдикций: от ранних греческих полисов (где индивиды были в юрисдикции не полиса, а фратрий и фил) и Римской империи (где до эпохи заката большинство жителей не были гражданами империи и находились в юрисдикции полисов и племён) до нынешнего Мальтийского ордена и контрактных юрисдикций в морском праве (см. «государство флага»). Минархистам следует сказать что-то типа «мы считаем, что минархизм при всех его проблемах и вероятной неустойчивости всё равно лучше, чем альтернативные формы устройства власти, потому что ...» и как-то это обосновать. Я, пожалуй, допущу что издержки перехода к минархизму могут быть меньше, чем, скажем, к контрактным юрисдикциям (трудно сказать точно), но с последствиями сложнее: минархия неустойчива, издержки роста государства известны, - а альтернативы могут быть устойчивы.

18. Проблема конца истории. Идея минархизма неявно предполагает, что минимальное территориальное государство – это своего рода вершина эволюции социальных институтов, и мы её как-то проскочили, и надо бы к ней вернуться. Хорошо хоть не к обезьянам. Я хотел бы услышать: вершина или не вершина? Конец эволюции или не конец? Почему проскочили, если вершина?

19. Проблема коллективизма. Заявляя себя индивидуалистами, либертарианцы-минархисты почему-то предпочитают одно, явно коллективистское решение для миллионов жителей страны: одно государство на всех с едиными для всех нормами и институтами. Тут какая-то нестыковка: если уж вы считаете, что коллективизм – это плохо, то почему минимальное государство – это хорошо?

20. Проблема факторов мироустройства, приводящих к минархизму. Историческая социология показывает, что на форму устройства и размеры государства влияют ряд факторов, от технологий войны и технологий сбора

ренты до технологий индоктринации. Например, существует «военно-налоговая теория государства» Чарльза Тилли. Но минархисты не говорят что должно произойти с факторами, чтобы нам вдруг выпало маленькое государство - их взгляд внеисторичен и утопичен.

21. Проблема «богословия после Освенцима», точнее государства перед Освенцимом. Это Яков Кротов сказал, что «оказываясь перед государством, надо спрашивать: А как, любезное, ты докажешь, что неспособно на Освенцим?». И да, отвратительно, что после всех мерзостей, сотворённых государствами в 20-ом веке кто-то всерьёз рассуждает о том, что государство необходимо и должно делать то-то и то-то. Это как рассуждать, что Чикатило после наказания и лечебных процедур должен возглавить детский сад, ведь он специалист по детям.

Понятно, что это далеко не все претензии к минимальному государству и его теоретикам. Текст, вероятно, будет дополняться.

Фундаментальные проблемы анархо-капитализма

Внятно описать что такое анкап - сложнее чем кажется. Обычно анкапцы сводят анкап к NAP'у, к торжеству принципа неагрессии, - но не говорят почему он восторжествует и почему это состояние будет устойчивым. Можно сказать что анкап - это когда капитализм есть, а государства нет. Но тут надо понять, что такое государство. Главным признаком государства анкапцы традиционно считают налоги, но вот в рэндианском минархизме налогов нет, а государство есть (государство содержится на добровольные пожертвования). Вроде анкапцы говорят об охранных агентствах, но непонятно почему эволюция этого бизнеса не приведёт к возникновению государств, хотя бы экстерриториальных (оние отличаются от чопов). Мутный вопрос точного определения анкапа оставим на потом, но скажу пару слов об эволюции чопов, точнее об их оптимальной бизнес-стратегии. Чопам, очевидно, выгодно пометить своих клиентов (проблема безбилетника): недвижимостью пометить табличками, а людей наколкой на видном месте. Нелегально себя пометивших - придётся вздуть, как ворующих услугу охраны. Схема работы чопы быстро станет страховой и приобретёт все признаки крышевания. Имеющих деньги, но не желающих страховаться (крышеваться) - выгодно будет запугивать (анонимно). Возникающих мелких конкурентов лучше мочить сразу, возможно через запрет подкрышным иметь дело с подкрышными возникающего конкурента. Крупные крыши начнут активно разбредаться по нишам, например, специализируясь на клиентах разной религии или национальности, ну и личные отношения с крупными клиентами. Нет, территории делить не будут, крыша повторяет структуру крышуемого бизнеса, а бизнес сейчас сетевой. Ну и территориальное образование - это большая неподвижная мишень. Дальше думаем о масштабе крыш. Какой должен быть масштаб бизнеса, крышующего гигантов ИТ-индустрии, Boeing или GE, чтобы честно крышевать годами, а не просто захватить одноразово акции или заводы? Т.е. репутационный и иной ущерб от захвата должен исчисляться десятками миллиардов баксов. Постепенно мы получаем крупные сетевые крыши, признающие друг друга, по сути нетерриториальные государства и в них всё стройно и логично, ничего непонятного. Теперь таки проблемы анкапа:

1. Проблема абсолютной власти собственника. В теоретическом анкапе статус собственника столь велик, что онный есть царь и бог на своём клочке земли. Т.е., он может устанавливать любые правила и делать что угодно. Приезжаете вы в

частный городишко, а владеющая им община веганов ввела смертную казнь за курение и вас повесили. И не возразить. По сути собственник стал государством и анкап не имеет теории как разводить "права" лендлорда и его гостей.

2. Проблема токсичных отходов. Решил кто-нибудь на своём участке (рядом с вашим) сделать могильник для токсичных отходов и закапывает их в землю в ржавых бочках. Ему всё равно, когда закопает – уедет с деньгами, а вам тут жить. И ведь вы даже не спросите у соседа что он делает, ибо не принято лезть в чужие дела. Запретить никто не может (некому), да и наказать формально не за что, ибо его же земля, пока никому ущерб не нанесён, а через 20 лет старик умрёт уже. (Кстати, когда в Сомали рухнуло государство соседние страны повадились сбрасывать в его территориальные воды токсичные отходы - по сути уничтожив рыболовство и подтолкнув людей к пиратству. Адекватно реагировать на беспредел было некому. Суть кейса в бессилии индивида: вы даже не будете знать.)

3. Проблема цены страховки. Строит кто-нибудь пиротехническую фабрику в центре города и у всех вокруг выросла цена страховки от пожара. Казалось бы следует запретить это безобразие, но некому (да, что-то близкое проблеме ядерных отходов, но есть тонкие отличия).

4. Проблема невозможности экономического расчёта (из-за правовой неопределённости). Всякая производственная деятельность влияет на окружающую среду. Даже если ваша фабрика выделяет чистый кислород – вокруг будет мёртвая зона. Поскольку экологических стандартов не существует, вы заранее не застрахованы от соседских исков. Если вы думаете что (нынешние установленные) ПДК (предельно-допустимые концентрации) защищают людей – ударьтесь об стену, они защищают производителей от исков и тем самым делают возможным экономический расчёт. И шире: любая ваша деятельность кому-то вредит и вы не защищены от исков. Если вы открыли магазин – вы уменьшили прибыль соседних магазинов и тем самым нанесли им ущерб – при анкапе заранее трудно сказать будут ли к вам претензии и от кого, законов нет, прецеденты никого не волнуют, выдыхаемый вами углекислый газ кого-то травит, а шум дыхания раздражает чьи-то уши.

5. Проблема правовой неопределённости. Существует ряд ситуаций где нужно хоть какое-то решение, не столь важно какое. Через сколько лет исчезнувшего

человека следует считать умершим? Через сколько лет заброшенную собственность следует считать ничейной? Какой процент от цены находки должен получить тот, кто возвращает находку хозяину? До какого времени можно шуметь и мешать спать людям? Можно ли пристрелить того кто ездит ночью без глушителя? Люди конфликтуют не по злобности характера, а искренне считая что правы – и желательно устранить неопределённость, пока они не поубивали друг друга. Да, рано или поздно возникнут обычаи, но они возникают медленно.

6. Проблема эффективности насилия. Государство, конечно, рэкетир, но и без него силовое предпринимательство никуда не девается. Насилие вообще часто эффективно. Кортес с небольшим отрядом захватил империю ацтеков, британская частная компания силой десятка тысяч человек захватила стомиллионную Индию. Если вам подконтрольны СМИ то всё ещё проще. Почти любое современное государство - пример эффективного насилия. #Анкап наступит тогда, когда расходы и риски силового предпринимателя на организацию профессионального систематического грабежа разрозненных непрофессионалов будут столь велики, что добыча не будет их окупать. Т.е., возможно, никогда. (По теме: Ю.Латынина «Эффективность насилия»).

7. Проблема международных правил игры. Даже в непризнанных государствах (типа Приднестровья) люди вынуждены становиться гражданами соседних государств, чтобы получить международно-признанный паспорт и с ним куда-нибудь ехать. С другой стороны, можно никуда не ездить. И можно представить себе анархическую территорию, где все жители – граждане других государств. Вообще, большинство проблем анкапа не фатальны, просто затрудняют жизнь.

8. Проблема международной блокады. Анархическая территория представляет собой большую «идеологическую» угрозу традиционным государствам и потому будет рисоваться мировыми СМИ как чистый ад (вспомним Сомали, где не так уж страшно) и будет максимально изолирована (вспомните про мировую борьбу с оффшорами). Неприятным следствием этого будет потенциальная невозможность анархическим чопам искать преступников, бежавших в остальной мир. Можно будет, например, ограбив банк, сбежать в США. Сейчас это как-то решает таможня и выдача преступников, но таможни в анкапе не будет, а преступников никто не выдаст. Это не фатально, но осложнит жизнь.

9. Проблема бога в эпоху атеизма. По-видимому, человеческая природа такова, что люди склонны искать и верить в какого-то покровителя, сверхиерарха, в того кто о них заботится. У многих животных есть инстинктивная программа поиска покровителя, защитника. Это то, чем собака отличается от волка, и люди, похоже, в большинстве своём, собаки, а не волки (Конрад Лоренц писал о самоодомашнивании человечества). В эпоху атеизма вера в государство заменила веру в бога. Попытка лишить людей (пусть даже воображаемого) покровителя, не дав им ничего взамен – обречена на неудачу. Рациональные аргументы против инстинктивных программ малоэффективны. С другой стороны, 10-15% людей могут обходиться без этой штуки в голове – если таких людей собрать в одном месте, убрав других, то #анкап продержится одно-два поколения.

10. Проблема «психопатов-отморозков». Исследования показывают, что хотя 98% людей вполне адекватны и не склонны к насилию даже в условиях военных действий, остальные 2% - психопаты, способные на что угодно. Судя по всему, эти 2% и создают всю музыку властно-силовых игр, находясь по обе стороны баррикад. Полагаю, анкаповская территория будет особо привлекать искателей приключений, что с учётом эффективности насилия порождает немалые риски.

11. Проблема ницшеанской воли к власти. Наверное можно было бы игнорировать Ницше, если бы за этим не стояли данные эволюционной психологии и вся история человечества (0,5% всех мужчин Земли являются потомками Чингисхана). Высокоранговые самцы всегда имели больше самок и в наших генах заложено стремление к власти. Самцы стремятся к верхам иерархии, а самки предпочитают высококоранговых самцов. Крупные эгалитарные сообщества принципиально неустойчивы из-за этой особенности человеческой природы. Да, по сути тут сказано что человек – животное, склонное к иерархиям и следы оных видны в семье, в спорте, в религии, в бизнесе и т.д. Но я тут не говорю что иерархии должны быть территориальными.

12. Проблема амбивалентности агрессии. Конрад Лоренц: «Но если оценить все это вместе взятое, то внутривидовая агрессия вовсе не покажется ни дьяволом, ни уничтожающим началом, ни даже "частью той силы, что вечно хочет зла, но творит добро", - она совершенно однозначно окажется частью организации всех

живых существ, сохраняющей их систему функционирования и саму их жизнь. Как и все на свете, она может допустить ошибку - и при этом уничтожить жизнь. Однако в великих свершениях становления органического мира эта сила предназначена к добру.» Далее Лоренц пишет о видосохраняющей функции иерархии и о том что наличие иерархии ведёт к большей защите низкоранговых.

13. Проблема чрезмерного разнообразия. Выше говорилось о том что некоторые проблемы рассосутся через возникновение обычаев, которые относительно легко возникают среди людей сходной культуры-религии-расы, но вряд ли легко в гремячей смеси мусульман-христиан-белы-чёрных-латинов.

14. Проблема общественного и приватизации всего и вся. Мы привыкли что из своей квартиры выходим в "общественное пространство" которое никому не принадлежит и потому не может быть для нас "заперто". Анкапы же говорят что всё должно быть частным. Т.е. вы со своей территории будете выходить на чужую. А собственник по сути всемогущ. Т.е. возьмёт и запретит вам вход на свою собственность, т.е. запрет на вашей. Это слегка надуманный пример, но немного стрёмно: частные дороги, леса, поля, моря - и собственник абсолютный властитель. Меня пугает. Но кроме того непонятно как приватизировать ныне общее, слишком конфликтный процесс. Улицу в Москве как приватизировать, чтобы учесть все интересы и никого не обидеть, не задеть ничьих "обычных прав"? Я считаю приватизация невозможна из-за конфликтности процесса, из-за связанных с ней страхов.

15. Особый пункт: проблемы «верховного арбитра, принимающего окончательное решение», обычно вменяемой анкапу - не существует. К чёрту верховного арбитра! В мире нет верховного арбитра, государств много, и ничего, обходятся. Никто не говорит, что все проблемы должны быть решены окончательно - мир несовершенен. То что для одних проблема, для других – возможность заработать, играя на рисках. Ну и есть же цена решения, глупо решать проблему если цена решения выше цены проблемы.

P.S. Какой можно сделать "глобальный" вывод из всех этих пунктов? Однозначно: анкап, если возникнет, не будет устойчивым (как и минархизм). Вероятно он возможен как относительно локальное явление среди небольших более-менее однородных групп где все друг друга знают лично или через одно-два рукопожатия. И это будет что-то близкое к аграрной цивилизации пусть и с компьютерами, но не индустриальный город с длинными цепочками разделения труда и высокой анонимностью.

Проблемы неинициации насилия

Я правильно понимаю что таковых всего три?

1. Как быть с тем, кто укрывает преступника и не желает его выдавать, ведь он насилия не инициировал?
2. Как быть с тем, кто создаёт оружие, явно избыточное для самообороны (типа термоядерного) и можно подозревать, что этот человек достаточно неадекватен чтобы взорвать, скажем, какой-нибудь город?
3. Как быть с тем, кто сбрасывает в ничейный мировой океан токсичные ядерные отходы в недолговечных контейнерах, рискуя лет через 50-100 устроить катастрофу в 100 чернобылей?

Есть ещё что-нибудь?

Добавлено позже: Проблема (1) вроде бы решается отнесением укрывателя к сообщникам, ну это как водитель машины при ограблении банка является сообщником, хотя всего лишь помогает скрыться.

Вероятно к этим же проблемам неинициации следует отнести случай, когда кто-то в центре города строит завод взрывчатых веществ, от чего для всех соседей вырастает цена страховки жилья, падает цена недвижимости, а жизнь становится небезопасной, примерно как в случае (2).

Ещё позже (слона-то я и не заметил!): с точки зрения принципа неинициации сомнительно выглядит упреждающий удар по готовящемуся к войне субъекту.

Я, в смысле неинициации насилия, не являюсь до конца либертарианцем. Я считаю, что в указанных случаях применение насилия допустимо (в большинстве случаев будет достаточно угрозы насилия). Но субъект, применяющий насилие, в связи с этим насилием должен нести риски, как минимум репутационные.

Ну типа, можно преставить себе ситуацию, когда для спасение истекающего кровью ребёнка вам понадобилось угнать чужую машину, но вы всё же при этом рискуете, что будете подвергнуты судебному преследованию, хотя скорее всего вас оправдают. Т.е. у вас нет индульгенции на угон чужих машин и вы действуете на свой страх и риск.

Современное государство, будучи абсолютным сувереном, применяя насилие в рамках своей юрисдикции - практически ничем не рискует (имеет полную индульгенцию). Разве что народ восстанет или часть людишек сбегут за границу. Сбегут не многие - ибо тяжело бросить друзей, родственников и родную культурную и языковую среду.

В гипотетической ситуации конкурирующих контрактных юрисдикций, где издержки смены крыши малы (не нужно менять место жительства) - экстерриториальная крыша несёт существенные риски при применении насилия в указанных выше случаях - она может потерять ряд клиентов. Поэтому крыша будет применять насилие только в наиболее серьёзных и очевидных случаях, вероятно, заручившись официальной поддержкой конкурирующих крыш или даже в рамках совместной операции.

В третьем случае (токсичные отходы в плохих контейнерах) надо ещё понимать, что "охраняющий" субъект должен иметь очень длинный горизонт планирования, желательно длиннее человеческой жизни, иначе ему вроде как и незачем вмешиваться в ситуацию с контейнерами, типа, это проблема потомков.

Очевидно, ни демократический правитель, ни даже высшая профессиональная бюрократия, не планируют на многие десятилетия вперёд, максимум 20 лет до пенсии, а скорее до следующих выборов. Как я понимаю, самый длинный горизонт планирования - у страховых компаний, занимающихся страхованием жизни.

P.S. Я думал, что само упоминания принципа неинициации агрессии должно навести на мысль что речь идёт о либертарианской политической философии.

По-сути, я подвергаю сомнению основания этой философии. Политическая философия должна давать ответы на актуальные практические вопросы, а она не даёт. Мне кажется, что современная политическая философия должна быть посложнее набора пары принципов. Скажем, социалистическая "Теория справедливости" Ролза - весьма толстая книга с кучей наворотов. Да, мы должны быть короче и яснее, но не примитивны и убоги как сейчас.

Не анкап: отличие экстерриториальных государств от чопов

Я вообще не понимаю что между ними общего, но народ постоянно путает контрактные юрисдикции с анархо-капитализмом, сетевые государства-крыши с чопами. Это как путать свободу вероисповедания (выбери себе любую религию) с воинствующим атеизмом (уничтожим все религии). Это как путать олигополию с "совершенной конкуренцией" (бредовая выдумка мейнстримщиков). Ну да, анкапы понимают что защита людей и собственности необходима и говорят об охранных агенствах (чопам), которые будут это делать. Молодцы что понимают, но они не проигрывают ситуацию в уме до конца. Я когда мыслю анкап, он не "склеивается". Далее экстерриториальные государства для краткости зовутся крышами, вот их отличия от чопов, они же сходства с государствами:

1. Двойная легитимация. Государство имеет двойную легитимацию: ему мало быть признанным своими гражданами (клиентами), его должны признать другие государства. Крыши легитимируют друг друга взаимным признанием. Про чопы ничего такого не говорится. Обычные чопы регистрируются государством и ищут клиентов, взаимное признание им не требуется.

2. Военная мощь. Кто-нибудь видел чопы с атомными бомбами, баллистическими ракетами, авианосцами, подводными лодками и космическими военными спутниками? Тут конечно можно сказать что крыши будут составлять иерархию и особо вооружёнными будут лишь крыши верхнего уровня, а крыши нижнего уровня будут по оружию ближе к чопам – да, но и сейчас не все государства имеют ядерное оружие и авианосцы, и те кто имеет крышует тех кто не имеет (в рамках НАТО, Варшавского блока и т.п.). Да, крыш верхнего уровня будет мало (олигополия), нижнего уровня – много (в мире – тысячи, в каждом не слишком большом городе – несколько, т.е. опять олигополия).

3. Сакральность. В глазах людей есть разница между Церковью и сектой. Венчаются почему-то в церкви, а не в АО «Таинства». Государство тоже обладает сакральностью. И мафия. Но не чоп. Как Церковь не лишилась сакральности, утратив территориальную монополию, так и государство не

лишится. Но чоп не приобретёт сакральности, даже сильно разросшись. И да, крыши ближе к Церквям, чем к чопам по многим параметрам.

4. Конвенционное нормотворчество. Чопы не договариваются между собой каким должен быть мир вокруг них. Крыши же верхнего уровня вполне могут принять ряд конвенций, по сути формирующих политическое мироустройство. Это могут быть и «Конвенция о борьбе с рабством» и «Конвенция об отношениях между крышами» и «Конвенция о правильной правосудии» и «Конвенция о нейтральных водах мирового океана и нейтральных территориях суши», да что угодно. Надеюсь в рамках "Конвенции о борьбе с рабством" они полностью ликвидируют национальный суверенитет и территориальную юрисдикцию нынешних государств.

5. Баланс сил. Важнейшей задачей крыши является поддержание равенства своей военной мощи с другими крышами, для чего она не только зарабатывает деньги крышеванием, но и развивает технологии, имеет hi-tech производство и занимается шпионажем. Кроме прочего крыши следят (как могут) за появлением конкурентов (у нынешних государств это называется "нераспространением ЯО", "территориальная целостность" и "национальный суверенитет").

6. Нормативная юрисдикция. Чопы может слегка и указывают своим клиентам что они должны делать или чего не делать, но совсем не в том масштабе, что государства. Масштаб указаний крыш своим клиентам будет ближе к государственному или скорее к Церковному (типа что есть грех и т.п.). В какой-то мере крыши будут устанавливать что есть преступления, а что не есть, но при этом не слишком плывя против течения.

7. Наказание и суд. Чопы конечно могут арестовывать людей и давать показания в суде, но сам суд не организуют и сами своих клиентов не наказывают и не судят, это дело государства. Крыши же сами будут организовывать суд и исполнять его решения, а то и наказывать без суда.

Это 7 сходств крыш с государствами и 7 их отличий от чопов. Ну а что общего между чопом и крышей? Защита своих клиентов, сетевой характер деятельности и преимущественно договорной характер отношений с клиентами. Итого 7:3. И не стыдно путать член с пальцем при таком разрыве?

Urd: Собственно, я настаиваю что в рамках либертарианства кроме [неустойчивого] минархизма и [невозможного] анкапа есть ещё третий, "промежуточный" вариант, когда государства остаются, но лишаются территориальной монополии, как когда-то таковой лишились Церкви. И этот вариант мне кажется весьма вероятным и довольно устойчивым.

Альтернативное понимание государства

Сначала немного чисто умозрительных построений. Игнорируя “теорию публичных благ” как интеллектуально несостоятельную, зададимся вопросом, когда нам действительно нужно “государство”? Пока всё идёт хорошо, все контракты соблюдаются, насилие не применяется – никакое “государство” нам не нужно. Защитить от этих “страховых случаев” в буквальном смысле – никто не в состоянии, ибо никто не вездесущ и не всемогущ. Если кто-то решил убить Вас в тёмной подворотне, то никакая полиция приехать не успеет, так что лучше имейте при себе пушку или телохранителя. Правда, защита может быть косвенной и выступать как угроза возмездия, и чем неизбежнее возмездие, тем лучше защита. Тут мы подходим к моему пониманию государства: государство - это то, что "за спиной" у индивида создаёт угрозу возмездия за причинённый этому индивиду ущерб.

Общеизвестный случай косвенной защиты – это дворовое “если ты меня тронешь, мой старший брат тебе навалит” (да, семья – простейшее государство в моём понимании). Однако, если у спорящих сторон старший брат один и тот же, то идея “защиты путём угрозы возмездия” сильно сдувается по ряду причин. У одной из конфликтующих сторон могут быть особые отношения со старшим братом или старшему брату не до конфликтующей мелюзги или у старшего брата свои резоны рассудить спор далёким от справедливости образом. А зачем восстанавливать справедливость, если один младший брат спёр у другого деньги, - ведь деньги остались в семье? В крайнем случае нужно потребовать от вора поделиться со старшим братом. Как бы там ни было, а в нынешней ситуации мелюзга никуда не денется, ибо родственников не выбирают и старшему брату не нужно напрягаться, дабы нравиться мелюзге.

Согласитесь, с нынешним государством какая-то ненормальная у нас семейка получилась и если быть до конца последовательными, то идея “общего старшего брата для разрешения конфликтов” ведёт к выводу “государство нужно врагам”, ведь именно враги чаще всего конфликтуют. Однако принято считать, что в “государство” объединены в чём-то близкие индивиды, во всяком случае не враги. Ну и давайте рассмотрим более разумную ситуацию, когда “государство” состоит из слабоконфликтующих индивидов, а у частоконфликтующих индивидов “старшие братья” (по сути “крыши”) разные. Тут вы можете возмутиться, что мол конфликты возникают чаще всего у тех,

кто живёт рядом, а у таких “старший брат” один и тот же. Но это только сейчас так, не так уж давно этого безобразия не было и, надеюсь, совсем скоро не будет.

Современному пониманию государства как абстрактной (деперсонализированной) корпорации, обладающей территориальной монополией на насилие – меньше четырёх веков (его закрепил Вестфальский мир, заключенный после Тридцатилетней войны в 1648 году). Тот кто находится на территории государства (за очень редким исключением, вроде послов) – находится в его юрисдикции. Было время, когда проживая вместе, люди, тем не менее, находились в разных юрисдикциях.

В Средние века действовал принцип “вассал моего вассала – НЕ мой вассал” и проживающие вместе могли быть людьми разных князей и баронов. Отличающий Новое время от Средних веков принцип “вассал моего вассала – МОЙ вассал” не дан Богом, а всего лишь отражает возросшую мощь короля, который с появлением огнестрельного оружия и артиллерии смог подмять феодалов (от которых зависел пока была нужда в рыцарской коннице) и свободные города (пока не было артиллерии жители могли оборонять их без чужой помощи).

Что понимать под государством в Средние века – уже не ясно. Какой-нибудь князь или барон мог относительно легко (под каким-нибудь предлогом) разорвать вассальный договор с одним королём и заключить с другим, уведя свои земли соответственно из одного “государства” в другое. Кроме того, территория “государств” тогда легко продавалась, оптом и в розницу.

Такая вольница приводила к тому, что границы власти часто определялись границами частной собственности. Вот хорошая цитата, ломающая стереотипы:

«Континуум географической дисперсии политических режимов хорошо иллюстрируется случаем города Хертогенбош в Нидерландах. Этот анклав был поразительно политически гетерогенен: он включал в себя датский анклав, который в свою очередь включал в себя бельгийский анклав. Таким образом, часть улиц были датскими и подчинялись датским законам, а часть улиц были бельгийскими и подчинялись бельгийским законам, а иногда даже дома на одной и той же улице принадлежали различным нациям и подчинялись

различным законам (они были отмечены датскими или бельгийскими флагами).»

В те же Средние века какие-нибудь купцы при поездке в дальние края заключали договор с авторитетным в тех краях князем (или т.п.), по которому князь их защищал (не бесплатно), но и они брали на себя некоторые обязательства (князь не стал бы их защищать начали эти купцы разбойничать). Князь же аккуратно крышевал купцов дабы они и их коллеги и впредь к нему обращались. События когда князь должен был вмешиваться, а возможно и платить компенсацию можно толковать как страховые случаи, а договор крышевания толковать как договор страхования.

Тогда же широко распространились гильдии, цеха и рыцарские ордена как крыши для своих членов и носители своей, деперсонализированной (оторванной от индивида и способной жить веками) репутации. Кроме прочего они уже вполне явно были обществами взаимного страхования, в том числе проводящими активные мероприятия по минимизации числа страховых случаев (рейды против пиратов и т.п.). Был там и некоторый соцстрах: вдовы погибших получали пенсии, монастыри были (кроме прочего) домами престарелых для доживших до старости рыцарей и т.п.

Особый интерес представляют ранние (до реформ Клисфена в Аттике) греческие полисы, которые были якобы государствами, однако индивиды там были в юрисдикции не полиса, а неких объединений родов (фратрий и фил), которые скорее и были государствами. Споры между представителями одного объединения разбирались внутренними авторитетами (например, советом старейшин), межродовые споры – третейским арбитражем, частная месть запрещена не была и монополией на насилие никто не обладал. Изложенное касается и племён, которые тоже были объединением родов.

Да, как сейчас юрисдикция государства урезается в пользу надгосударственных институтов, так и в Древнем Мире чем дальше, тем больше юрисдикция рода ограничивалась в пользу юрисдикции полиса или племени (Клисфен оставил родовым объединениям только культовые функции) и на смену родовой знати приходила полисная или племенная знать.

Подчеркну отличие ранней Античности от Средневековья (сходство там в том, что вместе жили люди из разных юрисдикций). Принадлежность к роду была от рождения и на всю жизнь, так что выбора юрисдикции у индивида фактически не было (что отчасти компенсировалось широким применением третейских процедур разрешения конфликтов, где арбитр так или иначе выбирался), но при этом и у рода не было выбора включать в свой состав кого-то или не включать (что отчасти компенсировалось возможностью изгнать, но лишь после серьёзного проступка). В Средние века, пусть не у всех, но у многих выбор юрисдикции был. Города выбирали себе князя из имеющихся “на рынке”, князя выбирали какому королю подчиняться, купцы и ремесленники выбирали или создавали гильдии и цеха, в юрисдикции которых находились. Причём, если в Античность “провайдерами” юрисдикции были “коллективные сущности” (роды и их объединения), то в Средние века часто это были знатные индивиды (нобили, князья и т.д.), которые наряду с цехами и гильдиями тоже могли выбирать, кому предоставлять крышу, а кому нет.

Изложенного (и не изложенного, но известного) эмпирического материала хватает чтобы подвести некоторые итоги:

0. При более широком взгляде понятие “государство” оказывается никак не связанным с территориальной монополией на насилие, но всегда или почти всегда в его функции входит:

1. Защита (крышевание) своих членов, преимущественно путём угрозы возмездия за причинённый им ущерб. При конфликтах с членами других государств либо начиналась война с этим государством (“междоусобные войны”), либо организовывались примирительные (чаще всего третейские) процедуры. При очевидной серьёзной вине своего члена нормой был отказ от защиты, т.е. “изгнание”, эквивалентное отказу от мести за его убийство. При ущербе со стороны нечленов других государств (т.е. не имеющих крыши) последние просто наказывались.

2. Забота о репутации всего государства. Для “коммерческих государств” (вроде князя, крышующего заморских купцов) репутация государства служит источником доходов самого государства. В “некоммерческих государствах” (род, гильдия, орден) репутация государства распространяется на его членов и помогает им в их деятельности. У репутации есть 3 компоненты: а) государство

– хороший защитник и его боятся потенциальные обидчики; б) с членами государства можно иметь дело, они адекватные люди; в) в возникших всё же конфликтах государство будет искать справедливое решение и не будет упорствовать в защите откровенно виновного своего члена (иначе с его членами никто не будет иметь дела). Третья компонента на практике обеспечивается тем, что при определённых масштабах конкурирующих крыш дивиденды даже от выигранной войны не окупят расходов на войну и ущерба репутации, т.е. если крыши достаточно велики, то цена войны между ними слишком высока и дешевле разрешать споры мирным способом.

3. Разбор “внутренних” конфликтов – наиболее сомнительная функция государства. Неявно предполагается, что в государстве собраны близкие люди и конфликтов между ними быть не должно. Само наличие конфликта как бы разносит конфликтующих по разным государствам (обдумать мысль о “фрактальном” государстве). В таких конфликтах для государства более характерно “принуждение к примирению путём угрозы изгнания”. Сохранение внутреннего мира путём изгнания “инсургентов” - черта не только древних государств - уже у крыс конфликтующий с вожаком субдоминант обычно покидает стаю, забрав с собой часть самок.

4. Ответственность государства (“гарантия”, в разных случаях очень разного “объёма”) за действия своих членов, которую можно трактовать как заботу о репутации и как коллективную ответственность всех за каждого. Нанесённый представителем рода ущерб оплачивал весь род. Такая ответственность предполагает “страховые фонды”.

5. Выработка “картины мира”. Так или иначе, но в процессе деятельности среди членов государства складывались представления как что делается, что можно делать, что нельзя, с кем можно иметь дело, с кем нельзя. Такие представления можно назвать “нормами”, если понимать нормы достаточно широко. По мере взаимодействия членов разных государств нормы трансформировались и сближались. Записывались они относительно редко, но в конце концов так сформировалось, например, писаное торговое право.

6. Государственное “страхование” деятельности своих членов, т.е. принятие на себя части рисков (в обмен на часть дивидендов) – особенно характерно для

купеческих гильдий, которые вполне явно были “обществами взаимного страхования”.

7. Внутригосударственное разделение труда. Сначала его почти не было (все мужчины рода были воинами), позже, по мере усложнения технологий и роста специализации, оно стало быстро расти (князь имел дружину, гильдии имели юристов и пр.).

8. Для многих, особенно “некоммерческих” государств характерен тот или иной уровень взаимопомощи (собеса), которое можно толковать как государственный соцстрах (см. п.6).

С позиций изложенного современному государству можно предъявить следующие претензии:

а) Если от Античности к Средневековью возможность индивида выбрать юрисдикцию без перемены места жительства росла (по крайней мере в городах), а в пределах “нации” (где говорили на одном языке) часто была огромной (в Италии, например), то сейчас она фактически нулевая, т.е. мы скатились к варварству.

б) Вместе объединены миллионы совершенно разных людей, чью принадлежность к одному государству нельзя считать иначе как насильственной. По сути мы видим картельный сговор коммерческих крыш под предводительством десятки “лидеров”, поделивших всю Землю между собой. Выход из состава нынешних государств отдельных групп и создание новых государство – крайне затруднены и почти невозможны.

в) Глобальный, конкурентный, “сетевой” характер деятельности некоторых средневековых государств (рыцарских орденов и гильдий) сменился локальной (внутри госграниц), монопольной деятельностью государств нынешних. Как территориальный монополист государство по сути максимизирует свою власть и сборы с подконтрольной территории.

г) По “уголовным” делам третейский арбитраж умер и в большинстве случаев государство ушло от защиты своих членов даже до решения чужого суда.

д) По “коммерческим” делам с иностранцами государство отслало своих членов в частные коммерческие арбитражи, самоустранившись.

е) Зато “благодаря” государству у нас карательный, а не примирительный разбор внутренних конфликтов, причём никто не изгоняется и преступники живут под одной крышей с жертвами, помогают и защищают друг друга.

ё) Репутация индивидов и фирм почти не связана с репутацией государства и последняя скорее мешает первой.

И т.д. (можете продолжить сами).

Страховые государства (часть 1)

Предупреждения

1. Тем кто уверен, что представительная демократия – это вершина эволюции общественных институтов, квинтэссенция всего лучшего, рай на Земле, “конец истории” – лучше дальше не читать, текст не для идиотов. Я же уверен, что демократия не решает проблему рабства, что это одна из худших форм правления, с неизбежностью порождающая социальное государство, которое максимизирует проедание будущего и ведёт к децивилизации человека, а осталось ей лет 15-20, а то и вдвое меньше.

2. Конкурирующие контрактные юрисдикции не раз случались в истории, однако были теоретически осмыслены и получили своё название лишь несколько десятилетий назад. Сейчас для анархо-капиталистического крыла либертарианцев контрактные юрисдикции наряду с пониманием важности страхования - это общее место, но сколь-нибудь целостной картины предлагаемого нами мироустройства, насколько я знаю, не нарисовано (разве что в этой книге Г.-Г. Хоппе, которой нет по-русски и которую я не читал). Данной статьёй я пытаюсь заполнить этот пробел.

3. Хотелось бы предостеречь от навешивания ярлыков, типа “анархизм”. По мне так предлагаемые “страховые крыши” вполне себе государства, только не монопольные, причём они имеют много исторических прототипов. Пониманию же государства как территориальной монополии на насилие менее четырёх веков, до этого всё было менее однозначно. Например, в племенах или ранних античных полисах (которые тоже считаются государствами), монополией на насилие никто не обладал. Споры внутри рода (который, скорее и был государством) разбирались родовыми авторитетами, межродовые споры – третейским арбитражем, а частная месть запрещена не была. Так что я не столько против государства, сколько против монополии (а Вы за?) и не думаю, что монополизация каких-либо услуг, будь то нормотворчество, правосудие, возмездие или что другое делает их дешевле и качественней.

4. Данный текст является отчасти продолжением моих текстов «Правосудие без государства» (там про частные конкурирующие суды, зарабатывающие на своей репутации) и «Альтернативное понимание государства» (там государство понимается как нечто как бы стоящее у Вас за спиной и угрожающее

возмездием тому, кто Вас обидит), а отчасти взглядом на предмет с другой стороны. Сверхкратким (для самых умных) изложением его основной идеи является моя заметка «Суброгация и частная месть». Являясь плодом трёхлетних раздумий текст писался несколько недель с перерывами в течении года и будет дописываться по мере надобности. В тексте 12 страниц А4 шрифтом Arial 10pt с одинарным интервалом.

5. В предлагаемой модели не предполагается никаких народных ополчений (защитой должны заниматься профессионалы) или территориального размежевания людей с разными системами ценностей (конфликтогенный, ненужный и противоречащий современным тенденциям процесс), а необходимость публичной власти оспаривается до конца, т.е. включая муниципальную (что не отрицает органов, распоряжающихся деньгами, а не людьми). Кроме прочего ставится под сомнение “судебная функция” государства, которую некоторые мои коллеги считают основной. Текст рассчитан на “своих” и общеизвестные в наших кругах вещи (типа вредности антитраста, нормальности олигополии, ненужности ЦБ, бредовости теории публичных благ и т.д.) в нём не разжёвываются, однако и глубоких познаний он не требует. Непосвящённым очень рекомендую сначала прочесть короткую статью: А.И. Левенчук «Провайдеры сотовой государственности» (19.10.1999).

6. Принятый в наших кругах термин “охранные” или “защитные” агентства мне очень не нравится по двум причинам. Во-первых, он стойко ассоциируется с телохранителями, сигнализацией и охранниками на входе, что совсем далеко от наших построений. Во-вторых, описание охранных агентств неявно ставит силу и оружие в центр мироздания, который в современных условиях занимают скорее деньги (военные мало где у власти, обычно они “в услужении” и кормятся из бюджета). В центре моего мира оказались почти финансовые учреждения: страховые компании (СК), которые в некотором смысле являются “провайдерами юрисдикции”, а силовые структуры всего лишь им служат. Вроде бы Г.-Г. Хоппе в упомянутой книге, судя по аннотации (здесь по-русски) тоже ставит в центр страховые компании, но я к этому пришёл сам, книгу не читал и не знаю насколько далеко пошёл Хоппе.

7. Очевидно, я не могу знать каким будет будущее, но могу предполагать каким оно может быть. Я полагаю, что предлагаемая “модель” весьма вероятна. Я далёк от мнения, что описываемый мир полностью соответствует

либертарианским этическим идеалам, но он является большим шагом к нему. Я сомневаюсь что идеал вообще достижим, но, недостижимость идеала – не повод к нему не стремиться.

8. Основные проблемы при написании носили “дидактический” характер. Хотелось чтобы было коротко, ясно и создавалась целостная картина. В каком-то смысле я занимался складыванием мозаики, где каждый элемент был прост и понятен, но общая картина требовала огромных усилий. Нарисованный мир можно использовать в фантастических художественных произведениях (если кто хочет - берите) и тем самым популяризовать его. Мне нравится «Лавина» Нила Стивенсона, но там многое недодумано и мир выглядит “сырым” и не слишком привлекательным (что отчасти объясняется его младенческим возрастом).

Рассуждение о гарантиях и угрозах

За годы дискуссий на форумах и в ЖЖ много раз встречал утверждения, что государства что-то там гарантирует, типа охраны, безопасности, права на жизнь и т.п. Между тем, если кто-то решил убить Вас в тёмной подворотне, то никакая полиция приехать не успеет (и хорошо если государство не запретило Вам иметь оружие!). Мало того, нет никаких гарантий, что Вашего убийцу найдут. И уж совсем маловероятно, что государство заплатит Вашим родственникам неустойку, за то что Вас не уберегло. Так что нет никаких гарантий (лишь налоговый грабёж неизбежен). И даже непонятно, зачем государству напрягаться ради Вас, ему от этого один геморрой.

Другое дело страховая компания. Если Вас убьют, ей придётся выплатить Вашим родственникам немалую сумму, поэтому она заинтересована в недопущении этого, проведении профилактических мероприятий и поиске убийцы. В известном детективном романе Дж. Кейна “Почтальон всегда звонит дважды” есть сцена, когда допрашивая подозреваемого в убийстве, окружной прокурор кроме прочего говорит ему: «... вот тебе мой совет: никогда не связывайся со страховыми компаниями. Они вот сейчас начнут распутывать это убийство и, уверяю тебя, приложат в пять раз больше сил, чем вся прокуратура округа Лос-Анджелеса. Они наймут в пять раз больше детективов, чем имеется в моём распоряжении. Эти ребята своё дело знают, уж поверь мне, от а до я. И, если хочешь знать, они уже сели тебе на хвост. Потому что им сейчас важно спасти свои бабки. Вот где и ты и она сильно прокололись!»

Поскольку существующая мифология утверждает, что государство нужно именно для защиты от преступников и внешних врагов, его оптимальной стратегией (как совокупности чиновников, заинтересованных в росте своей власти и доходов) было бы увеличение преступности и заведение врагов. Полицейские участки где преступность растёт получают увеличение штатов и финансирования, а где падает – снижение. После этого трудно ожидать падения преступности. Для увеличения уровня преступности государство постоянно увеличивает объём регламентирующего законодательства (особенно влияют запреты на алкоголь, наркотики, оружие, игорный бизнес и проституцию). Система же наказания устроена так, что оказавшийся в тюрьме “случайный прохожий” становится профессиональным преступником. Неудивительно, что за 20-ый век число заключённых на тысячу жителей в США и России увеличилось в десятки раз.

Ещё хуже дело обстоит с обороной страны. Очевидно, что со страной, обладающей ядерным оружием, вести обычную войну невозможно: если такая страна начнёт проигрывать, то ничто не удержит её от его применения. Следовательно, обычные вооружения и армия такой стране не нужны (исключая, возможно, внутренние войска). Однако этот факт противоречит аппетитам военных чинов и директоров ВПК, а потому (внимание!) его принято игнорировать: военные доктрины ядерных держав в сфере обычного вооружения строятся на том, что ядерного оружия КАК БЫ НЕТ.

Но и это не всё. Директора ВПК и генералитет прекрасно осознают как свои интересы, так и интересы своих зарубежных коллег и открыто играют в рефлексивную игру под названием “гонка вооружений”: страна А вооружается против страны Б потому что страна Б вооружается против страны А и наоборот. Например, известно что ЦРУ преувеличивал советскую военную угрозу чтобы добиться от Конгресса увеличения военных расходов, а история с химическим оружием в Ираке и сейчас на слуху.

Таким образом: 1) мы понятия не имеем, каким был бы уровень преступности без стараний государства по его увеличению, возможно пренебрежимо низким, как в некоторых странах Северной Европы; 2) для ядерных стран традиционной внешней военной угрозы не существует. Однако, мы знаем точно, что страхование нужно даже без этих угроз.

Кто-то может сказать, что и страховые компании заинтересованы в запугивании потенциальных клиентов. Согласен, именно в запугивании, но не в реальных страховых случаях, что сильно отличается от ситуации с государством.

Страховая парадигма государства

Несмотря на крайнюю сомнительность каких-либо госгарантий, существует ныне почти забытая, но, кажется, популярная в конце XIX – начале XX века “страховая парадигма государства” (я о ней прочёл пару лет назад здесь, но то, что государство прикидывается страховой компанией для максимизации сборов с подконтрольной территории - сообразил за пару лет до этого), где желаемое выдаётся за действительное и государство считается обществом взаимного страхования (“взаимно-страховым союзом”, разновидность потребительской кооперации). По мне так не важно, взаимного или нет, главное что о страховании речь.

Если высунуть голову из песка, то государство это скорее результат институционализации рэкета. Теперь заметим, что рэкет работает по страховой схеме: плату крыша взимает регулярно, а проблемы “клиента” решает когда (и если) те возникают. Если рэкетирских крыш на территории несколько (что нормально городов покрупнее), то отношения “клиентов” с ними фактически договорные, и чтобы привлечь клиентов - крышам приходится снижать цены и повышать качество своих услуг (что с неохотой делает монополист-государство).

Когда пушечного мяса много и оно дешёво (как при распаде СССР), рэкет решает проблемы клиентов стрельбой. Через год-два боевики дорожают, воевать становится накладно и крыши начинают договариваться, для решения споров приглашая профессиональных юристов и устраивая арбитраж. Всё это было у нас не так давно. Но рэкетирские крыши были смяты государством (та же рэкетирская крыша, но с большой армией и средствами массовой индоктринации, включая школы) и мы не смогли увидеть дальнейшую эволюцию этого рынка. Однако, я полагаю, всё шло в сторону превращения крыш в полноценные страховые компании. Не забудем, что у последних и сейчас есть своё следствие (для проверки страховых случаев) и (в принципе) могли бы быть свои армии (как сейчас у Газпрома и Транснефти).

В качестве косвенного подтверждения эволюции рэкета к страхованию приведу слова пана Тадеуша с форума ЕЖа: «В 1996 г. я отдыхал в Болгарии и обратил внимание на наклейки на каждом магазине, кафе, лавочке. Спросил у местных, оказалось - это знак страховой компании, "страхующей" этот объект. Из дальнейшего общения оказалось, что "страховые компании" - легальное лицо местных болгарских бандитов-рекетиров. Если кто отказывается страховаться, у него вдруг сразу происходит пожар. И стоит "страховка" очень недёшево.» (Деталей и реальных цен пан Тадеуш не зал, интересно было бы сравнить цены с уровнем налогов).

Теперь снова вернёмся к государству. Когда Бисмарк чтобы обойти на выборах социалистов спёр у них идею госсобеса, обнаружилось, что если часть награбленного (скажем, четверть) с помпой отдавать назад, то люди меньше сопротивляются грабежу и его можно увеличить в разы. С тех пор государство маскируется под страховую компанию, выплачивая часть награбленного в страховых случаях и эта мимикрия зашла далеко (подробнее о мимикрии ниже, после ликбеза).

Понятие юрисдикции

Чаще всего говорят о юрисдикции государств и судов, что запутывает дело, поэтому приведу другие примеры: а) устраиваясь на работу, Вы, в обмен на зарплату, соглашаетесь подчиняться начальству и за некоторые нарушения можете быть наказаны; б) прихожанин в обмен на Царствие Небесное рассказывает на исповеди о своих грехах и священник может наложить на него епитимью (наказание); в) когда Вы пришли в гости к приятелю, тот может потребовать от Вас определённых действий, и выставить за неподчинение. Во всех трёх случаях есть нормы (указания, правила) и есть возможность наказать за их нарушение.

Юрисдикция (лат. *juris dictio* - право, закон и диктую, предписываю) – это, по сути, возможность давать указания (производить нормы) и/или наказывать за их неисполнение. Иногда кто нормы производит (регулятивная юрисдикция), тот и наказывает (исполнительная юрисдикция), а иногда это не так. Часто нормы существуют в виде обычаев и даже не осознаются, пока не нарушены. Юрисдикция может быть добровольной (договорной) и принудительной (раб в юрисдикции хозяина, житель страны в юрисдикции “своего” государства). Юрисдикция может быть полной (исключительной, неограниченной) и

ограниченной (специальной, функциональной). Поскольку мало кто в здравом уме добровольно отдаст себя в полную юрисдикцию, полной бывает только принудительная юрисдикция. Различают также территориальную, персональную и “признанную” (основанную на международном признании) юрисдикции. Территориальная юрисдикция государства считается полной (ага).

Можно двояко толковать “право” на юрисдикцию: как идущее “сверху” или “снизу”. Например, в случае трудовых отношений, эстатист скажет, что работодатель имеет право наказывать работника потому что это право ему дало государство, а либертарианец скажет что это право возникло потому что сам работник дал на него согласие (в обмен на работу и зарплату). Далее я всегда буду придерживаться второй точки зрения, но с одной оговоркой: такое согласие может даваться не только явно, но и “конклюдентными действиями”, к каковым относится в том числе и любое нанесение ущерба. Т.е. у пострадавшей стороны возникает естественное “право требования” к виновнику и последний оказывается в юрисдикции жертвы (ровно на этом основывается частная месть).

Очевидно, право требования можно кому-либо передать (цессия – уступка права требования). Сейчас считается, что граждане такое право передали государству (как будто у них был выбор!), поэтому если, скажем, американскому гражданину нанесён ущерб, то американский суд считает виновника в своей юрисдикции, даже если это недосыгаемый иностранец.

Страхование как добровольная юрисдикция

Выяснив, что и рэкетирские крыши и [их разновидность] государство, по-видимому, эволюционируют к страхованию, обратим внимание на этот бизнес. Сразу замечу, что страхование веками развивалось без вмешательства государства (слабо тому было) и частное страховое право (как и вообще коммерческое) сложилось “само” (нанятые купеческими гильдиями частные юристы записывали обычаи делового оборота и обобщали судебные прецеденты купеческих судов). Сейчас, к сожалению, государство и сюда залезло, но для регламентирования ПЕРЕСТрахования (довольно сложный вид бизнеса) у него мозгов по-прежнему не хватает и этот “недостаток” перестрахование (особенно международное) компенсирует более детальным составлением договоров.

Тут я отвлекусь от абстрактных построений и ткну пальцем в историю. Страхование – древний институт и он часто вступал в симбиоз с другими. Помимо прочего, обществами взаимного страхования были купеческие гильдии, ремесленные цеха и рыцарские ордена. Они не только компенсировали убытки своим членам, но и заботились о наказании виновных и предотвращении “страховых случаев”, например, истребляли пиратов (эти тоже занимались взаимным страхованием), ловили и наказывали воров и т.д. В некоторых (Льеж и Гент) полисах развитие гильдий и цехов приводило к отмиранию властей как ненужных и установлению анархии на длительный срок (более века), которая устранилась лишь внешней силой.

Продолжу. В страховании нам наиболее интересны 4 вещи:

1. Страховая компания является для страхователя источником норм разной “жёсткости”, которые поставляет в обмен на саму возможность застраховаться, на скидки со страховых взносов или на возможность получить выплату в страховом случае. Кроме уплаты страховых взносов страховщик обязан сообщить все существенные обстоятельства (ст.944 ГК РФ), об их изменении (ст.959), незамедлительно уведомить о наступлении страхового случая (ст.961) и принять меры для уменьшения убытков (ст.962). При страховании здоровья страхователь обязан пройти медосмотр (ст.945), при этом вредные привычки увеличивают цену страховки. В обмен на скидки страхователь проводит, скажем, противопожарные мероприятия и обучение технике безопасности сотрудников. А если страховка не выплачивается в случаях, где виноват сам страхователь, то это будет стимулировать переход улицы на зелёный свет, а не на красный. Разрыв или непродление договора страховщиком, означающий потерю защиты (и репутации) – тоже серьёзная угроза.

Производство норм одной из сторон договора и возможность наказать вторую сторону за их несоблюдение позволяют трактовать страхование как контрактную юрисдикцию. Не исключено, что договор страхования будет допускать возможность наказания не только в денежной форме.

2. Существенными условиями договора страхования (ст.942 ГК РФ) являются указание [границ] страхуемого имущества (привет Гавагаю) и характера событий, признаваемых страховыми случаями. Причём страховщики и их объединения склонны стандартизировать условия страхования (ст.943). Это

будет вести к экспликации и лучшему пониманию субъектами рынка своих прав и возможностей.

3. Страхование ответственности за нарушение договора (ст.932), когда страховая компания выступает (не бесплатно) “гарантом” страхователя – позволит иметь дело с малоизвестными (не имеющими своей репутации) фирмами и людьми, если у них есть авторитетный гарант. Просто проверьте наличие гаранта. Гарант “отнормирует” принципала, если что компенсирует Вам потери и разберётся с принципалом в порядке регресса.

4. К страховой компании, выплатившей страховое возмещение, переходит (если договором не предусмотрено иное) право страхователя требовать возмещение ущерба с виновного лица (суброгация, ст.965). (Это та самая цессия. При суброгации страховщик занимает место страхователя в отношении с лицом, ответственным за ущерб.) При этом страхователь обязан передать страховщику все сведения, документы и доказательства, необходимые для осуществления возмездия. Суброгация очень важна по своим последствиям. Фактически, это отказ от частной мести в пользу страховщика в обмен на страховку. И с ней люди будут вести себя менее рискованно в опасных ситуациях (например, при ограблении человек будет знать что получит страховку и что поиском и наказанием преступника займутся профессионалы, потому не будет слишком геройствовать, подвергая риску себя и окружающих).

Забавно, но сейчас сложилась во многом сходная ситуация (это о мимикрии), только страховщик (государство), являясь монополистом, страховой договор сделал обязательным, страховые взносы большими и принудительными, норм производит много и всем их навязывает, обнулil страховые выплаты для многих страховых случаев (типа кражи), гарантом сделок выступает странным (компенсацию обычно не платит, но виновных пытается искать), а суброгацию для “уголовных преступлений” сделал обязательной, хотя компенсацию, опять же, обычно не платит. Тут Вы можете видеть что теряете, имея дело с монополистом. Главное отличие, это конечно отсутствие страховых фондов, каковыми для государства выступают будущие доходы налогоплательщиков. Кстати, уверен что в ближайшие годы в практике госуправления начнут активно использоваться анализ рисков и актуарные расчёты, они туда перейдут из практики корпоративного управления.

Итак, страховые компании в описываемой ситуации являются фактически государствами, но не обладающими территориальной монополией. Они конкурируют за “подданных”. Репутация – их главный капитал, определяющий число клиентов и прибыль. Тут они во многом близки к политическим партиям в двухпартийной системе, только приходят к власти не по очереди, а находятся у неё одновременно, зазывая “избирателей” под себя. Кстати, один из сценариев возникновения такого мира, когда на выборах голоса избирателей делятся примерно поровну и [якобы] проигравшая сторона, отказываясь признать своё поражение создаёт альтернативную юрисдикцию.

Замечание о сакральности (аналогия с Церквями)

Существует довольно здравая гипотеза, что государство обладает определённой сакральностью и люди не готовы принимать “госуслуги” от частных предприятий, при том что последние вполне могут их оказывать. Так, например, причастие, крещение, богослужение и пр. могли бы осуществляться частными предприятиями (сектами?), но готовы ли к этому потребители?

Полагаю, сакральность государства нисколько не противоречит тому что я здесь пишу. Да, Церкви обладают сакральностью, но времена церковных монополий давно прошли. Сейчас в одном городе можно встретить православный храм, мусульманскую мечеть, католический собор, синагогу и т.д. - Церкви давно имеют сетевую структуру и эти сети переплетаются. Я пишу ровно о том же, но для государств, сакральность при этом никуда не девается.

Серьёзный анализ сакральности не входит в мою задачу, но несколько слов сказать можно. Максимальной сакральностью обладает Бог. Бог таинственен и непознаваем, обладает огромной потенциальной силой, может наказывать и раздавать блага. Сакральность Бога отчасти передаётся Церквям. Но секты тоже пытаются заполучить часть сакральности Бога, однако у них не всегда получается, т.е. только примазаться к Богу недостаточно. Вероятно, чем древнее Церковь, тем она сакральнее (если ещё жива). Некоторой сакральностью обладают масоны, сицилийская мафия, якудза, триады и т.п. Опять же, это таинственные влиятельные организации с длинной историей, способные к насилию и благодетению.

Таким образом, для обладания сакральностью СК предположительно должны:

- а) обладать ядерной бомбой (огромная потенциальная сила);
- б) быть не до

конца прозрачными (таинственность); в) примазаться к Богу или какой-либо из Церквей (возможно в форме сильной религиозности владельца или включив в наблюдательный совет представителей Церкви); г) распускать регулярные слухи о насилии по отношению к негодным (в реальном насилии СК будут не заинтересованы); д) заниматься благотворительностью и разыгрывать призы в лотерею среди своих клиентов; е) желательно обладать длинной (пред)историей (как минимум у владельца должна быть длинная родословная, восходящая к князьям).

Как вариант возможно прямое создание сетевых крыш Церквями (привет kuznetsov'у), чему пример Монашеские Ордена. Последние были вполне сетевыми внетерриториальными государствами со своей юрисдикцией и неподсудностью монахов светским властям. После того как крестоносцев выгнали с Востока, даже монастыри не у всех Орден были. Современный Мальтийский Орден, имея штаб-квартиру на арендованной в Ватикане площади, вполне себе государство и имеет посольства в сотне стран мира. Думаю, можно было бы возродить и другие Ордена.

Другим вариантом может быть создание крыш современными государствами с последующей самоликвидацией или постепенная трансформация современных государств в сетевые крыши путём изменения права (см. сценарии перехода).

Как это выглядит для потребителя

В России примером развитых сетевых компаний может служить большая тройка сотовых операторов (Билайн, МТС, Мегафон) и отношения клиента со своей СК, вероятно, будут похожи на Ваши отношения со своим оператором. На каждом углу Вы сможете положить деньги на счёт, позвонив оператору сможете получить консультацию или сообщить о страховом случае, а при поездке в дальние края узнаете про роуминг. Получение ответов на наиболее типичные вопросы (можно ли иметь дело с той или иной фирмой или клиентом такой-то СК?), вероятно, будет автоматизировано.

Напомню, что при определении цены страховки, страховая компания (как и банк при выдаче кредита) обычно проводит скоринговую оценку клиента, используя его формальные данные (пол, возраст, цвет кожи, семейное положение, уровень дохода, место проживания и т.д.), которые так или иначе влияют (судя по анализу накопленных данных) на вероятность страховых

случаев. Потому, цена большинства страховых продуктов для разных клиентов разная.

Поскольку СК будут заинтересованы в сборе информации о страховых случаях и минимизации их числа путём поимки и наказания преступников – скорее всего минимальный пакет страховых услуг будет предоставляться фактически бесплатно, лишь в обмен на суброгацию (к СК переходит право наказывать преступника) и, вероятно, отпечатки пальцев и образец ДНК. Напомню, что суброгация кроме прочего ещё и стимулирует менее рискованное поведение, в чём тоже заинтересованы СК.

Рассуждать какие будут “тарифные планы” и какие на них будут приходиться “пакеты услуг” – я не возьмусь, думаю, самые разные и определяться они будут фантазией производителей, предпочтениями потребителей и уровнем конкуренции. Сейчас в странах с развитым страхованием на покупку страховок уходит до четверти доходов семьи, плюс налоги государству, так что деньги в этом бизнесе будут не малые. По каким “нишам” разбредутся СК – тоже не знаю, не исключаю даже, что по религиозным или “идеологическим” и мы сможем пронаблюдать построение, скажем, коммунизма не в отдельно взятой стране, а в отдельно взятой контрактной юрисдикции*. (По моим ощущениям, различия будут не настолько сильными, но не буду отрицать и наличие крайностей, которые, вероятно, будут столь же маргинальны, как кибуцы в Израиле или коммуны панков в США).

Страховые компании неизбежно будут сотрудничать для того, чтобы избегать мошенничества. Ведь если страховщики не обмениваются информацией, то застраховав имущество у нескольких страховщиков и уничтожив его (умышленность трудно доказать), можно получить стоимость имущества от каждого страховщика.

Выше я уже сказал, что и сейчас у страховых компаний есть своё следствие (для расследования страховых случаев). А вот как могло бы выглядеть оперативное реагирование на преступления. Уже сейчас я постоянно вижу дежурящие там-сям машины всяких чопов (и по прежнему не вижу ментовских патрульных машин), которые реагируют на квартирные сигнализации, а теоретически могли бы реагировать на что угодно. О страховом случае Вы так и так должны незамедлительно сообщить страховщику. Звоните. Кооперация чопов и

страховщиков – самоочевидна. Чоповец может и без вызова предотвратить страховой случай, за что получит премию от страховой компании. Если потенциальная жертва не застрахована, ей предъявят гражданский иск (гл. 50 ГК РФ "Действия в чужом интересе без поручения").

Очевидные стимулы заставят страховщиков проводить профилактические мероприятия, сокращающие число страховых случаев. Это не только требование установки сигнализации при страховании, но и какая-то “социальная реклама” в СМИ, постоянная видеозапись в каких-то местах или даже внедрение своих людей в потенциально опасные сообщества. Весьма вероятно, что для сокращения издержек СК будут создавать единые следственные службы (вспомним ФБР) или аутсорсить услуги соответствующих коммерческих структур. Скорее всего будет обмен данными о сомнительных опасных индивидах (вспомним Интерпол) и с такими не будут заключать договор крышевания, после чего их можно будет убивать с низкой вероятностью возмездия. Возможно, в каких-то случаях этим будут заниматься сами СК, но это репутационные риски.

Общая картина

По-моему, хорошим “наброском” описываемого мной мира являются японские дзайбацу и корейские чеболи. По сути это ФПГ, огромные конгломераты сотен предприятий, банков, страховых компаний, во главе которых, как правило, стоят семейные кланы (мне это кажется нормальным и правильным). Очевидно, в составе этих конгломератов важное значение будут иметь силовые подразделения, по сути небольшие частные армии со своими разведслужбами и прочим.

Кто-то может возмутиться, что в такой системе отдельный предприимчивый индивид не сможет начать бизнес, не став под крышу какого-либо конгломерата (по сути не делясь с ним прибылью). Но ведь и сейчас нельзя начать бизнес не став под крышу государства и не платя налоги. Однако, в отличие от государства, конгломераты имеют не территориальную структуру и в конкретном городе может быть несколько СК, а потому свобода предпринимателя увеличится. Очевидно, что огромные масштабы деятельности заставят СК формализовать и унифицировать все свои отношения с внешним миром. (Так, например, тарифы и договор у Билайна везде одинаковые, хотя кое-где он монополист и мог бы там сделать тарифы выше, а договор жёстче.)

Выбравший крышу предприниматель кроме “налогов” получает авторитетного гаранта и нормативы деятельности (считайте гражданский кодекс плюс некоторые ограничения, связанные с гарантиями).

В принципе, в мире могут быть, как минимум, сотни, а скорее тысячи такого рода “семейных конгломератов” (СК) с широкой филиальной структурой. Однако это не значит что в каждом конкретном месте будут филиалы многих из них. Вероятно, лишь в мегаполисах их будут десятки филиалов, в городах помельче – несколько, а в совсем маленьких – один-два. Однако, сейчас всё ещё хуже: в каждом конкретном месте крыша всего одна. Вероятно, очень немногие (десяток?) СК будут иметь глобальный характер деятельности (филиалы по всему миру), большинство будут скромнее и ограничатся меньшим покрытием. Думаю, для экономики масштаба России нормальным будет десяток конгломератов, а для США одна-две сотни.

Как в современном мире, при формальной декларации полного равенства государств мы видим большое реальное неравенство и крышевание одних стран другими (вспомним НАТО и Варшавский блок), так и в мире СК можно ожидать схожую ситуацию, ибо мне трудно представить себе, что все эти тысячи СК обзаведутся ядерным оружием и/или космическими группировками боевых спутников. Так что среди СК можно предполагать существование иерархических отношений (что наводит на мысль о перестраховании). Очевидно, “равнейшими” будут конгломераты, специализирующиеся на серьёзном оружии и космических системах. Думаю, такие конгломераты (а их будет мало, как сейчас ядерных и космических держав) будут заниматься не “розничным” бизнесом, а перестрахованием рисков других СК.

Страховые государства (часть 2)

Правосудие

Как в племенах и греческих полисах внутриродовые споры разбирались родовыми авторитетами, так и споры между клиентами одной страховой крыши могут разбираться представителем этой крыши. Однако, страховая компания для сокращения издержек скорее всего будет покупать эту услугу на стороне (аутсорсить). Кроме издержек здесь большое значение имеют репутационные риски (очевиден конфликт интересов). Если спор разбирает [связанный с СК] ангажированный судья - всегда есть опасность обвинения, что спор был решён не в пользу одной из сторон, а в пользу страховой компании (решение минимизирует её расходы), поэтому в серьёзных случаях судья всегда будет сторонним, не связанным с данной СК, просто потому что клиенты не захотят иначе, а СК предпочтёт избежать обвинений в обмане клиентов. Лишь в очевидных, чисто формальных случаях решение будет внутренним.

При спорах между клиентами разных СК возможны варианты:

1) СК просто выплачивает страховку своему клиенту даже не пытаясь выяснять отношения с клиентом другой крыши или самой крышей. Это может происходить в “мелких” случаях, когда выяснять отношения будет дороже чем выплатить страховку. Или в крайне редких случаях, которые не делают погоды. Или в случае “фундаментальных” расхождений в понимании “границ собственности” с крышей другой стороны, но носящими “точечный”, а не постоянный характер. Тут я говорю важную вещь: не всякий спор двух сторон нужно разрешать, иногда достаточно получить компенсацию от своей крыши, а на вторую сторону вообще наплевать (кстати, вторая сторона может точно так же получить компенсацию от своей крыши).

2) Спор по каким-либо причинам признаётся важным (цена “нерешения” вопроса достаточно высока) и начинается выяснение отношений. Тут мы вспомним, что наши крыши очень велики и вооружены. Любой военный конфликт между ними обойдётся очень дорого, при том что сетевой характер войны сделает конфликт затяжным, а настоящую победу маловероятной (любая победа будет локальной и временной). Кроме того, воюющие стороны начнут быстро терять клиентов. Поэтому войны не будет, а единственный разумный выход – обратиться к авторитетному арбитру и разрешить спор по

справедливости (что и происходило с рэкетирскими крышами в России, когда боевики подорожали, а крыши укрупнились).

Можно попытаться представить себе настолько “дорогой” спор, что военная победа в нём окупит все расходы. Но это означает, что один идиот застраховал какую-то очень дорогую сделку или имущество как страхователь, а другой идиот застраховал её как страховщик. Но идиоты не страхуют многомиллиардные сделки! Если цена вопроса действительно очень велика, то сделку страхует пул страховщиков или такой большой страховщик, война с которым будет дороже полученных в случае победы дивидендов и ситуация сводится к описанной выше. При этом не будем забывать, что есть ещё перестрахование и где-то вверху перестраховочной цепочки висят ракеты с ядерными боеголовками и цена войны становится бесконечной.

Поскольку крыши будут иметь всё же разные размеры и военную мощь, можно предположить, что сама угроза войны будет стимулировать более слабую крышу делать систематические уступки, а более сильную крышу этих уступок добиваться. Но не будем забывать, что клиенты страховщиков – не твари бессловесные и просто уйдут из под крыши, которая не может защитить. Понимая, что уступки – это разорение, слабая крыша не будет на них идти, но будет вступать в военные коалиции с другими слабыми крышами и уже система из трёх примерно равных крыш становится устойчивой: если какая-то крыша наглеет, против неё объединяются две других. Это приведёт к установлению равенства крыш, как наименее конфликтного и наиболее экономичного состояния. (Вероятно, именно такие игры привели к полному формальному равенству всех нынешних государств.)

Теперь посмотрим на арбитра, к которому мы пришли чуть выше. Отмечу, что очевидный спрос на арбитров сформирует свободный рынок услуг правосудия, где судьи не будут связаны со страховыми крышами и где они будут конкурировать ценой и качеством своих услуг. Кроме прочего, настоящие профессионалы часто предпочитают быть “свободными художниками”, не идя на ставку в одну из крупных компаний, что тоже будет одним из факторов, формирующих свободный рынок правосудия, субъекты которого будут иметь свою собственную (что важно) репутацию и будут о ней заботиться.

Замечу, что как у римлян среди компонентов юрисдикции различались полномочия руководить судебным процессом (*mera potio*), полномочия судить и выносить решение (*juris dictio*), полномочия обязать к подчинению и исполнению принятого решения (*imperium*), так и в нашем случае полномочия у участников процесса – разные. Принудить к выполнению решения арбитр никого не может, ни клиентов крыш, ни сами крыши. Клиентов крыш принуждают сами крыши. Крыши же выполняют решения дабы избежать потери репутации – с тем, кто не выполняет решения арбитража никто не будет иметь дело (и сейчас так же и вся средневековая торговля была построена на этом). Вполне возможно, что будут различаться руководящий процессом и выносящий решение (часто это присяжные).

Далее заметим, что в процессе в некотором смысле 4 стороны. С каждой из двух сторон крыша и её клиент. Это сильно расширяет диапазон возможных решений и облегчает поиск устраивающего все стороны компромисса. В некотором “предельном” случае суд может предписать каждой из крыш выплатить своему клиенту компенсацию, но ничего не платить друг другу.

Подчеркну ввиду важности: суд и наше экстерриториальное государство полностью разведены. Ненормально это, когда государство судит своих членов. Уж очень велика вероятность, что оно в свою пользу судить будет. В нынешнем мире это тоже заметили и создали международные суды: Международный уголовный суд, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека.

Да, как сейчас для разрешения споров между государствами существует Международный Суд ООН, так, возможно, и наши СК учредят нечто подобное всемирного масштаба или ряд подобных региональных структур. Однако не стоит преувеличивать значимость такого суда. Более важно, по-моему, накапливать и обобщать прецеденты разрешения “частных” арбитражей и эти обобщения со временем станут обычаем. Примерно так появилось нынешнее торговое право, являющееся основной частью права гражданского.

Главные вопросы (незакончена)

Главные вопросы, возникающие в данном контексте, это: а) будут ли разные СК жить мирно или будут постоянно воевать по разным поводам (от борьбы за рынки сбыта услуг до разрешения споров между клиентами); б) не сольются ли

несколько СК чтобы стать территориальным монополистом (т.е. государством в нынешнем понимании) = не поделят ли СК рынки сбыта своих услуг в картельном сговоре; в) смогут ли эти СК противостоять традиционным государствам, если таковые ещё будут.

На последний вопрос ответить просто. Если страховые крыши будут обладать (желательно ядерным) ОМП (оружием массового поражения) и средствами его доставки (иногда будет достаточно автомобиля или катера, но космические конечно лучше), то традиционные государства (как и любые территориальные образования) им не страшны, поскольку они представляют из себя большую неподвижную мишень. Ответный удар по СК – вещь сомнительная, поскольку СК будут представлять из себя большую сеть филиалов (сетевая крыша) и нанести им большой урон будет трудно. При всяком большом ответном ударе пострадают клиенты многих СК, что будет чревато серьёзными последствиями: воевать сразу с несколькими крупными, хорошо вооружёнными сетевыми структурами не может ни одна иерархия (даже с куда более скромными партизанскими, террористическими и шпионскими сетями не очень хорошо получается). Кстати, крайняя уязвимость традиционных государств [не пускающих на свою территорию амбициозные сети] приведёт к их быстрому распаду (после одного-двух неприятных инцидентов).

Тут следует добавить, что со временем высокие технологии падают в цене, становясь всё доступнее, и лишь государственная монополия на производство серьёзного оружия делает его дорогим. Например, крылатая ракета с радиусом действия 100 км. могла бы стоить дешевле 10 тыс. баксов, но стоит миллион. То же касается и ядерной бомбы. Однако всегда наступает момент, когда поддерживать монополию больше невозможно. Если сейчас для обогащения урана нужны десятки тысяч центрифуг и большой завод, то с развитием нанотехнологий обогащать можно будет дёшево и в обычном ангаре – ядерная бомба перестанет быть вещью для избранных (с ужасом вспомним, что уран – не единственный ядерный материал, пригодный для изготовления бомбы).

Ответ на вопрос о слиянии для достижения территориальной монополии теперь очевиден: никому не захочется стать уязвимым. Недопущение монополистом на свою территорию “иностраных” провайдеров юрисдикции последним сильно не понравится. Кроме того, некоторые жители этой территории при отсутствии возможности выбрать крышу (а такая возможность даёт ощущение свободы) и

введении принудительного налогообложения (иначе зачем монополию создавать?) решат возмутиться, что при доступности серьёзного оружия и поддержке “иностраных” крыш (это важно) может повлечь серьёзные последствия. Но и это не всё. Есть ещё амбиции руководства разных СК: в своих компаниях они первые, а в объединённой крыше кому-то придётся уйти в тень, что не всегда приятно.

Следует отметить, что даже наличие небольших территориальных монополий явно улучшит ситуацию по сравнению с нынешней. Ведь сейчас границы государств проходят по границам распространения языка, религии, обычаев, культуры и это крайне затрудняет смену крыш (переезд) и конкуренция между государствами слаба. Но если бы было, скажем, десяток русскоязычных государств, то люди и капиталы перетекали бы легче, конкуренция крыш усилилась и они озаботились бы ценой и качеством своих услуг.

Более разумно говорить о ценовых картельных сговорах как мягкой форме слияния. Не буду отрицать их принципиальную возможность, но если там нет явного доминанта, диктующего другим свою волю, и если возможно появление новых игроков со стороны – картельные сговоры крайне неустойчивы и недолговечны. При нишевой конкуренции они вообще маловероятны. Кроме того в них есть польза: повышается стандартизация и унификация и усиливается неценовая конкуренция. Есть основания считать, что при росте цен в краткосрочной перспективе, в долгосрочной картельные сговоры ведут к более сильному падению цен (чем без них) за счёт сокращения некоторых издержек.

Касательно “явного доминанта” – такого очевидно не будет. Тут не в том дело, 10 у Вас ядерных боезарядов или 20, поскольку и одного-двух достаточно, а в логике развития бизнеса. Невозможно оказаться сразу везде и всех удовлетворить. В других местах быстро найдутся подражатели, а потом начнётся взаимопроникновение на территорию конкурентов, где не последнюю роль играет мнение потребителей, желающих разнообразия. Опыт показывает, что (без поддержки государства) никакое лидерство не вечно (Интел и Микрософт лидируют благодаря копирайту и сходным привилегиям, типа госборьбы с промышленным шпионажем, которые создают петлю положительной обратной связи: тот кто однажды случайно вырвался вперёд приобретает огромное преимущество).

Ответ на первый вопрос (о вероятности войн между сетевыми крышами) несколько сложнее и требует как отвлечённых размышлений так и более глубокого моделирования предполагаемого мироустройства с затрагиванием механизмов перестрахования.

Рассуждение о причинах войн (незакончено)

1. Войны (как и их отсутствие) могут иметь экономические, идеологические и психологические причины (поискать в рунете ту книгу о войнах). Конечно, у политической власти может оказаться любой придурок (имбецил, истерик, параноик) и с какой-то вероятностью он может начать “беспричинную” войну, но в крупном бизнесе (типа СК) придурок вряд ли достигнет вершин руководства (помню Крупп был слегка параноиком, больше примеров в голову не приходит) и можно ожидать от СК рационального поведения.

2. Традиционно считается, что отсутствием крупных войн во второй половине 20-го века мы обязаны ядерному оружию, которое ставит крест на экономических дивидендах войны (захваченная территория будет малопригодна, а пропущенная “случайная пуля” может нанести слишком большой ущерб и победа не будет радовать). Но я думаю это не единственный фактор. Не менее важно то, что в последней большой войны лидеры проигравшей стороны были физически уничтожены. Первые жопы (пыжы), конечно, могут как угодно относиться к жизням своих подчинённых, но своими жизнями они дорожат и рисковать ими не любят. Таким образом, личная безопасность высших лиц – один из факторов войны.

Аналогия с мафией

Не вижу ничего плохого в слове “крыша”, а антипатию оппонентов связываю с [внушённым СМИ и школами] заблуждением, что государство чем-то лучше. Государство – результат институционализации рэкета, это монопольная крыша и будучи монополией оно превратилось в самую отвратительную из крыш. Государство организует крупномасштабные войны, массово убивает своих граждан, грабит и разоряет людей огромными налогами, изымает их собственность, лишает свободы за вполне этичные поступки, регламентирует их жизнь, гробит их детей в школах и армии, обесценивает их сбережения. Ни одна обычная рэкетирская крыша по масштабам беспредела даже рядом не стояла с государством – потому я и предпочитаю слово “крыша”.

С точки зрения экономической социологии мафия – просто охранный бизнес. Разве что охраняет в основном запрещённые государством виды деятельности (с незапрещёнными работает полиция). Государство ненавидит мафию как “пищевого конкурента”, за нарушение его монополии. Кинематограф создаёт негативный образ мафии, на самом же деле рядовой мафиози в среднем не хуже обычного полицейского (мента), а боссы мафии – обычные крупные бизнесмены, вряд ли более циничные чем наши олигархи, несмотря на специфику деятельности. Кстати, при всей узости ниши, в «Крёстном отце», в Нью-Йорке было пять мафиозных «семей», а не одна, и это не выдумка.

Конечно, временами случаются совсем отмороженные рэкетирские крыши, но во-первых, клиенты норовят уйти от таких под более адекватные крыши и отморозки быстро истребляются конкурентами в возникающих конфликтах, а во-вторых, их жадность и жестокость во многом объясняются высокой нормой временных предпочтений: они знают что скоро будут вытеснены государством и стараются урвать побольше “пока не началось”. Если бы не боялись вытеснения и закреплялись на десятилетия – больше бы старались нравиться клиентам.

Обычная деятельность рэкетира лучше всего описывается словами “решение возникающих проблем”. Криминальное “по понятиям” на языке правоведов называется “обычное право”, о нём В. Найшуль немало писал (1, 2, 3).

Сценарии возникновения (не закончено)

Это самый сложный раздел текста. Сразу отмечу, что рассуждения (в том числе Мизеса и Хайека) о том, что для мироустройства якобы решающее значения имеют настроения публики – я считаю бреднями. Тот же Мизес писал, что взгляды могут меняться почти мгновенно. Мнения публики и действия власти порождают столь сложную “рефлексивную петлю”, что выяснить не “индуцированные” властью настроения публики вообще невозможно. Практика показывает, что большинство людей быстро приспосабливается почти к чему угодно, включая концлагерь. (В разделе про Новое Средневековье я пишу про “естественный порядок”, к которому люди привыкают легче чем к любому другому.)

Отрицая важность настроения масс, я, тем не менее, признаю важность активности небольшого числа обладающих ресурсами и влиятельных

индивидов. Это и крупные бизнесмены и даже террористы вроде Бен Ладена – именно их усилиями (но не обязательно в соответствии с их замыслом) возникнет новый мир, вопреки стараниям властей и настроениям публики.

Сильное влияние на будущее мироустройство оказывают следующие факторы:

1) Дешевизна и доступность технологий изготовления оружия (не обязательно ядерного, возможно оружия индивидуального террора или даже совсем простых вещей, вроде маленьких радиоуправляемых самолётов, но доступных большому числу лиц*.

2) Способность “примитивных” народов овладевать технологиями высокоразвитых и применять их не задумываясь о жертвах (в том числе своих, вспомним шахидов).

3) Способность большого числа лиц посредством разных технических средств координировать свои действия и обмениваться информацией минуя бюрократические каналы.

4) ИКТ – это во многом образовательные технологии, противостоящие государственной индоктринации, проводимой через традиционные СМИ и школы. Рост доступности информации о деятельности публичной власти и проекты типа “электронное государство” ведут к десакрализации власти. В связи с этим можно ожидать более прагматичного взгляда на государство, при котором станет видно, насколько это отвратная и неэффективная штука;

5) Обострение этно-религиозных конфликтов: а) массовая иммиграция людей другой культуры в страны Запада; кое-где общины иммигрантов уже насчитывающие миллионы человек, что приведёт к масштабным проблемам (Францию осени 2005 г. покажет цветочками); б) США больше не является “плавильным котлом”, а скорее сборищем самоутверждающихся этноцентрических групп, таких как афро-американцы, латиноамериканцы и азиатские американцы (возможно, тут главная интрига); в) многие этнические и религиозные общины живут под юрисдикцией разных государств (курды, евреи, арабы, китайцы, русские); г) чистый сепаратизм (Квебек, хорваты, словаки, Чечня, ИРА, баски, тамилы в Шри-Ланке и т.д.).

6) Под действием стимулов, создаваемых социальным государством Запад оказался в настолько тяжёлой демографической ситуации и ситуации с личными пенсионными накоплениями, что крах государственных пенсионных пирамид (как и прочего собеса) можно считать неизбежным.

7) Нельзя исключать появление новых технологий, которые резко изменят мировую экономическую конъюнктуру. Появление надёжных технологий

продления жизни вызовет мгновенный коллапс пенсионных систем. Прорыв в области термояда может резко снизить цену на нефть и падение доходов арабских стран, которое вызовет сильную нестабильность и экспансию населения вовне. Нечто подобное было после открытия морского пути в Индию, вызвавшее коллапс сухопутного транзита грузов, смерть многих восточных городов и царств и нестабильность во всём регионе, включая Южную и Юго-Восточную Европу.

Я не знаю как территориальное государство сможет проскочить через всё это. Не сможет! По моему, сейчас возникла ситуация фундаментального несоответствия между простым, иерархическим и гомогенным политическим устройством мира (200 государств из которых только 22 крупных) и сложностью, гетерогенностью и сетевым характером подвластных им структур. Далее, перед тем как перейти непосредственно к сценариям я каснусь нескольких важных вещей.

Исторический фон

Вот в этой местами интересной статье по мотивам нескольких серьёзных книг дана следующая картина политического развития Европы, с которой я в основном согласен: «Кризис ... в Западной Европе привел к появлению целого спектра альтернативных форм властвования - от центров империализации и городов-государств до корпораций (орденские политии, кампании купцов-авантюристов и т.п.) и внетерриториальных центров власти (наёмнических армий, пиратских флотилий и т.п.). Появление среди этого спектра территориальных политий с монопольным центром власти внутри каждой было принципиальным новшеством. А после того как эти политии усвоили уроки своих основных конкурентов (союзов городов-государств), они сами создали подобие союза - так называемую Вестфальскую систему. ... Подобное развитие вызвало, с одной стороны, совершенно непомерную нагрузку на государства, а с другой - низвело многие политии-конкуренты (корпорации, городские и территориальные самоуправления, религиозные общины и т.п.) до роли подчиненных внутригосударственных партнёров, сдавших многие свои полномочия государству. Результатом стало перерождение собственно государств в громоздкие и сверхгромоздкие структуры ... отягощенные разного рода дисфункциями.» Далее автор справедливо полагает, что сейчас происходит значительный откат назад, но, кажется, думает что всё обойдётся “малой

кровью”, вплоть до сохранения “облегчённых” государств. Я думаю, что всё будет серьёзней.

Обычно о трансформации нынешнего мира пишу, использую выражения “кризис, эрозия, закат вестфальского мира”, “поствестфальский мир”, “изменение идентичностей”, “трансформация природы суверенитета”, “размывание суверенитета”, “эволюция суверенитета”, “сетевые государства”. Особенно в этом преуспел американский профессор испанского происхождения Мануэль Кастельс (Castells) и наши Александр Неклесса и М.М. Лебедева. М. Кастельс ввёл термин “сетевые государства” и считает идентичность определяющим фактором современного мироустройства.

Крупнейшие субъекты

В топ 100 крупнейшие экономические субъекты мира, где показателем служит ВВП стран и валовая выручка компаний, лишь 49 стран, причём только 22 страны заметно крупнее крупнейших компаний. Среди компаний больше всего автостроительных и страховых. За последние 25 лет совокупная выручка двухсот крупнейших компаний мира увеличилась на 360% и этот рост экономической мощи частных компаний ведёт к усилению их политического влияния. Что будет при сохранении тенденции я и пытаюсь понять. Очевидно, что по мере возникновения проблем с госпенсиями будут расти масштабы и влияние негосударственных пенсионных фондов и страховых компаний.

Обращу внимание, что капитализация – не лучший показатель для оценки размеров страховых компаний, хотя бы потому, что многие из них (особенно в Японии) созданы как общества взаимного страхования (а не АО) и не имеют целью прибыль. И если по капитализации безусловно лидируют американские фирмы, то, например, по объёмам валовой выручки безусловные лидеры: ING (Нидерланды), Nippon Life Insurance (Япония), Allianz (Германия), Аха (Франция), Dai-ichi Mutual Life Ins. (Япония), Assicurazioni Generali (Италия), Sumitomo Life Insur. (Япония), и только на 8-ом месте первый американец, State Farm Insurance (США).

Следует добавить, что после военных и связистов страховщики, кажется, чаще всего запускают спутники. Они им нужны для оценки урожаев и ущерба от стихийного бедствия. Эти навыки и технологии им явно пригодятся, особенно в ситуации развития уже появившихся частных запусков.

Сети (незакончено)

Сеть образовывали древнегреческие колонии, общины первых христиан, монастыри. Сетевые взаимодействия характерны для разведчиков, дипломатов, миссионеров, купцов, подпольщиков, партизан, террористов, наркоторговцев. Из противостояния государства и сетевых сообществ последние часто выходили победителями: Рим капитулировал перед христианами; десятки колоний освободились от власти метрополий с помощью лишь партизан и подпольщиков.

Одна из современных сетевых форм существования общества - диаспора.

Идентичность

Идентичность (я о ней писал здесь) - это осознание индивидом своей принадлежности к тем или иным социальным группам и общностям, позволяющая ему оценивать свои социальные связи и принадлежности в терминах «мы» и «они»: мы, россияне <-> они, американцы. По некоторым данным, у индивида может быть более 20-ти идентичностей (половая, семейная, национальная, религиозная, партийная и т.д.), из которых штук 5-7 можно назвать «сильными». В рассуждениях о постсоветском мире часто рассуждают об изменениях идентичности, но я к этому отношусь скептически по нескольким причинам:

1) Идентичности относительно легко «выращиваются» на пустом месте. Рим, «сдавшись» христианам в дальнейшем использовал эту религиозную идентичность для объединения империи. Советский Союз для тех же целей вырастил новую идентичность «советский человек». Получившись в вузе вы приобретаете его идентичность. Тем же целям служат всякие значки, майки с символикой и прочий дьбр. Наверное СК будут выращивать свои идентичности. Для этого, например, можно обзавестись своими спортивными командами и устроить олимпиаду.

2) Идентичность слегка иррациональна и отчасти связана с сакральностью, человек же способен делать рациональный выбор. Часто задаются вопросом типа: «В случае конфликта России с мусульманской страной, на чьей стороне будет этот российский мусульманин?», «Какая идентичность у него сильнее?». Между тем, «подопытный» может, наплевав на идентичность, быть на той стороне, которую считает правой. Так и выбор СК может быть вполне

рациональным (с оценкой цены и качества услуг) и чаще всего таким и будет. Причём постфактум может возникнуть “правильная” идентичность.

3) Как ни парадоксально, в странах, где стало слишком много “иностранцев” [а это, например, большинство стран Европы] “национальные” сети в конечном итоге могут оказаться ближе носителям [когда-то “выращенной” государством] национальной идентичности, чем само государство [“продавшееся” неграм и мусульманам]. Полагаю, уже сейчас, большинство wasp’ов в Штатах предпочло бы юрисдикцию, альтернативную Бараку Обаме.

По этим причинам я не соглашаюсь с большинством “авторитетов” и считаю вопрос идентичностей хоть и важным, но не главным в контексте краха традиционных государств и возникновения альтернативных им сетевых структур.

Сценарии (набросок)

1. Уже упомянутый (не самый вероятный) сценарий: на выборах голоса избирателей делятся примерно пополам и [якобы] проигравшая сторона, отказываясь признать своё поражение создаёт альтернативную юрисдикцию. Думаю, нейтралитет военных – дело для Запада обычное, а вот готовность бюрократии раздвоиться, да так чтобы все государственные “бизнес-процессы” не пострадали – это вещь посложнее будет, потому такое возможно только после предварительной приватизации огромного числа государственных полномочий, но если это будет сделано, то более вероятен другой сценарий.

2. Чуть выше сказано, что масштабы и политическое влияние крупных компаний растут и если государство в попытках избежать своего дефолта начнёт приватизировать значительную часть своих функций, то этот процесс ускорится. В некий момент крупные компании сочтут что государство им просто не нужно и упразднят его. Понятно, что у них должна иметься значительные силовые структуры.

3. Катастрофический (наиболее вероятный) сценарий. Сейчас мы наблюдаем построение какого-то мирового Совка и чем это кончится – мы знаем. Будет всё лучше и лучше, пока в 1 день не рухнет. Как и в России, на развалинах всего этого массово начнут появляться рэкетирские крыши, но если в России удалось не допустить попадания ядерного оружия в частные руки, то где-нибудь это

наверняка не удастся, поскольку к тому моменту ядерных стран будет довольно много. Во всём этом бардаке появятся капиталистические анклавов, который постепенно распространялся на всю экономику. Яркими примерами таких анклавов являлись дзайбацу в Японии и чеболи в Южной Корее. Но на этот раз, я надеюсь, они не повторят ошибок прошлого и не станут служить императору, а сыграют свою игру, обзаведясь ядерным оружием.

4. Не исключено, что всё же государство растащат постепенно и до конца. Важным фактором станет изобилие мусульман в Европе. В какой-то момент они захотят свою церковную юрисдикцию (им не откажут, потому что государственные суды будут захлёбываться под валом мусульманских споров, а у государства будут финансовые проблемы). Сразу же после мусульман этого захотят иудеи и христиане. Потом все захотят не только своих судов, но и своих полицейских, свои системы собеса и прочее и всё это будет трансграничным. В конце концов выяснится, что центральная власть не нужна.

5. Нельзя исключать (хотя это маловероятно), что у власти окажутся настолько вменяемые люди, что осознав масштабы грядущих неизбежных проблем (таких как дефолт госсобеса и изменение характера военных угроз) они решат руками государства построить предлагаемый мир. О том как это сделать я немного рассуждал здесь.

Роль стандартов (набросок)

Я понимаю стандарты более широко чем это принято. Даже если что-то не считается стандартом, но почему-то очень сходно во многих странах – то это стандарт, но “захваченный” государством. Таковы правила дорожного движения, например. Для меня очевидно, что ПДД – это, по сути, отраслевой стандарт, который мог быть разработан частным образом, консорциумом заинтересованных лиц (автостраховщики, дорожные строители, автомобилестроители, ассоциации автовладельцев и т.п.) по обычной для таких вещей процедуре.

Другой пример стандарта, который таковым не считается – торговое (коммерческое) право. Оно изначально создавалось в Средние века как интернациональное и было результатом обобщения прецедентов купеческих судов. Обобщением занимались нанятые купеческими гильдиями частные юристы. Находки и удачные формулировки быстро распространялись по всей

Европе и за пару веков появился настолько совершенный и всеобщий продукт, что в 1473 году канцлер Англии мог сказать, что иски иностранных купцов, обращающихся к нему за защитой, будут решаться “в канцлерском суде по праву природы ... которое некоторые называют торговым правом, которое является универсальным правом мира”.

И хотя вмешательство государства изрядно развело гражданские кодексы разных стран, но особо больших проблем в международном частном праве нет и при всей разнице терминологии и формулировок, суды, по сути, в сходных делах принимают сходные решения, просто по разному их обосновывают. Поэтому, я думаю, в принципе возможно создать стандарт торгового кодекса, а точнее несколько стандартов, посвящённых разным его разделам, причём если будет несколько конкурирующих частных стандартов для каждого раздела – будет вообще хорошо.

Снова о юрисдикции

Разграничению и чёткой регламентации юрисдикции государств более всего уделяет внимание международное морское право. После ряда международных конвенций там различают юрисдикцию государства флага, юрисдикцию прибрежного государства и юрисдикцию государства порта. При этом объём юрисдикции различен в пределах внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа. Юрисдикция может быть уголовная, гражданская, судебная, административная. Отдельно говорят о праве преследования по горячим следам (hot pursuit).

Это показывает, что: а) со столь важным понятием как юрисдикция (по сути объём власти) и сейчас всё не так просто; б) субъекты власти обычно договариваются в тех случаях, когда их интересы пересекаются; в) есть немало общепризнанных конвенций ООН, часть из которых полностью или частично могли бы пригодиться и для мира контрактных юрисдикций. Например, в случае ликвидации территориальной юрисдикции государств, “ничейная” земля (не находящаяся в чьей-либо частной собственности), могла бы приобрести тот же общепризнанный юридический статус, какой сейчас у мирового океана.

Сейчас, судно, подозреваемое, например, в сбросе отходов в мировой океан, может быть задержано властями любого порта для проведения расследования. Это международно-признанная юрисдикция государства порта. Ничего не

изменится и в случае с СК. Очевидно, порт будет в юрисдикции какой-либо СК и точно так же власти порта задержат судно.

Длинный горизонт планирования (набросок)

Страховой бизнес и сам по себе вынужден заглядывать далеко вперёд (особенно при страховании жизни), но если это будет семейный бизнес, передаваемый по наследству, то горизонт планирования увеличится ещё сильнее. Это означает осуществление проектов с большим сроком окупаемости и заботу об угрозах далёкого будущего, например, захоронениях ядерных отходов, загрязнением окружающей среды и прочим.

Уровень муниципалитета (набросок)

Вот здесь Макс Вебер пишет, что в средневековых полисах демократия быстро и повсеместно сменялась властью нобилей, что меня несколько не удивляет. Полагаю, что в мире СК в муниципалитетах будут заседать представители конгломератов, имеющие бизнес в городе. Но они не будут иметь властью над людьми (ниша занята), управлять они будут фондами и муниципальным имуществом. Фонды будут формироваться как частными пожертвованиями, так и взносами самих СК.

Совершенно очевидные стимулы (желание снизить число страховых случаев) будут заставлять страховые компании строить подземные переходы, вешать светофоры, освещать улицы, заниматься правоохраной и т. д.

Иммигранты и контрактные юрисдикции

Меня спросили как при анкапе будет “решаться” проблема иммигрантов, “понаехавших в Европу из стран третьего мира”. Если совсем коротко, то проблема иммигрантов решается снижением стимулов для иммиграции (прежде всего отсутствием халявы) и ликвидацией государственного запрета на частную дискриминацию. Ниже я даю более развёрнутый ответ, но сразу оговорюсь, что я всё-таки не совсем анархист, я сторонник экстерриториальных (не обладающих территориальной монополией), “сетевых государств”, торгующих “юрисдикцией” как услугой (защита в обмен на деньги, больше всего это похоже на крышевание, где сетевая многофилиальная “крыша” регулярно взимает плату с клиентов и решает их проблемы когда и если те возникают, т.е. по страховой схеме), поэтому я буду отвечать не про “весь анкап” (что бы это ни значило), а про систему “экстерриториальных персональных контрактных юрисдикций” или, проще, “страховых крыш”.

На тему либертарианского решения проблемы иммиграции существует известная в наших кругах статья Г.-Г. Хоппе «Свободная торговля и ограниченная иммиграция», но статья, на мой вкус, слишком абстрактна, затянута, местами сомнительна, и посвящена в основном выбору правильной политики в рамках нынешних (монопольных) государств, а про анкап там совсем мало и тот анкап слишком радикален даже для меня (да, я боюсь совсем уж “чистого” ротбардианского либертарианства, где всё частное и нет “обычных прав” или сервитутов).

Почему иммигранты едут

Прежде всего отмечу, что желание жить хорошо – вполне рационально и осуждать за это человека – глупо. Большинство людей не склонны бросать своих родственников и друзей, родную языковую и культурную среду, и если они это массово делают, значит достало, значит есть веские причины. Думаю, подавляющее большинство беженцев из бедных стран искренне хотят учиться, честно работать, приносить пользу новой родине в благодарность за гостеприимство, возможно даже хотят платить налоги. Уверен, что изначально хотят сесть на шею иностранному налогоплательщику лишь очень немногие иммигранты, однако столкнувшись с языковыми трудностями, с трудностями устройства на работу и обнаружив что пособие обеспечивает весьма приличный уровень жизни, о котором на родине можно было только мечтать, многие не

могут устоять перед искушением и становятся паразитами. Конечно, готовность сесть на шею “обществу”, для которого ты даже ничего не сделал, выглядит этически сомнительно, но ведь и многие “местные” этим не брезгуют, так что уж ждать от выходцев из нищих стран, менее притязательных и менее озабоченных вопросами этики? Так что вопрос только в том, какого чёрта это позволяет делать принимающая сторона.

Причины ненависти

По-моему, ненависть к иммигрантам в основном вызвана не расовыми или национальными различиями, а знанием о том, что они часто сидят на пособиях, т.е. паразитируют на тех кто работает. К работающим мигрантам претензий меньше. Ещё ненавидят “пищевых конкурентов”, т.е. тех кто занимает как бы ваше место, но в случае иммигрантов такая ненависть слаба, поскольку они делают непрестижную работу, на которую местные претендуют редко. Так, например, я не замечал особой ненависти к таджикам в Москве, поскольку вряд ли они сидят на пособиях, все видят что они работают (обычно дворниками), причём местные на эту работу не сильно рвутся.

Часто можно услышать аргумент «они приехали на всё готовое», за которым кроется мнение говорящего, что он, его родные и близкие, создавали наличную “среду обитания” и что у говорящего есть особое “право” пользоваться благами этой среды, а иммигрант своего рода безбилетник. Да, когда рулит концепция “публичных благ” и с частных лиц собирают налоги на производство этих благ, такое мнение не лишено оснований. Однако проблема тут всё же не с иммигрантами, а с концепцией “публичных благ” и налогами. Концепции централизованного обустройства среды обитания (обычно на принудительно изъятые деньги) противостоит концепция децентрализованного “добровольного” обустройства, которая выглядит более естественно, логично и этично. Так, например, растения вырабатывают кислород как побочный продукт фотохимических реакций. Кислородом дышат животные. Но растения не выставляют за это животным счёт. Животные тоже не выставляют счёт растениям, удобряя почву. Каждая сторона действует из “эгоистических” побуждений, не обращая внимания на случайных бенефициаров.

Когда вы убили напавшего на вас бандита – вы тоже улучшили среду обитания, но вам за это ничего не полагается с других членов общества (хотя государство на сходные вещи собирает налоги). Когда вы украшает фасад своего дома – вы

тоже улучшаете среду и ничего не требуете за это с окружающих. Ровно так же децентрализованно и добровольно может формироваться вся современная среда обитания человека. Магазины обустривают подходы к себе для привлечения клиентов и так возникают тротуары. Строители домов делают дороги для подъезда строительной техники и потом асфальтируют их потому что это увеличивает стоимость квартир в новом доме. Рекламные агентства готовы содержать в порядке городские магистрали в обмен на размещение рекламных щитов. Страховые компании могут заниматься поимкой преступников, дабы возместить ущерб, нанесённый клиентам, и могут даже заниматься профилактикой преступности и обустройством дорог (переходы, светофоры и т.п.) ради снижения числа страховых случаев. И т.д. При таком (анкаповсом) подходе никто не может сказать что он имеет больше прав на пользование средой обитания чем кто-то другой и указанные выше претензии к иммигрантам становятся неуместными.

К менее явным причинам ненависти я бы отнёс невозможность “разрядиться”, легально выразив свою неприязнь, что является следствием государственной политика навязывания толерантности. За вполне безобидную надпись на майке «ненавижу черномазых» могут посадить. Я слышал что в английской провинции ещё иногда встречаются древние таблички у входа в магазины и трактиры «цыганам вход воспрещён», но почти повсеместно в “развитом” мире такая практика запрещена. Хотя очевидно, что хозяин магазина или кафе сам должен решать кого ему обслуживать, а кого нет, в России, например, в пункте 1 статьи 426 ГК сказано: «Коммерческая организация не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим в отношении заключения публичного договора», пункт 2 той же статьи запрещает ценовую дискриминацию, а в пункте 3 сказано: «Отказ коммерческой организации от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы не допускается». Не стоит удивляться, что не находя легального выхода неприязнь нередко переходит в криминальное поведение.

Почему сейчас иммигрантов пускают в страну

Как справедливо пишет Юрий Кузнецов в своей статье о социальном государстве «Роковой выбор» (отличная статья, всем советую) “в долгосрочной перспективе расширение социального государства наталкивается на то, что увеличение изъятий подавляет экономический рост и подрывает капитальную

базу экономики” в результате чего социальные государства “пытаются прибегать к разного рода ресурсам, «внешним» по отношению к налогооблагаемой части экономики”. К таким ресурсам можно отнести женщин (которых массово перетащили из домохозяйств на рынок труда) и иммигрантов. Короче говоря, обирая налогами уже работающих, власть ищет кого бы ещё поиметь и находят иностранную рабочую силу.

А дальше вступает в силу шизофрения социального государства, когда одна рука (орган, ветвь власти) не знает что делает другая рука и вся мощь государства начинает защищать “права” иммигрантов как человек, к каковым сейчас принято относить и “права” на всякие социальные пособия. Т.е. въехавший в страну иммигрант, вместо того чтобы работать и платить налоги получает возможность сесть на шею налогоплательщикам, а иммиграция из трудовой постепенно превращается в “социальную”. Из тех же шизофренически-гуманитарных соображений достаточной причиной для запуска в страну является родство с уже въехавшими (объединение семьи) и тяжёлые условия жизни на родине (война, голод и пр.), а усугубляется это тем, что сидящие на пособиях иммигранты – это электоральная база социалистических партий. Кстати, ровно так же добро побеждает разум и в вопросе запрета на детский труд.

Немного конспирологии

Выше я уже сказал, что сидящие на пособиях иммигранты – это электоральная база социалистических партий и если иммигрантов достаточно много, можно предположить, что заинтересованные в голосах партийные боссы защищают “права” иммигрантов исходя не из интересов всего “общества”, а из “партийных”, т.е. по-сути своих личных. Очевидно так же, что поток иммигрантов и “поддержка” их пребывания в стране создают много бюджетных рабочих мест среди коренного населения (иммиграционная служба, раздача пособий, полиция, должности в министерствах, комитеты в парламентах и т.д.) и получающие зарплату люди предпочитают её не лишаться, а потому заинтересованы в миграции.

Тут можно пойти ещё дальше и порассуждать об интересах всего государства, как единого властвующего субъекта. Так, если существующая мифология гласит что государство нужно для борьбы с преступностью и защиты от внешних врагов, то государству для создания иллюзии своей нужности выгодно

вращивать преступность и заводить (обычно мнимых) внешних врагов, что мы и наблюдаем почти повсеместно. Конфликтогенный процесс иммиграции ровно так же выгоден государству и создаёт иллюзию его нужности как единственного “арбитра” (якобы стоящего над схваткой), способного разрешать возникающие проблемы. Собственно, создать проблему чтобы потом предложить свои услуги по её решению – дело обычное. Так, например, Российская империя подстрекала казаков нападать на соседних азиатов, а азиатам предлагала защиту от казаков в обмен на подданство.

Ниша

Чтобы иметь формальный повод (глубинные причины я указал выше) для легализации трудовой миграции – на рынке труда должна быть ниша для иммигрантов или, в терминах социалистов, “потребность экономики” в них. Иммигранты – это как правило неквалифицированная рабочая сила и ниша для них возникает в результате следующих типичных для социальных государств явлений:

- 1) всеобщее среднее и часто бесплатное высшее образование, в результате чего коренное население становится чрезмерно квалифицированным (over-qualified) для простых работ;
- 2) пособия по безработице (какой-нибудь инженер, оставшись без работы, предпочтёт сесть на пособие вместо того чтобы временно поработать дворником, а дворником станет таджик);
- 3) бесплатное высшее образование и стипендии (без этого многим студентам пришлось бы подрабатывать в свободное от учёбы время);
- 4) запрет на детский труд (обычные для иммигрантов работы, типа уборки улиц, торговли с лотков или присмотр за маленькими детьми, во многих случаях могли бы выполнять подростки);
- 5) минимальная зарплата (МРОТ) и налоги стимулируют нелегальную миграцию (нелегалов можно нанимать дешевле и не платить налоги, а жаловаться они не станут, - судя по кинофильмам, мексиканцы в США именно на этой волне прут), а каждые сколько-то лет объявляют амнистию и нелегалов легализуют чтобы они хоть налоги платили.

Есть и ряд более “тонких” факторов, типа страха работодателей перед профсоюзами (в которых иммигранты обычно не состоят, а потому они предпочтительнее), низкая трудовая этика коренных жителей (те же деньги они будут ценить субъективно ниже и работать за них будут хуже) или законодательная зарегулированность трудовых отношений, когда из-за высоких

“транзакционных” издержек найма-увольнения легче взять одного постоянного мигранта, чем часто меняющихся студентов или безработных инженеров.

Персональные контрактные юрисдикции

Очевидно, что без социального государства никто не будет платить иммигрантам пособие по безработице и никто не будет заниматься их ассимиляцией (а ныне живущая за счёт налогоплательщиков госслужащие и политики, заинтересованные в иммиграции, станут конкурентами таджиков на рынке труда:). Перечисленные выше факторы, создающие широкую трудовую нишу для иммигрантов, перестанут действовать и она резко сузится. Если сейчас государство пытается всех выровнять через всеобщее среднее образование, грабёж богатых и подачки бедным, то с крахом этой политики произойдёт существенное расслоение и появится своя местная неквалифицированная рабочая сила. На рынок труда выйдут студенты и подростки из бедных семей, оставшиеся без работы чиновники, не имея пособия, будут работать дворниками и т.д. Иммигрантам придётся конкурировать с местными и в этой конкуренции их позиции слабы (они плохо знают язык и не имеют “локального знания” об имеющихся в данной местности возможностях, ценах и методах решения проблем).

Отдельно следует отметить, что с исчезновением социального государства пропадут государственные пенсии и, заранее заботясь о своей старости, люди начнут рожать больше детей, особенно если не имеют возможности копить деньги. Учитывая, что без обязательного школьного образования и запрета на детский труд дети из чистого пассива превратятся в приносящий доход капитал, можно с уверенностью прогнозировать резкий рост рождаемости среди бедных слоёв населения, а это значит что на рынке труда у иммигрантов появится много местных конкурентов, как следствие это повысит градус ненависти к иммигрантам (как к “пищевым” конкурентам) среди бедных слоёв и число уличных конфликтов с ними. И вот тут пришла пора порассуждать о правоохране как свойстве среды обитания.

Сейчас государственная правоохрана распространяется на всех жителей данной территории, независимо от уплаты налогов или даже наличия гражданства. Т.е. убийство или нанесение серьёзного ущерба иммигранту влечёт за собой возбуждение дела, следствие и суд, что, очевидно, защищает иммигрантов от посягательств. И это всё квазибесплатная (за налоги) услуга. В системе

контрактных юрисдикций эта халява пропадёт. За защиту нужно будет платить, как минимум купив страховку. При этом цена страховки зависит от вероятности страхового случая и там где ненависть к иммигрантам высока (т.е. своих бедных хватает), там страховка будет стоить очень дорого, что приведёт к оттоку иммигрантов в более лояльные места и/или их компактному проживанию без появления во враждебных местах.

Ровно в том же направлении будет работать и отсутствие запрета на частную дискриминацию. Там где неприязнь к иммигрантам высока на магазинах, ресторанах, школах, общежитиях, домах где сдаются квартиры и т.д. будут висеть таблички типа «только для белых» или «азиаты не обслуживаются». Иногда, после каких-либо громких происшествий с участием «инородцев» это будут акты солидарности вроде наших ленточек, но вообще, если на рынке есть спрос, например, на проживание в доме без негров, то вполне рационально создать предложение и заработать на этом деньги. Постепенно такое поведение приведёт к раздельному проживанию неприятных друг другу национальностей. Раздельное проживание в свою очередь приведёт к снижению уровня неприязни. К тем кого видишь редко и на чьи локти не натыкаешься, трудно испытывать ненависть.

Цена страховки и изобилие/редкость «ограничительных табличек» будут служить хорошими индикаторами для иммигрантов куда стоит или не стоит ехать. Сама необходимость покупать страховку приведёт к симпатичной для Хоппе ситуации, когда ехать будут только туда, где смогут найти «крышу» и где будет возможность эту крышу оплачивать, т.е. будет работа.

Итого, при анкапе: а) трудовая ниша для иммигрантов сузится, поскольку появится местная неквалифицированная рабочая сила, цена их труда вероятно упадёт, а «пищевая» конкуренция увеличит ненависть к ним среди бедных слоёв; б) пропадёт халява в виде пособий, бесплатного образования и даже защита (правоохрана) станет не бесплатной, что в сочетании с падением цены труда и ростом ненависти сильно осложнит жизнь; в) но появятся хорошие индикаторы и стимулы, которые изменят потоки миграции и в нетолерантных местах приведут к раздельному проживанию, что снизит градус неприязни.

Декларация независимости

Я, обычный житель той части Восточно-Европейской равнины, которая подконтрольна государству "Российская Федерация" никакого отношения к официальной позиции этого государства не имею и плевать на неё хотел, каких бы вопросов она не касалась. Я не участвую в выборах публичной власти потому что выбирать власть другому - неэтично и подчиняюсь власти только потому, что неподчинение может быть жестоко наказано. По сути я раб государства, вынужденный отдавать ему до половины своих доходов и в любой момент оно может меня открыто и безнаказанно убить. Я не убегаю с подконтрольной государству территории потому что здесь мой дом, я привязан к родственникам, друзьям, культурному и языковому окружению, не хочу это всё терять и бегство в этой ситуации - считаю унижительным, как бегство с поля боя. Бежать - это не по-мужски. По-мужски - уничтожить рабовладельца при первом удобном случае, каковое право я оставляю за собой, как бы ни были популярны в народе вертухаи-надзиратели и каких бы взглядов на содержание рабов они ни придерживались, пусть даже самых гуманных.